ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2017 № 4

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 4 (43)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Освоение периферийных территорий: сравнительные международные исследования политик и практик

От редактора рубрики **5**

Рыжова Н.П., Васильева О.Г. Российский Дальний Восток как «череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов **7**

Глебов С.В. Вызовы империи: первые десятилетия колонизации на Дальнем Востоке России (дискуссионные заметки) **17**

Гузей Я.С. Переселение и захват: практики захватного землепользования на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. **29**

Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И. «Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию института прав собственности на землю? **40**

Круглый стол

Барбенко Я.А., Горюнов А.П., Демьяненко А.Н., Заколодная А.С., Ковалевская Ю.Н., Кондратенко Г.В., Минакир П.А., Назарова Я.В., Фетисова Л.Е. «Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии? **55**

Историческое регионоведение

Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70-х гг. XIX в.: внешнеполитический фактор **68**

Прудкогляд Т.В., Агапов В.Л. «Уссурийская окраина» и другие газеты: из истории газетных войн в городе Никольск-Уссурийском (1907–1916 гг.) **85**

Социальные и демографические структуры

Винокурова А.В. Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края) **95**

Казакова А.Ю. Город как пространство рисков: надёжность оценок личной безопасности **105**

Филипова А.Г., Еськова А.В. Оценка влияния региональных показателей на здоровье детей **124**

Политические отношения и управление регионом

Киреев А.А. Сценарии пограничной политики на российском Дальнем Востоке в контексте вариантов развития региона **133**

Владивосток
2017

Мировая система и международные регионы

Золотухин И.Н. Филиппины на пути к «независимой внешней политике» через призму отношений с региональными державами **151**

Севастьянов С.В. Новые тенденции азиатско-тихоокеанского регионализма: изоляционизм США и (вынужденное?) лидерство Китая **166**

Аналитические центры АТР

Журбей Е.В. Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы **178**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Я.А. Барбенко, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, Г. Кристоффферсен, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, М.М. Лебедева, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, Н.П. Рыжова, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, Шин Беом-Шик, Сасаки Широ, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www.ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 4 (43)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

Vladivostok
2017

The Theme: Development of The Peripheries: Comparative Studies of Politics and Practices

From the editor of the heading **5**

Ryzhova N.P., Vasil'eva O.G. The Russian Far East as a "string of experiments": approaches to study reasons behind successes and failures in development of peripheries **7**

Glebov S.V. Challenges of Empire: First Decades of Colonization in the Russian Far East (notes for discussion) **17**

Guzei Ya.S. Colonization and seizure of land: practices of seizure of lands in the Far East of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries **29**

Ryzhova N.P., Zhuravskaya T.N., Feoktistova K.I. "Far Eastern hectare": experiment of the creation of property right over land? **40**

Round Table

Barbenko Ya.A., Goryunov A.P., Demyanenko A.N., Zakolodnaya A.S., Kovalevskaya Yu.N., Kondratenko G.V., Minakir P.A., Nazarova Ya.V., Fetisova L.E. "Colonization" and/or "development": what should we do with the terminology surplus? **55**

Historical Regional Studies

Avilov R.S. The development of the Russian ground forces in the Far East during the 1860s and 1870s: the influence of the foreign-policy factor **68**

Prudkoglyad T.V., Agapov V.L. "Ussuriyskaya okraina" and other newspapers: from the history of the newspaper wars in Nikol'sk-Ussuriysk city (1907–1916) **85**

Social and Demographic Structures

Vinokurova A.V. The life strategies and everyday practices of families of Uzbek migrant workers (on the example of Primorye territory) **95**

Kazakova A.Yu. The city as a space of risk: the reliability of personal security estimates **105**

Filipova A.G., Es'kova A.V. Assessment of regional indicators influence on children's health **124**

Political Relations and Management of the Region

Kireev A.A. Scenarios of border policy in the Russian Far East in the context of regional development prospects **133**

World System and International Regions

Zolotukhin I.N. The Philippines' turn to "independent foreign policy" through the lenses of the relations with the regional powers **151**

Sevast'yanov S.V. New tendencies of the Asia-Pacific regionalism: American isolationism and (reluctant?) Chinese leadership **166**

The Analytical Centres of APR

Zhurbey E.V. "Think tanks" and the foreign policy process in Thailand: current status and prospects **178**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Ya.A. Barbenko, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, M.M. Lebedeva, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, N.P. Ryzhova, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, Beom-Shik Shin, Shiro Sasaki, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: http://www. ojkum.ru
E-mail: ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.
Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

Тема, анонсированная для данного номера журнала, похожа на ловушку. Каждый термин в ключевом словосочетании «освоение периферийных территорий» подталкивает к колониальному способу обращения «первого» (западного) мира с миром «третьим» (восточным). Авторы номера, не планировали, конечно, рассуждать на тему «отдельных племён», проживающих «на огромной территории» или «неизмеримо более высоком уровне социально-экономических отношений, существовавших в России», и благотворно влиявших «на развитие связей с местными жителями»[1].

Однако между рафинированными рассуждениями о разных моделях освоения периферий и колоний, приведших к разным результатам развития, и «махровым» ориентализмом относительно несложно проложить исследовательскую дорожку. Анонсированные идеи номера о том, что опыт США и Канады является «безусловной историей успеха», а политика колонизации в странах Африки, особенно южнее Сахары «находится на другом конце спектра», не может вполне успокоить чуткого к постколониальной риторике исследователя. О том, что колониальное наследие продолжает негативно влиять на сообщества людей, проживающих на территории Африки, спорить сложно. Но так ли положителен опыт США? Так ли идеальна модель освоения, предполагающая расчистку территории от аборигенного населения, создание плацдарма для расцвета западной цивилизации? В чем особенности модели освоения российского Дальнего Востока по сравнению с африканской или американской? Определяет ли внутренний характер колонизации[2] долгосрочные результаты развития этого российского региона?

Эти противоречия и вопросы, актуальные для девеломенталистских дискуссий, ведущихся с совершено разных позиций, скажем, экономистами и антропологами, не могли не отразиться на калейдоскопичности публикуемых в этой рубрике текстах. Мы далеки от предположения, что нам удалось без потерь обойти все подводные камни и представить единую картинку с хорошо подогнанными друг к другу сюжетами.Мы осознаем в этой связи, что теоретический обзор в духе экономического позитивизма, открывающий номер (Н. Рыжова и О. Васильева), находится в контрфазе по отношению к статье С. Глебова о социально-политическом воображении в отношении новой российской окраины. Институциональные эксперименты, о которых пишут Н. Рыжова и О. Васильева, необходимы для понимания долгосрочной социо-экономической динамики. А социальные эксперименты, о которых рассуждает С. Глебов, помогают понять, как Дальний Восток воображался, конструировался на начальных этапах его развития. Даже отсылки к опыту Америки или Австралии имеютдля авторов рубрики совершенно разное значение. Для историка создание нового типа поселенческой колонии в стиле Америки или Австралии – это скорее заимствование идей реальными управленцами и интеллектуалами своего времени, а для экономистов опыт Америки – лишь результаты эмпирических исследований, которые могут быть использованы для формулирования собственных гипотез или их верификации.

---

[1] Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века / Отв. ред. А.П. Окладников. 2-е изд. М.: Наука, 1982. С. 33.

[2] Эткинд А. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России // Ab Imperio. 2002. № 1. С 268–298.

Две другие статьи рубрики представляют не спектр теоретических подходов к пониманию развития окраинных территорий, но сравнение конкретных политик и практик, имевших место в царской России (Я. Гузей), с теми, что складываются в настоящее время (Н. Рыжова, Т. Журавская и К. Феоктистова). Режимы и политики управления, значение практик захватного землепользования для становления институтов собственности рассматриваются в обеих работах и предоставляют хорошие эмпирические материалы, в том числе, и для понимания представленных в данной рубрике теоретических текстов.

Н.П. Рыжова

УДК 314
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/7-16

Рыжова Н.П., Васильева О.Г.
Ryzhova N.P., Vasil'eva O.G.

Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов

The Russian Far East as a "string of experiments": approaches to study reasons behind successes and failures in development of peripheries

В обзорной статье рассмотрены возможные подходы к исследованию причин отставания периферийных регионов по уровню социально-экономического развития в русле институциональной экономической теории. Показано, что освоение российского Дальнего Востока можно рассматривать как серию институциональных экспериментов в политической, экономической и социальной сфере. Применение институционального инструментария к данным экспериментам позволит приблизиться к объяснению причин социально-экономического отставания региона.

Ключевые слова: *институты, развитие, институциональный эксперимент, российский Дальний Восток*

◆

The paper reviews a recent progress of new institutional economics in studying reasons behind development gap of peripheral regions. It argues that colonization and development of the Russian Far East should be approached as a string of experiments in political, economic and social spheres. Using institutional approaches and instruments to an analysis of experiments will allow to explain reasons behind the region's poverty trap.

Key words: *institutions, development, institutional experiments, the Russian Far East*

Почему российский Дальний Восток (далее – РДВ) не повторил историю успеха западного побережья США и Канады? Почему Владивосток не стал новым Сан-Франциско или Ванкувером? Какое влияние оказывали и оказывают исторические и современные политики и практики колонизации и освоения РДВ, применяемые национальными, субнациональными и локальными властями, на его долгосрочное развитие?[1]

РЫЖОВА Наталья Петровна, д.э.н., заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН и профессор Академического департамента ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** ryzhova.np@dvfu.ru

ВАСИЛЬЕВА Ольга Геннадьевна, к.э.н., заведующий Амурской лабораторией экономики и социологии ИЭИ ДВО РАН *(г. Благовещенск)*. **E-mail:** ogvasilyeva@gmail.com

[1] Авторы искренне благодарят Сергея Глебова (Sergey Glebov, Amherst college), Вилларда Сандерленда (Willard Sunderland, University of Cincinnati) и других коллег, участвовавших в обсуждении исследовательских проектов, поданных на конкурс мега-гран-

Эти и другие сходные вопросы, конечно, не раз привлекали отдельных отечественных и зарубежных учёных и даже целые институты. Предлагаемые ответы во многом зависели от дисциплинарной принадлежности, избранной теоретической рамки, использованных исследователями методов и данных. Имперская история как широкая рамка, и конкретный управленческо-региональный подход вместе с выбором хронологических границ позволили известному российскому историку А. Ремневу выявить значение географии, рассматриваемой через властные отношения, для успехов и провалов России в её движении на восток **[5]**. Вновь география, но уже измеряемая конкретным показателем январских температур, осмысленная через идеи политической экологии, привели Ф. Хилл и К. Гэдди к выводам о том, что освоение Сибири (контуры которой у авторов включают и Дальний Восток) было, по сути, просчётом планового советского хозяйства **[6]**. В этой книге, вызвавшей не только научную полемику, но и ожесточённые публичные споры, не обсуждается фактор цены расстояния, что, кстати, могло бы даже добавить убедительности авторским заключениям о необходимости переселения людей из сибирских городов. Цена расстояния как фактор дополнительных экономических затрат, а также значение политико-экономических решений для долгосрочного развития Дальнего Востока рассматриваются в книге П. Минакира **[2]**.

В данной статье мы хотим предложить альтернативный теоретический подход, применение которого может дать новые ответы на поставленные вопросы. Этот подход продиктован последними достижениями новой институциональной экономической теории в объяснении причин провалов и успехов разных стран в освоении периферий и колоний. Этот подход исходит из предположения, что не география или наделенность ресурсами, а институты (или не только они) «отвечают» за неравномерность экономического развития. Сразу должны оговориться, что статья представляет собой именно изложение теоретической рамки, но не её применение, что определяет её обзорный характер.

Как изучать? Дискуссии о влиянии институциональных изменений на развитие периферий

Неоинституционализм как пространство диалога. Истории известно множество попыток и моделей освоения периферий, колоний, фронтирных территорий, приведших к совершенно разным результатам в терминах социального, экономического и политического развития. Безусловной историей успеха принято считать опыт США и Канады, хотя модели и степень их освоения качественно отличаются. На другом конце спектра находятся страны Африки, особенно южнее Сахары, ни колонизация которых, ни постколониальное развитие не привели к избавлению населения от нищеты, болезней, недостаточного питания и прочих пороков отстающего развития. Все остальные случаи лежат между этими предельными «моделями» – это и опыт освоения фронтирных территорий Австралии, и освоение странами Латинской Америки бассейна Амазонки.

Несмотря на активную дискуссию, было бы ошибкой заявить, что исследователи близки к пониманию фундаментальных причин успехов и неудач развития. Для того чтобы приблизиться к такому пониманию необходимо усилить диалог между представителями разных научных дисциплин. Диалог, примером которого могут служить недавно опубликованные книги институционалистов **[1; 3; 4]**, необходим по многим

тов. Хотя коллективы не получили финансовую поддержку, содержательная работа над заявками стимулировала наш исследовательский поиск.

причинам. Начиная с самых очевидных, таких, как хорошее сочетание умения экономистов строить обобщающие модели с антропологическими и историческими методами накопления эмпирического материалао развитии колоний и постколониальных стран. И заканчивая возможностью создания более глубоких объяснительных моделей, учитывающих культурные и исторические различия в моделях власти и способах организации экономического и социального пространства в рамках отношений «центр-периферия»; объясняющих специфику правил, норм и ценностей представителей разных культур, неминуемо вступавших во взаимодействие на колонизуемых, осваиваемых, заселяемых территориях.

География или институты? Когда вспоминают о Сибири и Дальнем Востоке, нередко находят наиболее «очевидное объяснение» их отставанию, состоящее в климатических/ географических особенностях. «Географическая гипотеза» (температура, влажность, ландшафт, определяющие болезни, сельское хозяйство и т.п.) некоторое время назад активно эксплуатировалась для объяснения проблем разных перифериий **[10; 15; 19]**. Сейчас «институциональная гипотеза» (распадающаяся как минимум на историческую и культурную) находится в оппозиции к «географической» и, можно сказать, побеждает **[7; 8; 14; 16; 17; 18; 23 и другие]**. Но, конечно, нельзя исключить, что РДВ может предъявить новые доводы в этом споре.

В рамках институциональной гипотезы делается акцент на влиянии правил, норм, ценностей и организаций/структур на развитие. Так, например, в работе **[29]** показана положительная связь между институтами (продолжительностью существования централизованного государства), географией (сроками освоения агрокультуры) и текущим уровнем среднедушевых доходов в стране. Авторы работы пришли к выводу о том, что для развития не так важна география, как история предшествующих поколений, в частности знакомство с определёнными политическими институтами, а также существующие правила и нормы населения. Доказательство превосходящего влияния культуры и институтов над географией они проводили на данных по европейским странам, в том числе учитывая изменения этнокультурной структуры населения, имевшее место с XV в.

Культурные особенности переселенцев и/или аборигенного населения? Культурное, лингвистическое, религиозное разнообразие было яркой особенностью российского Дальнего Востока с самого начала его колонизации. Имеет ли значение, какие колонисты сюда приезжали, какие люди здесь жили или как сейчас формируется этнокультурный состав населения? Исследования, выполненные на других странах и регионах, позволяют положительно ответить на эти вопросы. О том, что этнический состав населения, его культура, опыт взаимодействия с институтами в стране/региона исхода, а не только приёма, играют одну из ключевых ролей в объяснении различий в успехах, говорится в **[26; 27; 30; 31]**. Так, например, в работах **[30; 31]** показано, что генетическая дистанция между отдельными национальными единицами (или мера, показывающая время, которое прошло с тех пор, как два популяционные сообщества имели общего предка) имеет значение для различий в уровне текущих среднедушевых доходов между ними. Экономическая интерпретация этого вывода состоит в том, что барьеры для миграции людей формируются параллельно с барьерами, влияющими на диффузию инноваций, рождающихся на передовых рубежах технологического прогресса.

В литературе были предприняты попытки оценки влияния преколониальных институтов на современные институты и развитие. В частности, в работе **[27]** на данных о пространственном распределении

этнических групп в Африке до колонизации и о региональной вариации социально-экономического развития показано, что кросс-граничные современные институциональные различия не объясняют социально-экономические различия между отдельными группами. Напротив, авторы показывают, что элементы пре-колониальных институтов имеют большое значение для современного развития.

Насилие имеет значение? РДВ формировался, в том числе, благодаря насилию – в частности, принудительным переселениям в регион, внутри региона, а также из региона. Может ли это иметь значение для его текущего развития? Влияние институтов принудительного переселения на развитие оценивается в ряде работ. Например, в работе **[29]** предпринята попытка объяснения низкого уровня текущего развития африканских стран работорговлей, имевшей место ранее. Вклад этой работы состоит в том, что он обнаруживает негативную корреляцию между количеством рабов, экспортированных из отдельных африканских территорий, и их текущим положением. Опыт другого случая массового насильственного переселения (мусульман из Испании в начале XVII в.) свидетельствует об обратном эффекте: регионы, из которых выслали большее число мусульман, демонстрировали более высокие темпы экономического роста **[14]**.

«Одинаковы» ли институты в одной стране? До сих пор мы приводили примеры работ, сравнивающих между собой страны. Но будет ли подобная постановка вопроса (об институтах, созданных для переселенцев или влиянии института собственности на развитие) иметь смысл при обращении к субнациональному уровню? Можно ли тестировать гипотезы о том, что институты, сложившиеся на Дальнем Востоке, могут отличаться от институтов, сложившихся в других регионах страны? Подобные работы были опубликованы. В качестве примера – суды на юге и севере Италии функционируют по-разному. Отталкиваясь от этого факта, в работе **[32]** доказано, что культурные различия – конкретно, индивидуальные ценности, убеждения, доверие и уважение к другим, самоопределение – дифференцированы даже внутри стран, что приводит к разному функционированию тех же самых институтов, и поэтому культура является основным механизмом, через который история влияет на текущее развитие.

В работе **[33]** обсуждается, что насилие в отношении евреев в Европе вело к изменениям в культуре (ценностях, и прежде всего в уровне доверия), что в свою очередь вело к ухудшению политического, экономического и социального развития отдельных субнациональных единиц с худшим уровнем насилия по отношению к социально угнетённой группе. Авторы доказали, что устойчивость антисемитских настроений в районах Германии (в частности, погромы в средние века) являются хорошим предиктором таких же настроений в начале XX в., что в свою очередь было связано с последовавшим голосованием за нацистскую партию. В другой работе **[22]** показано, что насилие (введение «черты оседлости», искусственной границы, определившей территории допустимого вселения евреев в Российской империи) способствовало формированию устойчивой во времени тенденции к преобладанию антирыночных ценностей и установок у современных жителей, проживающих внутри этой границы. Объяснение авторов – среди современных жителей евреев почти не осталось, а потомки тех, кто проживал рядом с этой социально угнетаемой группой, сохранили негативное к ним отношение, а значит, и негативное отношение к рынку, что символически неотделимо.

Каким образом можно отвечать на перечисленные выше вопросы? Что имело наибольшее значение для развития РДВ? То, кем и как регион заселялся? То, какие институты создавались для переселенцев и

самими переселенцами? Имело ли значение насилие, преобладавшее на первых этапах колонизации, но неоднократно применявшееся и позднее? Ответы на эти вопросы требуют выбора конкретных исследовательских сюжетов. Наиболее интересные, на наш взгляд, институциональные эксперименты перечислены ниже.

Что изучать? Типизация «экспериментов» колонизации и освоения края

Включение дальневосточного региона в состав Российской империи 150 лет назад имело, прежде всего, геополитические основы. Опасения британского вторжения во время Крымской войны и такие эпизоды тихоокеанского театра этой войны как бомбардировка, Петропавловска привели российское правительство к заключению о необходимости включить в состав империи и заселить Приамурье и Уссурийский край. В результате эти регионы стали одними из последних по времени территориальных приобретений России. В отличие от Средней Азии, включённой в состав империи примерно в это же время, Дальний Восток стал неотъемлемой частью России. При этом геополитические соображения, соображения безопасности на долгие годы стали основным приоритетом в колонизационной и переселенческой политике Российской империи и позднее – Советского Союза. Долгие годы Дальний Восток был, по сути, военной окраиной, масштабное развитие которой требовало огромных ресурсов и неординарных решений.

Очевидная невозможность быстро заселить и освоить «окраину» в треть своей территории естественным образом требовала от Российского правительства (царского, а затем советского и постсоветского) институциональных экспериментов или специфичных планов, программ, отдельных мер по колонизации, освоению и развитию территории. Соответственно институты (программы, планы, меры – или *правила*, взаимодействующие с культурными *нормами и убеждениями* людей и реализующиеся в *организациях* и /или сетевых структурах), порождающие «регулярность социального поведения», и необходимо изучать для объяснения причин удач и провалов в развитии территории РДВ.

Мы выделяем три типа институциональных экспериментов, изучение которых имеет особенно важное значение для развития РДВ. При этом понимаем, что типизация достаточно условна: так, например, эксперименты с порто-франко (институт в экономической сфере) влияли и на институты, управлявшие миграционными потоками (институт в социальной сфере).

Эксперименты с институтами в политической сфере. К первой группе экспериментов мы относим эксперименты центрального правительства в сфере формально-правовых институтов и местного – в сфере их применения. Здесь интерес вызывают институты гражданства и подданства, ведшие к дифференциации прав, ограничениям в правах отдельных групп населения. Являясь наиболее космополитичным регионом Российской империи, Дальний Восток привлекал, с одной стороны, европейских капиталистов, а с другой – китайских и корейских рабочих. Так, например, согласно переписи 1897 г. половина населения Владивостока являлась иностранными подданными, что было беспрецедентной для империи цифрой. В отношении разных групп разрабатывались и применялись особые институты (подданства – см. **[21]**), которые могли оказывать влияние, в том числе, на долгосрочное развитие территории.

Эксперименты по созданию, изменению и развитию форм городского и иных самоуправлений, влияние городских самоуправлений на экономическую жизнь региона – ещё один интересный исследовательский сюжет. Опубликованные работы отечественных исследователей

позволяют поставить вопрос о влиянии городского самоуправления во Владивостоке, Хабаровске, и других городах региона на социально-экономическую и политическую динамику и на процессы переселения и освоения территории края.

Эксперименты с институтами в экономической сфере. Здесь интерес вызывают институты установления и изменения прав собственности на землю и другие природные ресурсы, создание специальных экономических зон, различных режимов управления торговыми потоками, порто-франко в царской России и современных зон опережающего развития на российском Дальнем Востоке и другие. Важным аспектом освоения РДВ стало установление и регулирование прав собственности в ранний период, введение особых правовых режимов оборота земли (например, для казаков или подданных Китайской империи, мораторий на продажу земель в период строительства Транссиба, типы земельных общин и др.). Особое место занимал институт захватного землепользования (см. статью Я. Гузей в этом номере). Хотя «захват» не мог являться абсолютно легальным формально-правовым институтом, легитимность его признавалась не только населением, но и представителями власти. Захватное землепользование носило массовый характер и, по мнению ряда авторов, сдерживало развитие капиталистических рынков земли и института частной собственности.

Ещё одним типом формально-правовых институтовявляются эксперименты по созданию зон с особым правовым статусом («свободных», «открытых» и т.п.). Подобные эксперименты определённо проводились и на территории современного Дальнего Востока: освобождение от подушной подати и поземельного налога ранних поселенцев; эксперименты с Порто-Франко; особые институты развития современного периода (как программа «Дальневосточный гектар», например – см. статью Н. Рыжовой и др. в этом номере).Однако работали ли они как «экспериментальные площадки», «лаборатории лучших практик», распространялся ли их опыт впоследствии на другие регионы? Какое влияние они оказывали в краткосрочном и долгосрочном периодах на развитие самого региона?

Эксперименты с институтами в социальной сфере. К этой группе экспериментов мы относим миграционные политики по добровольному и насильственному переселению на Дальний Восток и в рамках Дальнего Востока (морское переселение 1880–1890-х гг., переселенческое движение в конце XIX – начале XX вв., принудительные переселения в 1930–1940-х гг., зоны отселения, ГУЛАГ). Начиная с момента подписания Айгунского мирного договора в 1858 г. по сегодняшний день ключевой заботой российского правительства в области освоения дальневосточных территорий является заселение полупустых территорий этого региона. Именно заселение региона интерпретировалось как залог (необходимое условие, основание для) как правомерности геополитических притязаний России на эти территории, так и успешности экономического развития этого региона. При этом, на разных этапах развития в рамках миграционной политики центрального правительства по заселению фронтирных территорий Дальнего Востока использовались разные инструменты, включавшие как добровольное переселение, основанное на материальных (предоставление земли, освобождение от налоговых повинностей и от службы в армии) и нематериальных (свобода вероисповедания) стимулах, так и разные варианты насильственного переселения и отселения. Примерами стимулирования ненасильственных миграций является политика по стимулированию переселения крестьян из малоземельных районов центральной России, Белоруссии и Украины на Дальний Восток в конце XIX и начале XX в., а также политика диффе-

ренцированных заработных плат («дальневосточные надбавки») в позднем Советском Союзе. Примерами насильственного заселения региона могут служить отселения от границы в рамках 100-километровой зоны, ГУЛАГ и военные поселения.

***

По мнению экономистов, ключевой сложностью в оценке влияния институтов (истории и культуры) на развитие является их эндогенность **[24]**. Хорошим выходом признается изучение и объяснение результатов «натуральных социальных экспериментов», подобных тем, о которых пишут **[10; 11; 22; 33]**. Вероятно, РДВ может предоставить большое поле для подобных исследований. Однако объяснение современных особенностей развития Дальнего Востока через прошлые социальные эксперименты (принудительные переселения, комсомольские стройки и т.п.), потребует ещё важного шага – оценки влияния ценностей, убеждений, норм – а, значит, обобщения уже накопленных разными дисциплинами знаний или получения новых.

◆

Литература

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2016.

2. Минакир П.А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.

3. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 532 с.

4. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

5. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омск.гос. ун-та, 2004. 552 с.

6. Хилл Ф., Гэдди К.. Сибирское бремя. Просчёты советского планирования и будущее России. Изд-во НОФМО, 2007. 330 с.

7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // The American Economic Review. 2001. 91 (5). Pp. 1369–1401.

8. Banerjee A., Iyer L. History, institutions, and economic performance: the legacy of colonial land tenure systems in India // The American economic review. 2005. 95 (4). Pp. 1190–1213.

9. Blog by Daron Acemoglu and James Robinson. [Электронный ресурс]. URL: http://whynationsfail.com/ (дата обращения: 15.10.2017 г.).

10. Bloom D.E., Sachs J.D., Collier P., and Udry Ch. Geography, demography, and economic growth in Africa // Brookings Papers on Economic Activity. 1998. 2. Pp. 207–295.

11. Binmore K., McCarthy J., Ponti G., Samuelson L., Shaked A. A Backward Induction Experiment // Journal of Economic Theory.2002.104.Pp 48–88.

12. Binswanger H.P. Attitudes toward Risk: Experimental Measurements in Rural India // American Journal of Agricultural Economics. 1980. 62. Pp. 395–407.

13. Bowles, S., Gintis H. State and Class in European Feudalism // Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory. Charles Bright and Susan Harding, ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. Pp. 19–51.

14. Chaney E., Hornbeck R. Malthusian Responses to Demographic Shocks and Extractive Institutions: Evidence from the 1609 Spanish Expulsion of Moriscos// Economic Journal. 2016. 126 (594). Pp. 1404–1440.

15. Easterly W., Levine R. Tropics, germs, and crops: the role of endowments in economic development // Journal of Monetary Economics. 2003. 5. Pp. 3–39.

16. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Colonialism, inequality, and long-run paths of development // National Bureau of Economic Research. 2005. W11057.

17. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Factor endowments, inequality, and paths of development among new world economics// National Bureau of Economic Research. 2002. W9259.

18. Engerman S.L. and Sokoloff K.L. Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economic// National Bureau of Economic Research. 2002. W9259.

19. Gallup, J.L., Sachs, J.D. and Mellinger A.D. Geography and economic development // NBER Working Paper. 1998. W6849.

20. Gambetta D. The Sicilian Mafia: the business of private protection. Harvard University Press, 1996.

21. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio. 2017. 1. Pp. 86–130.

22. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent anti-market culture: A legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust// Working Papers. 2011. W0145.

23. Huillery E. History matters: The long-term impact of colonial public investments in French West Africa // American economic journal: applied economics. 2009. 1 (2). Pp. 176–215.

24. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. 2(1). Pp. 19–51.

25. La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A, and Vishny R.W. Law and Finance// Journal of Political Economy. 1998. 106 (6). Pp. 1113–1155.

26. Michalopoulos S., Papaioannou E. Divide and Rule or the Rule of the Divided? Evidence from Africa // National Bureau of Economic Research. 2011. W17184.

27. Michalopoulos S., Papaioannou E. Pre-Colonial ethnic institutions and contemporary african development // Econometrica. 2013. 81(1). Pp. 113–152.

28. Nunn N. The long-term effects of Africa's slave trades //The Quarterly Journal of Economics. 2008. 123(1). Pp. 139–176.

29. Putterman L., Weil D. N. Post-1500 population flows and the long-run determinants of economic growth and inequality // The Quarterly journal of economics. 2010. 125(4). Pp. 1627–1682.

30. Spolaore E., Wacziarg R. Long-term barriers to the international diffusion of innovations // NBER International Seminar on Macroeconomics. 2011. Pp. 11–46.

31. Spolaore E., Wacziarg R. The diffusion of development // The Quarterly Journal of Economics. 2009. 124(2). Pp. 469–529.

32. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // Journal of the European Economic Association. 2010. 8 (4). Pp. 677–716.

33. Voigtländer N., Voth H.-J. Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany// The Quarterly Journal of Economics. 2012. 127(3). Pp. 1339–1392.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Adzhemoglu D., Robinson Dzh.A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishhety. M.: AST, 2016.

2. Minakir P.A. EHkonomika regionov: Dal'nij Vostok. M.: EHkonomika, 2006. 848 s.

3. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomike: uroki srednevekovoj torgovli M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2013. 532 s.

4. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D. Uzlanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.

5. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nachala XX vekov. Omsk: Izd-vo Omsk.gos. un-ta, 2004. 552 s.

6. KHill F., Gehddi K.. Sibirskoe bremya. Proschyoty sovetskogo planirovaniya i budushhee Rossii. Izd-vo NOFMO, 2007. 330 s.

7. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // The American Economic Review. 2001. 91 (5). Pp. 1369–1401.

8. Banerjee A., Iyer L. History, institutions, and economic performance: the legacy of colonial land tenure systems in India // The American economic review. 2005. 95 (4). Pp. 1190–1213.

9. Blog by Daron Acemoglu and James Robinson. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://whynationsfail.com/ (data obrashheniya: 15.10.2017 g.).

10. Bloom D.E., Sachs J.D., Collier P., and Udry Ch. Geography, demography, and economic growth in Africa // Brookings Papers on Economic Activity. 1998. 2. Pp. 207–295.

11. Binmore K., McCarthy J., Ponti G., Samuelson L., Shaked A. A Backward Induction Experiment // Journal of Economic Theory.2002.104.Pp 48–88.

12. Binswanger H.P. Attitudes toward Risk: Experimental Measurements in Rural India // American Journal of Agricultural Economics. 1980. 62. Pp. 395–407.

13. Bowles, S., Gintis H. State and Class in European Feudalism // Statemaking and Social Movements: Essays in History and Theory. Charles Bright and Susan Harding, ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984. Pp. 19–51.

14. Chaney E., Hornbeck R. Malthusian Responses to Demographic Shocks and Extractive Institutions: Evidence from the 1609 Spanish Expulsion of Moriscos// Economic Journal. 2016. 126 (594). Pp. 1404–1440.

15. Easterly W., Levine R. Tropics, germs, and crops: the role of endowments in economic development // Journal of Monetary Economics. 2003. 5. Pp. 3–39.

16. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Colonialism, inequality, and long-run paths of development // National Bureau of Economic Research. 2005. W11057.

17. Engerman S. L., Sokoloff K. L. Factor endowments, inequality, and paths of development among new world economics// National Bureau of Economic Research. 2002. W9259.

18. Engerman S.L. and Sokoloff K.L. Factor Endowments, Inequality, and Paths of Development Among New World Economic// National Bureau of Economic Research. 2002. W9259.

19. Gallup, J.L., Sachs, J.D. and Mellinger A.D. Geography and economic development // NBER Working Paper. 1998. W6849.

20. Gambetta D. The Sicilian Mafia: the business of private protection. Harvard University Press, 1996.

21. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio. 2017. 1. Pp. 86–130.

22. Grosfeld I., Rodnyansky A., Zhuravskaya E. Persistent anti-market culture: A legacy of the Pale of Settlement and of the Holocaust// Working Papers. 2011. W0145.

23. Huillery E. History matters: The long-term impact of colonial public investments in French West Africa // American economic journal: applied economics. 2009. 1 (2). Pp. 176–215.

24. Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values // American Sociological Review. 2000. 2(1). Pp. 19–51.

25. La Porta R., Lopez de Silanes F., Shleifer A, and Vishny R.W. Law and Finance// Journal of Political Economy. 1998. 106 (6). Pp. 1113–1155.

26. Michalopoulos S., Papaioannou E. Divide and Rule or the Rule of the Divided? Evidence from Africa // National Bureau of Economic Research. 2011. W17184.

27. Michalopoulos S., Papaioannou E. Pre-Colonial ethnic institutions and contemporary african development // Econometrica. 2013. 81(1). Pp. 113–152.

28. Nunn N. The long-term effects of Africa's slave trades //The Quarterly Journal of Economics. 2008. 123(1). Pp. 139–176.

29. Putterman L., Weil D. N. Post-1500 population flows and the long-run determinants of economic growth and inequality // The Quarterly journal of economics. 2010. 125(4). Pp. 1627–1682.

30. Spolaore E., Wacziarg R. Long-term barriers to the international diffusion of innovations // NBER International Seminar on Macroeconomics. 2011. Pp. 11–46.

31. Spolaore E., Wacziarg R. The diffusion of development // The Quarterly Journal of Economics. 2009. 124(2). Pp. 469–529.

32. Tabellini G. Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe // Journal of the European Economic Association. 2010. 8 (4). Pp. 677–716.

33. Voigtländer N., Voth H.-J. Persecution Perpetuated: The Medieval Origins of Anti-Semitic Violence in Nazi Germany// The Quarterly Journal of Economics. 2012. 127(3). Pp. 1339–1392.

УДК 325.3
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/17-28

Глебов С.В.
Glebov S.V.

Вызовы империи: первые десятилетия колонизации на Дальнем Востоке России (дискуссионные заметки)

Challenges of Empire: First Decades of Colonization in the Russian Far East (notes for discussion)

В статье рассматриваются первые десятилетия присутствия Российской империи на Дальнем Востоке. Присоединение Амурского и Уссурийского краёв произошло накануне Великих реформ, что стимулировало возникновение особого социально-политического воображения среди администраторов края, которые пытались превратить его в поле современного эксперимента по созданию российской поселенческой колонии в стиле Америки или Австралии. Однако демографические и экономические трудности помешали этому эксперименту, а несколько эпизодов насилия, в частности, так называемая Манзовская война, поставили в центр внимания проблемы суверенитета и безопасности.

Ключевые слова: *империя, колонизация, переселенческий колониализм, имперское управление*

◆

The article briefly explores the first decades of Russian presence in the Far East. The incorporation of the Amur and Ussuri regions occurred on the eve of the Great Reforms, which facilitated the emergence of a particular socio-political imagination among the administators of the region, who tried to turn it into a field of modern experimentation to create a settler colony along the lines of US or Australia. However, economic and demographic difficulties prevented the experiment, and episodes of violence, such as the so called Manza War, put issues of sovereignty and security in the center.

Key words: *empire, colonization, settler colonialism, imperial governance*

В последнее десятилетие исторические исследования Российской империи пополнились новыми проектами. В частности, серия «Окраины Российской империи», выпущенная издательством НЛО в Москве, во многом помогла синтезировать множество новых подходов, особенно в западной историографии, появившихся в 1990-е гг. В серию вошли исследования Средней Азии и Сибири, Кавказа и Западных окраин. Но в серии отсутствовал один важный регион Российской империи – Дальний Восток **[1; 4; 10; 11]**. И хотя историки как в России, так и за рубежом, обращались к имперскому опыту в дальневосточном регионе, мне представляется, что у нас до сих пор нет «новой имперской истории Дальнего Востока», хотя именно этот регион должен был быть особенно интересен для историков. Вряд ли мы найдём в истории России регион, прошлое которого было бы настолько сопоставимо с историей поселенческих ко-

ГЛЕБОВ Сергей Владимирович, профессор истории, Смит Колледж и Амхерст Колледж *(штат Массачусетс, США)*. **E-mail:** sglebov@smith.edu

лоний западных стран. Кроме того, Российский Дальний Восток, в особенности территории современного Хабаровского и Приморского краёв, особенно любопытен в силу того, что был среди самых последних территориальных приобретений Российской империи (включён в состав империи практически одновременно со среднеазиатским регионом, в 1850–1860-е гг.), но, в отличие от гораздо более «старых» регионов империи, Дальний Восток стал частью независимой России после распада СССР **[42]**. К сравнению, независимыми стали балтийские государства (включены в состав империи в начале XVIII в., за исключением Литвы), Украина и Беларусь (вошедшие в состав Московского царства и Российской империи в XVII–XVIII вв.), Кавказ и Средняя Азия (инкорпорированные к концу 60-х гг. XIX в.) **[38]**.

Этот парадокс (столь позднее вхождение в состав империи, и при этом успешная интеграция в национальную политию и воображение) ставит перед историками несколько важных вопросов. Каким образом произошла инкорпорация региона в состав империи? На какие вызовы вынуждены были отвечать военные, бюрократы, администраторы дальней имперской окраины? Какие основные принципы определяли историческое развитие дальневосточного рагиона Российской империи? В чем состояла специфика именно этого региона Российской империи[1]?

Чтобы начать отвечать на эти вопросы, я предлагаю взглянуть на первые годы присутствия Российской империи в крае. В истории российского Дальнего Востока этого периода, на мой взгляд, важную роль играли два определяющих факта. Один – это стремление превратить дальневосточный регион (с 1884 г. – Приамурский край) в поле социального эксперимента, где реализовывались бы пореформенные идеалы более современного общества. Второй факт состоял в том, что у Российской империи не было экономических, военных, и демографических сил для реализации того сценария, что я описал выше.

Инкорпорация Амура в состав империи открыла возможности нового социально-политического воображения региональной политики. Этому способствовал тот факт, что Амурские земли вошли в состав империи в критический период её истории. В России начиналась подготовка к Великим реформам, по сути, грандиозному эксперименту по социальной инженерии **[31]**. Старый режим с его сословными перегородками, крепостничеством, отсутствием какого-либо самоуправления, рекрутской армией и судебной волокитой должен был уступить место новому обществу. В этом новом обществе сословный партикуляризм должен был постепенно заменяться универсальным гражданством, рекрутский набор – всеобщей воинской повинностью, старый бюрократический суд – новым, соревновательным судом. Как отмечал ещё А.В. Ремнев, «эра Муравьёва» в Восточной Сибири привлекла туда множество молодых, прогрессивных бюрократов и военных, полностью разделявших идею модернизации страны через реформы **[3, с. 170; 23, с. 132–134]**. Сам генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв был представителем этого поколения, по выражению Брюса Линкольна, «либеральных бюрократов», стремившихся проводить необходимые изменения под патронажем самодержавной власти (или под патронажем всевластного генерал-губернатора) **[39]**. Аура прогресса, либерализма и службы империи привлекала в эту среду самых разных людей. Будущий основатель анархизма, князь П.А. Кропоткин, попросился на службу к Н.Н. Муравьёву в Восточную Сибирь по окончании Пажеского корпуса в 1862 г., привлечённый именно этой аурой либеральной деятельности. Архиепископ Камчатский Иннокентий (Вениаминов) был близок с Муравьёвым и даже рекомендовал

[1] Об особенностях региональной политики и истории см. **[22]**; до сих пор самым современным исследованием истории управления Дальнего Востока России остается **[23]**.

ему офицеров для назначения на должности губернаторов **[27, с. 63–64]**. Для Муравьёва и его соратников присоединённые в конце 1850-х гг. земли стали своеобразным полигоном, на котором испытывались бы новые формы социальной организации, управления, колонизации, градостроительства и так далее. Дальный Восток для них был своего рода русской Америкой, где не действовали бы старые ограничения дореформенной России. На этой территории не было укоренившегося дворянства и его землевладения, крестьянских общин с их запутанными отношениями с землевладельцами. И хотя на территории края, безусловно, уже было какое-то население, многие российские путешественники, бюрократы и военные использовали троп «пустоты» для описания этих земель[1]. Именно здесь, на берегах Амура и Уссури, можно было начать конструировать общество «с чистого листа», не заботясь о глубоко укоренённых интересах разных групп населения.

Немаловажную роль в этом новом социальном воображении сыграл тот факт, что на новых землях, а в особенности в Приморской области, морские офицеры, многие из которых были выходцами из Остзейского края или Финляндии, были зачастую главными управленцами. Известно, что под руководством Великого князя Константина Николаевича, воспитанника адмирала Ф.П. Литке, морское ведомство было одним из бастионов административного либерализма. Сам Великий князь сыграл важную роль в политической поддержке Великих реформ. Сначала строительство Николаевска-на-Амуре, а затем и включение Уссурийского края в состав империи в 1860 г. создали предпосылки для возникновения своего рода флотской колонии, где Сибирская флотилия играла роль не просто транспортную или военную, но и привлекала в край морских офицеров, носителей нового этоса службы империи через исследования и путешествия **[40; 44]**. Для этих офицеров социальный прогресс и имперская экспансия были неразделимы, поскольку эта экспансия и создавала условия для социального эксперимента путём распространения прогресса. Личные карьеры и слава оказывались переплетены с делом имперского строительства и территориального расширения. Космополитичные флотские офицеры приносили с собой знания о поселенческих колониях других стран, технические знания и уровень культуры не сопоставимый с пехотными офицерами **[43]**. Все это способствовало созданию образа Амурского края как «новой Миссисипи», русской Австралии или Канады **[32, с. 142–173]**. Слухи о прогрессивности Муравьёва достигли такого масштаба, что в Петербурге серьёзно поговаривали о намерении генерал-губернатора отделить Восточную Сибирь и присоединиться к Соединённым Штатам Америки **[23, с. 132–134]**!

Это новое социальное воображение было особенно заметно в первых проектах муравьевской администрации. Так, проект правил переселения в Амурскую и Приморскую области, направленный Муравьёвым Великому князю Константину Николаевичу 20 сентября 1858 г., был довольно радикальным. В этом проекте, составленном за три года до официального освобождения крестьян, Муравьёв предлагал разрешить переселение на Амур «всем лицам свободного состояния, а также крепостным крестьянам». В проекте предполагалось, что прибывавшие на Амур крепостные будут немедленно освобождаться. В соответствии с предписаниями современной науки о колонизации, Муравьёв предлагал, чтобы переселенцы сами оплачивали расходы на дорогу и обустройство. В то же время, Муравьёв считал необходимым выдавать переселенцам государственные займы, а также продавать им землю в частную собственность (что было чрезвычайно радикальным предложением в 1858 г. – как известно, частная собственность на землю для крестьян появляется в России в зна-

[1] См., например: **[30, с. 179–205]**.

чительных масштабах только в результате столыпинских реформ). Муравьёв, служивший в Польше и на Кавказе, считал переселение одним из способов «обрусения» края и подчёркивал необходимость усиления «русского элемента» на Дальнем Востоке **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 1–3.)**.

22 ноября 1858 г. Сибирский комитет рассмотрел предложения генерал-губернатора. Комитет исключил из текста проекта правил переселения любые упоминния осовбождения крестьян как «несовместимые» с имеющимся законодательством. Опасаясь влияния новых правил на социальную стабильность накануне реформы по освобождению крестьян, министры рекомендовали, чтобы переселение в край совершалось на принципах, уже испробованных в других частях империи. Они особенно возражали против опубликования «условий переселения в России, особенно имея ввиду продолжающуюся реформу крестьянских дел» **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 5об.)**. И хотя комитет и согласился с Муравьёвым в отношении необходимости усиления «русского элемента» на окраине, министры выступили неожиданными противниками русификации, заявляя, что "может оказаться полезным для амурского края разрешить переселение некоторых иностранных колонистов, в особенности немцев, которые известны своим трудолюбием и с помощью которых частично были заселены наши огромные степи Новой России» **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 5–5 об.)**. По сути, отменяя предложения Муравьёва, комитет разрешил переселение на основе новых правил «только лицам свободного состояния, проживающим в Восточной Сибири». Тем не менее, новые правила, дававшие землю в частную собственность независимым переселенцам и в пользование тем, кто прибывал с помощью правительства, были введены в действие, когда император одобрил их 8 декабря 1858 г. Правила было разрешено публиковать только в пределах восточно-сибирского генерал-губернаторства **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 8)**. Сибирский комитет также ассигновал 100 тысяч рублей в год на переселение 500 семей в Амурский край **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 116. Л. 7.)**. Принципы правил переселения были сохранены и после внесения изменений, последовавших за освобождением крестьян.

Новые правила переселения установили весьма щедрые привилегии для колонистов на новых землях. У переселенцев появилась беспрецедентная возможность получить 100 десятин земли на домохозяйство, тогда как регулярная норма в Сибири составляла 15 десятин. Частная собственность стала легальной возможностью для переселенцев, они были также освобождены от подушевых налогов (что, по сути, выводило их из податных сословий и превращало в особое имперское сословие привилегированных колонистов), воинской обязанности на 10 призывов и от всех остальных налогов и тягот на 20 лет **[13, с. 287]**. Взятая в пользование земля могла быть приобретена в собственность в течение 20 лет по цене в 3 рубля за десятину **[29, с. 69]**. И хотя новые правила долго не публиковались в европейской России, слухи о привилегиях для переселенцев распространялись быстро, и только в 1861 г. Министерство Государственных Имуществ получило прошений о переселении от 3140 лиц. За три года, с 1861 по 1864 г., губернатор Амурской области получил такие прошения от семи с лишним тысяч человек **[13, с. 288]**.

В соответствии в новыми идеями о пореформенном, универсалистском порядке, новые правила предполагали и ослабление традиционного сословного и конфессионального уклада. В июле 1860 г. председатель Сибирского комитета докладывал министру юстиции, что император, в результате предложений Муравьёва, «разрешил представителям всех сект староверов (за исключением скопцов) приписываться к городским и сельским обществам вновь основанных городов Амурской области под надзором местных губернаторов» **(РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 534.**

Л. 8). Правила переселения интерпретировались весьма либерально, и поселенцам разрешали приписываться к крестьянским, купеческим и мещанским обществам без необходимости получать разрешения от обществ, из которых переселенцы выписывались **[29, с. 69]**. В некоторых случаях, казацкие станицы принимали новоприбывших и даже иностранных подданных (в частности, подданных Цинской империи). Практика Муравьёва по переводу людей из одного сословия в другое (например, через создание Забайкальского казачьего войска в основном из горнозаводских крестьян Нерчинского округа или разрешения ссыльным становиться крестьянами) также имела эффект релятивизации границ сословий в регионе, где и так не было дворянства и где сословные границы значили гораздо меньше, чем в европейской России[1]. Эти исследования в основном касаются сословий в Европейской России. История Дальнего Востока впоследствии подтверждает, что сословные различия имели меньшее значения в регионе, особенно в связи с возникновением группы крестьян-рантье[2].

Характерен для этого раннего периода либеральной империи обмен по поводу найма китайских рабочих, произошедший между исполняющим должность генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаковым, и губернатором Приморской области контр-адмиралом П.В. Казакевичем. 22 августа 1861 г. Корсаков обратился к Казакевичу с просьбой «сообразить с местными условиями о возможности найма в Николаевский и южные наши порты для инженерных и других работ китайцев подобно тому как делается найм для работ в Калифорнию» **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 656. Л. 1.)**. В ответе от 30 сентября 1861 г. Казакевич обьявил, что по собранным им сведениям он «от лица бывших в Китае я считаю невозможным наём китайцев для работ в наших владениях». Казакевич сообщал, что китайцев заманивают на корабли в портах Китая обманом, они зачастую бунтуют на судах, что «по приходу в Гавану хозяин судна отдавал уцелевших китайцев плантаторам под видом найма за такую сумму, которую невозможно было китайцу отработать за всю свою жизнь.» Казакевич категорически отрицал, что такой вывоз практиковался в Калифорнии, где, по его совам, «в Калифорнию подобного вывоза китайцев не делают, а была эмиграция совершенно свободная, китайцы преимущественно стремились на золотые прииски и работали собственно для себя. Так было и в Австралии…». По мнению Казакевича, «трудно предположить, чтобы возможно было приобрести китайских работников в тех правильных формах, как обыкновенно совершается найм людей свободных». Сравнивая вывоз китайских рабочих с торговлей чёрными невольниками, Казакевич утверждал, что «несравненно выгоднее нанимать людей в России на таких же условиях, как делает это (Российско-)американская компания и доставлять их вокруг света на казённых пароходах которые предполагается отправлять ежегодно из Кронштадта… Кроме выгоды иметь работников по выбору и совершенно свободных, можно надеяться что многие из них, найдя те удобства и преимущества, которые, привлекают многих в наши новые владения, могут остаться здесь навсегда по окончании срока найма» **(РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 656. Л. 2–5.)**. В духе пореформенного периода Казакевич недвусмысленно высказывался в поддержку свободного труда, приобретённого на рынке, под защитой закона.

Тем не менее, модернизирующий запал реформаторов-муравьевцев ограничивался как петербургской бюрократией, так и отсутствием демографического потенциала колонизации. Даже те переселенцы, которые решились на длительный переезд в 1860-е гг., зачастую селились по до-

[1] См. обсуждение проблемы сословия в Российской империи в **[33; 36; 41]**.

[2] См. **[15, с. 24–27]**.

роге, на землях западной и южной Сибири, или отправлялись в Среднюю Азию **[13; 29]**. У Муравьёва и его преемника, М.С. Корсакова, оставалось мало возможностей для успешной реализации амбициозных планов по превращению Амурского края в новую Калифорнию. В течение первых двух десятилетий, Амурский и Уссурийский края в основном заселялись посредством создания казачьих станиц вдоль двух рек. Забайкальское казачье войско была создано в 1851 г. путём превращения в казаков забайкальских крестьян, отставных солдат, бурят, эвенков и рабочих с нерчинской каторги, которые и стали источником населения для амурских и уссурийских станиц. Уже в 1858 г. часть этих новых казаков отселили административно на Амур, где им впоследствии выделили 50-ти вёрстную полосу вдоль Амура до его слияния с Уссури. Уссурийский пеший казачий полубатальон Амурского казачьего войска был выделен в самостоятельное Уссурийское войско в 1889 г. **[12; 24]**. Места для казачьих станиц выбирались по принципу административного удобства и логистики перевозок по рекам, безо всякого внимания к сельскохозяйственным нуждам поселенцев-казаков. В результате, казачьи станицы отличались бедностью и апатией и многие казаки мечтали о возвращении в Забайкалье. Как утверждал Пржевальский, «многие относились к новому краю с враждебностью и видели себя ссыльными» **[21, с. 28]**. М.И. Венюков иронично описывал этих «пасынков Марса», никогда не видевших прежде военной формы и оружия. По его словам, пеший забайкальский казак оставался крестьянином **[7, с. 81–112]**.

К 1862 г. около 14000 мужчин и женщин казачьего сословия были поселены по Амуру и Уссури, в большинстве своём в станицах по Амуру **[13, с. 287; 21, с. 10]**. В 1868 г. Пржевальский насчитывал 28 станиц вдоль правого берега Уссури, с общим населением в 5258 человек **[21, с. 30]**. Казачье население по Уссури оставалось в пределах 6000 человек в течение 1860-х гг. и страдало от бедности и неурожаев, так что некоторых пришлось переселять на приханкайскую степь. Тяжёлые условия их быта описывал тот же Пржевальский, который утверждал, что казакам приходится продавать жён и дочерей или практиковать полиандрию с китайцами **[21, с. 30]**. Венюков жаловался, что на Амуре и Уссури «мы слепо следовали той традиции, согласно которой наши границы должны быть заселены цепью казачьих поселений» **[7]**. По мнению Венюкова, дезорганизация и отсутствие разумного планирования привели к тому, что колонизация не дала таких успешных результатов, на которые можно было бы рассчитывать из-за природных богатств страны **[7]**. Не менее проблематичной была и крестьянская колонизация. Крестьяне появились в Уссуриском крае в результате административных решений и часто страдали от тех же проблем, что и казаки. В 1872 г. Олимпиада Васильева, жена врача, служившего в гавани Св. Ольги, описывала три сотни поселённых там крестьян как пьяниц и бездельников, которые считали своё пребывание в крае временным **[6, с. 60]**.

Администраторы, военные и бюрократы все ещё надеялись на успех колонизации региона. Так, в конце 1850-х – начале 1860-х гг. предполагалось даже создать чешское поселение на Амуре, в связи с чем регион посетила делегация американских чехов **[32, с. 177–182]**. Как сообщал Е.С. Бурачек, чешские депутаты г-да Мрачек и Барто-Летовски, журналисты из США, прибыли во Владивостокский пост 31 июля 1862 г. Они осмотрели побережья Амурского и Уссурийского заливов и совершили поездку в Хабаровку. По утверждению Бурачека, чехи нашли побережье чрезвычайно удобным для сельского хозяйства. Бурачек с надеждой писал, что переселение чехов принесёт неизмеримые блага краю, потому что среди них имелись не только крестьяне, но и мастеровые **[5, с. 43]**. Чешская колония на Дальнем Востоке, мечта чешских и русских панславистов, так и не реализовалась, в связи с опасениями администра-

ции возникновения политически неблагонадёжного анклава. Ещё более катастрофично закончился известный проект по созданию финляндской колонии на землях Удельного ведомства **[2, с. 70–71]**. Затея по переселению финляндцев стоила астрономической суммы и не привела к видимым результатам, так что земли Удельного ведомства были выкуплены казной с целью возмещения убытков **[8, с. 86]**.

В результате, усилия по заселению края в течение почти двух десятилетий не привели к значительному приращению населения. Край оставался малонаселённым, зависел от казны и нуждался в военной защите. Стоимость администрирования и защиты новых территорий для правительства империи не поддаётся прямому подсчёту, а край продолжал зависеть от импорта практически по всем товарам. В 1884 г., через четверть века после присединения края, городской голова Владивостока Маковский жаловался на заседании городской Думы, что, несмотря на прекрасные условия земледелия, даже рожь туда привозят из Европы, пшеничную муку из Америки, а мясо в виде живого скота из Китая. Маковский видел причину бедствия в незаселенности края **[9, с. 2]**.

Разумеется, отсутствие демографических ресурсов было важным фактором в неспособности властей быстро и эффективно заселить новый регион. Не менее важным было и то, что военные и бюрократы были чрезвычайно озабочены проблемой безопасности и отсутствия контроля над населением страны. По сути, при отторжении Амурского и Уссурийского краёв от Цинской империи, российские власти согласились на режим экстерриториальности для китайских подданных. В силу определённой интерпретации Айгуньского и Пекинского трактатов, российские власти считали необходимым высылать совершивших преступления в крае китайцев в Китай для наказания. Надо заметить, что соотвествующая статья Уложения о наказаниях, диктовавшая депортацию провинившихся подданных Цинской империи в Китай, была уникальной в российском законодательстве. Именно наличие этой статьи сделало позицию российских властей невозможной **[37]**. С одной стороны, Петербург ожидал от них «обрусения» края и безопасности, а с другой – требовал безукоснительного исполнения закона, по которому китайских подданных нельзя было судить в России.

Это противоречие особенно ясно проявилось во время так называемой «манзовской войны», когда восстание рабочих на прииске на острове Аскольд переросло практически в китайское восстание против российского присутствия, которое ввергло в состояние паники немногочисленное население региона и особенно его руководство **[14; 28]**. Манзовская война с особой чёткостью обозначила слабость империи на дальней окраине. Тот факт, что «манзовская война» не получила особенной известности в российской историографии можно обьяснить лишь тем, что в это время (1867 г.) в европейской России были озабочены ходом реформ, покушением Каракозова, ростом революционного движения и гораздо более обсуждавшимся присоединением Средней Азии. Тем не менее, именно манзовская война особенно усилила опасения российских властей по поводу намерений Китая, присутствия китайцев на российской территории, и, в конечном итоге, привела к организации в 1884–1886 гг. кампании по паспортизации населения и выяснению подданства китайцев **[37]**.

Сама манзовская война была вызвана двумя причинами. Во-первых, в первую декаду российского присутствия российские и американские купцы попытались потеснить китайских экспортёров морской капусты, что привело к падению цен в Шанхае и обеднению китайских посёлков на побережье Южно-Уссурийского края. С другой стороны, усиление военного контроля над территорией привело к стычкам российских моряков и китайских рабочих, добывавших золото на острове Аскольд. Перестрелка команды лейтенанта Этолина с китайцами на Аскольде, пе-

реправа нескольких сотен вооружённых рабочих на континент и их марш в сторону границы привели в настоящую панику российские власти. Сам Пржевальский вынужден был прервать свои исследования и принять участие в подавлении восстания **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.)**. При этом, в большинстве случаев, российские власти вынуждены были отправлять пойманных участников восстания в Китай в силу договоров, что глубоко возмущало офицеров. Так, например, команда Этолина с «Алеута» захватила в плен китайского рабочего на острове Аскольд. Во время допроса, проводившегося при помощи переводчика – известного впоследствии купца Якова Семёнова – пленник сообщил, что его зовут Тха и что он прибыл на российское побережье с двумя другими, по имени Чжан и Цао, собирать морскую капусту. Их джонка попала в шторм, и её прибило к Аскольду. Тха был пойман за промывкой золота на Аскольде, но утверждал, что ничем подобным не занимался. После допроса, генерал-губернатор Корсаков вынужден был отправить Тха в Хунчун, «запретив ему пребывание в российских пределах впредь» **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237. Л. 1–5.)**.

Случай Тха демонстрирует, насколько слаб был реальный административный контроль в Южно-Уссурийском крае в первые десятилетия после его приобретения Россией. По сути, «государство» присутствовало в крае весьма фрагментарно, в пределах сотен метров вокруг нескольких десятков офицеров и бюрократов, и, возможно, в пределах основных гарнизонов и поселений. Мало кто из них знал, сколько людей проживает в глубине края, за пределами этого присутствия, кто эти люди, чем они знаимаются. Концептуальное завоевание края при помощи географии, статистики, экономики, этнографии и иных дисциплин не произойдёт почти до конца века, и российские учёные и военные будут давать оценку китайского населения в крае от 5 тысяч (Надаров) до 50 тысяч (Тихменев и Палладий Кафаров) **[8, с. 97; 16, с. 3; 18, с. 271; 21; 28]**. Даже в 1885 г., когда значительно выросло население края, военный губернатор Владивостока жаловался генерал-губернатору Приамурского края барону А.Н. Корфу на полную невозможность контролировать поток китайцев через границу. Как утверждал губернатор, «за исключением непрервыной военной цепи вдоль всего побережья», у него не было ни малейшей возможности контролировать население, что требовалось для успешной паспортизации иностранных подданных в крае **[37, с. 123]**.

Первые десятилетия российского контроля в Уссурийском крае также зависели от стремительных по историческим меркам изменений в соседней Маньчжурии. Беспрецедентное ослабление Цинской династии в середине XIX в. сделало возможным само расширение Российской империи в регионе. В тоже время, маньчжурские императоры к началу XIX в. создали миф о родине предков. Как показал Марк Эллиотт, этот миф поддерживался ежегодным паломничеством императора в Мукден, запретом на ханьскую колонизацию Маньчжурии, и ужесточением знаменной системы **[35]**. Запрет на колонизацию в особенности оказал влияние на ситуацию в Уссурийском крае, сдерживая ханьскую миграцию в приграничные районы. Но к концу 1870-х гг. ситуация изменилась. Цинская династия начала определённые реформы, а назначение цзянцзюнем Гирина известного учёного, антиквара и реформатора У Дачена привело к некоторому улучшению цинской администрации и усилению военного потенциала Китая в регионе. Самое главное, в этот период практически снимается запрет на ханьскую миграцию, и на север начинает идти поток рабочих со знаменных поместий Южной Маньчжурии и шаньдунцев **[34]**. На пористых границах Российской империи появляется сосед, демографический потенциал которого намного превышает российский. Необходимость строительства инфраструктуры, в особенности военной, на российской территории в условиях жесточайшего дефицита рабочих

рук не могло не привести к тому, что к середине 1880-х гг. поток китайских рабочих в Уссурийский край только усилился[1] **[17; 19; 20; 25; 26]**. Планировавшаяся русская Калифорния оказалась не утопией русской крестьянской колонизации, а окраинным обществом с чрезвычайно разнообразным населением, пожалуй, уникальным в империи: к 1897 г. Владивосток был единственным городом в империи, где иностранные подданные составляли почти половину населения. Управление разнообразием стало основной задачей имперской администрации, которая уже не стремилась к реализации радикальных проектов по модернизации края, а все больше концентрировалась на усилении внутреннего контроля при помощи военных и полицейских мер. В этих условиях, при повороте политического климата в империи вправо после убийства Александра II, предложенные генерал-губернатором Анучиным в 1882 г. реформы, такие, как ввведение земства, оказались неуместны и были оставлены до лучших времён. Приамурский край оставался малонаселённым, а политическая власть в крае безраздельно принадлежала военным губернаторам. Мечты Муравьёва о свободной колонизации по американскому примеру остались нереализованными. Тем не менее, в последующие десятилетия Дальний Восток оставался уникальным регионом России, единственным регионом континентальной империи, испытавшим заморскую колонизацию.

◆

Литература

1. Абашин С.Н. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: НЛО. 2008.
2. Александровская Л.В. Опыт первого морского переселения в Южно-Уссурийский край в 60-х годах XIX века. Владивосток: Издательство ДВГУ, 1990.
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. Материалы для биографии в 2-х томах. Синодальная типография, 1891.
4. Бобровников В.О., Бабич И.Л. Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: НЛО. 2007.
5. Бурачек Е.С. Сообщение из Владивостока // Морской сборник. 1863. № 3.
6. Васильева О. Гавань Св. Ольги // Известия Императорского русского географического общества. Т. VIII. 1872.
7. Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура в 1857-1858 гг. // Русская старина. Т. XXIV. 1879. С. 81–112.
8. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873.
9. Владивосток, 1884. 11 марта.
10. Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО. 2007.

[1] Соловьев описывал рабочих-китайцев с помощью термина «отходники», имевшем вполне устоявшееся значение в российской литературе о крестьянской экономике. В последние два десятилетия, российские исследователи опубликовали целый ряд работ о китайском присутствии на Дальнем Востоке, все эти работы рассматривают китайцев как «мигрантов», а не как население, статус которого изменился в результате имперской аннексии.

11. Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М.: НЛО, 2006.

12. Иванов Ф. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912.

13. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. СПб.: Комитет Сибирской железной дороги, 1900.

14. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток. 1868. СПб., 2004.

15. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского Отдела Императорского русского географического общества. Т. II. М., 1896.

16. Надаров И.П. Материалы к изучению Уссурийского края. Доклад в обществе изучения Амурского края. Владивосток, 1886.

17. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток, 2004.

18. Палладий (Кафаров). Уссурийские маньцзы // Известия Императорского русского географического общества. Т. VII. № . 8.

19. Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003.

20. Позняк Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России: вторая половина XIX – начало XX в. Владивосток, 2004.

21. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869. СПб., 1879.

22. Регион в истории империи: Исторические эссе о Сибири. Ред. С. Глебов. М.: Новое издательство, 2009.

23. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – нач. XX веков. Омск: Издательство Омского университета, 2004.

24. Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М.: Наука, 1983.

25. Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989.

26. Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края: конец XIX –Ab Imperio начало XX вв. Омск, 1999.

27. Струве Б. Воспоминания о Сибири // Русский Вестник. Май 1888. Т. 196.

28. Тихменев Н.М. Манзовская война. // Военный сборник. 1908. № 3. С. 19–24; № 5. С. 46–47; № 6. С. 54–55.

29. Унтербергер П.Ф. Приморская область. Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. VIII. СПб., 1900.

30. Усольцев А. Заханкайский край // Морской сборник. 1864. Т. LXXII. № 6. С. 179–205.

31. Христофоров И. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-е – 1890-е гг.) М.: Открытие, 2011.

32. Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge University Press, 1999.

33. Confino, M. The Soslovie (Estate) Paradigm // Cahiers Du Monde Russe. Vol 49. no. 4 (December 1, 2009): 681–704.

34. Dan Shao ed., Remote Homeland, Contested Borderland: The Qing Empire, Banner People, and Manchuria // Remote Homeland, Recovered Borderland, Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907-1985. University of Hawai'i Press, 2011. P. 25–67.

35. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies 59. no. 3 (August 1, 2000): 603–46.

36. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review 91. no. 1 (February 1, 1986): 11–36. DOI:10.2307/1867233.

37. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio. 2017. no. 1 (June 2, 2017): 86–130.
38. Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. Longman Pub Group, 2001.
39. Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats; 1812-1861. Northern Illinois University Press, 1982.
40. O'Grady-Raeder A. The Baltic Connection in Russian America // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas 42. no. 3 (January 1, 1994). Pp. 321–339.
41. Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. Oxford University Press, 2014.
42. Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford University Press, 1996.
43. Vinkovetsky I. Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-The-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // Ab Imperio. 2001. no. 1 (October 7, 2015). Pp. 191–210.
44. Wortman R. Russian Noble Officers and the Ethos of Exploration // Russian History/Histoire russe. Vol. 35. Nos. 1-2 (Spring – Summer 2008). Pp. 181–197.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Abashin S.N. TSentral'naya Aziya v sostave Rossijskoj imperii. M.: NLO. 2008.
2. Aleksandrovskaya L.V. Opyt pervogo morskogo pereseleniya v YUzhno-Ussurijskij kraj v 60-kh godakh XIX veka. Vladivostok: Izdatel'stvo DVGU, 1990.
3. Barsukov I. Graf Nikolaj Nikolaevich Murav'ev-Amurskij po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam. Materialy dlya biografii v 2-kh tomakh. Sinodal'naya tipografiya, 1891.
4. Bobrovnikov V.O., Babich I.L. Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii. M.: NLO. 2007.
5. Burachek E.S. Soobshhenie iz Vladivostoka // Morskoj sbornik. 1863. № 3.
6. Vasil'eva O. Gavan' Sv. Ol'gi // Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. T. VIII. 1872.
7. Venyukov M.I. Vospominaniya o zaselenii Amura v 1857-1858 gg. // Russkaya starina. T. XXIV. 1879. S. 81–112.
8. Venyukov M.I. Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii. SPb., 1873.
9. Vladivostok, 1884. 11 marta.
10. Dameshek L.M., Remnev A.V. Sibir' v sostave Rossijskoj imperii. M.: NLO. 2007.
11. Dolbilov M.D., Miller A.I. Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii. M.: NLO, 2006.
12. Ivanov F. Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego vojska. Blagoveshhensk, 1912.
13. Kolonizatsiya Sibiri v svyazi s obshhim pereselencheskim voprosom. SPb.: Komitet Sibirskoj zheleznoj dorogi, 1900.
14. Kondratenko R.V. Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok. 1868. SPb., 2004.
15. Kryukov N.A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej // Zapiski Priamurskogo Otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. T. II. M., 1896.
16. Nadarov I.P. Materialy k izucheniyu Ussurijskogo kraya. Doklad v obshhestve izucheniya Amurskogo kraya. Vladivostok, 1886.
17. Nesterova E.I. Russkaya administratsiya i kitajskie migranty na yuge Dal'nego Vostoka Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). Vladivostok, 2004.
18. Palladij (Kafarov). Ussurijskie man'tszy // Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. T. VII. № . 8.

19. Petrov A.I. Istoriya kitajtsev v Rossii, 1856–1917 gody. SPb., 2003.
20. Poznyak T.Z. Inostrannye poddannye v gorodakh Dal'nego Vostoka Rossii: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. Vladivostok, 2004.
21. Przheval'skij N.M. Puteshestvie v Ussurijskom krae, 1867–1869. SPb., 1879.
22. Region v istorii imperii: Istoricheskie ehsse o Sibiri. Red. S. Glebov. M.: Novoe izdatel'stvo, 2009.
23. Remnev A.V. Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX – nach. XX vekov. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo universiteta, 2004.
24. Sergeev O.I. Kazachestvo na russkom Dal'nem Vostoke v XVII – XIX vv. M.: Nauka, 1983.
25. Solov'ev F.V. Kitajskoe otkhodnichestvo na Dal'nem Vostoke Rossii v ehpokhu kapitalizma (1861–1917 gg.). M., 1989.
26. Sorokina T.N. Khozyajstvennaya deyatel'nost' kitajskikh poddannykh na Dal'nem Vostoke Rossii i politika administratsii Priamurskogo kraya: konets XIX – Ab Imperio nachalo XX vv. Omsk, 1999. Struve B. Vospominaniya o Sibiri // Russkij Vestnik. Maj 1888. T. 196.
27. Tikhmenev N.M. Manzovskaya vojna. Voennyj sbornik. 1908. № 3. S. 19–24; № 5. S. 46–47; № 6. S. 54–55.
28. Unterberger P.F. Primorskaya oblast'. Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva po otdeleniyu statistiki. T. VIII. SPb., 1900.
29. Usol'tsev A. Zakhankajskij kraj // Morskoj sbornik. 1864. T. LXXII. № 6. S. 179–205.
30. KHristoforov I. Sud'ba reformy: russkoe krest'yanstvo v pravitel'stvennoj politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e – 1890-e gg.) M.: Otkrytie, 2011.
31. Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. Cambridge University Press, 1999.
32. Confino, M. The Soslovie (Estate) Paradigm // Cahiers Du Monde Russe. Vol 49. no. 4 (December 1, 2009): 681–704.
33. Dan Shao ed., Remote Homeland, Contested Borderland: The Qing Empire, Banner People, and Manchuria // Remote Homeland, Recovered Borderland, Manchus, Manchoukuo, and Manchuria, 1907-1985. University of Hawai'i Press, 2011. P. 25–67.
34. Elliott M.C. The Limits of Tartary: Manchuria in Imperial and National Geographies // The Journal of Asian Studies 59. no. 3 (August 1, 2000): 603–46.
35. Freeze G.L. The Soslovie (Estate) Paradigm and Russian Social History // The American Historical Review 91. no. 1 (February 1, 1986): 11–36. DOI:10.2307/1867233.
36. Glebov S. Between Foreigners and Subjects: Imperial Subjecthood, Governance, and the Chinese in the Russian Far East, 1860s–1880s // Ab Imperio. 2017. no. 1 (June 2, 2017): 86–130.
37. Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. Longman Pub Group, 2001.
38. Lincoln W.B. In the Vanguard of Reform: Russia's Enlightened Bureaucrats; 1812-1861. Northern Illinois University Press, 1982.
39. O'Grady-Raeder A. The Baltic Connection in Russian America // Jahrbücher Für Geschichte Osteuropas 42. no. 3 (January 1, 1994). Pp. 321–339.
40. Smith A.K. For the Common Good and Their Own Well-Being: Social Estates in Imperial Russia. Oxford University Press, 2014.
41. Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford University Press, 1996.
42. Vinkovetsky I. Circumnavigation, Empire, Modernity, Race: The Impact of Round-The-World Voyages on Russia's Imperial Consciousness // Ab Imperio. 2001. no. 1 (October 7, 2015). Pp. 191–210.
43. Wortman R. Russian Noble Officers and the Ethos of Exploration // Russian History/Histoire russe. Vol. 35. Nos. 1-2 (Spring – Summer 2008). Pp. 181–197.

УДК 94 (47) 19/20
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/29-39

Гузей Я.С.
Guzei Ya.S..

Переселение и захват: практики захватного землепользования на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв.

Colonization and seizure of land: practices of seizure of lands in the Far East of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries

В статье анализируются практики захватного землепользования на дальневосточной окраине Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. Ставится задача проанализировать, что понималось под «захватным землепользованием» на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: *землепользование, земельный захват, поземельные отношения, заимки, межевое дело*

◆

The article is devoted to analyzing practices of seizure of lands in the Far East of the Russian Empire in the second half of XIX – early XX centuries. The task is to analyze what was understood under the "seizure of lands" in the Far East in the second half of XIX – early XX centuries.

Key words: *using land, seizure of lands, land relations, squatter's holding, land surveying*

К середине XIX столетия Российская империя оказалась по своим территориальным масштабам крупнейшей страной на политической карте мира. Серия договоров с Китаем, заключённых в 1858–1860 гг., сделала её обладательницей значительных земельных просторов, раскинувшихся на тысячи километров, поставив перед осознанной необходимостью заселения и развития дальневосточного региона.

Тема колонизации дальневосточных земель была и по-прежнему остаётся весьма актуальной в современной исторической науке. Исключительно интересной её делает тот факт, что на этих, сравнительно поздно присоединённых к империи землях сложилась совершенно особая, отличная от европейской части России, система землеустройства, характеризующаяся значительной свободой пользования землёй и широко распространёнными практиками захватного землепользования. Их

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках проекта: «Институт захватного землепользования на Востоке России: исторический и сравнительный анализ», 16-32-00029.

ГУЗЕЙ Яна Сергеевна, к.и.н., преподаватель кафедры «Международные отношения» Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. *(г. Санкт-Петербург)*. **E-mail:** guzeiana@mail.ru

наличие и распространение на восточной окраине России активно фиксировалось исследователями **[1; 3; 10; 13; 15; 20; 21; 23; 24; 25]**, но редко становилось предметом отдельного серьёзного анализа **[19]**. Между тем вопрос о практиках захватного землепользования представляется довольно значимым и актуальным, позволяющим пролить свет на многие аспекты жизни имперской окраины: что понималось под «земельным захватом» на востоке России и можно ли вообще использовать данный термин применительно к территориям российского Дальнего Востока, как эти земельные захваты воспринимались населением и властью.

«Пустынный» Дальний Восток и его заселение

Присоединение Дальнего Востока поставило российское самодержавие перед необходимостью прочного закрепления присоединённых земель за Россией. Единственным способом решительно закрепить российские права на эти земли было проведение их эффективной колонизации, посредством переселения в регион тех, кто мог бы их успешно освоить и развить. Исключительно важным элементом в этом отношении оказывался русский крестьянин, способный не только освоить необъятный дальневосточный земельный фонд, но и в перспективе дальнейшего развития превратиться в постоянного жителя российской окраины, закрепив Дальний Восток за Россией не только «на бумаге», но и практически. И если некогда российские земли за Уралом, по меткому замечанию известного российского экономиста А.А. Исаева, лишь «увеличивали блеск московской короны», оставаясь нетронутыми «пустынями», в царской политике позднеимперской России им надлежало играть совершенно особую роль и значение – стать постоянным местом жительства для массы крестьян, отправившихся за счастьем в новые края **[7, с. 14]**.

С момента присоединения к Российской империи, Дальний Восток считался неотъемлемой частью необъятной Сибири, заселение которого было частью общего процесса колонизации отдалённых сибирских земель. Между тем, ввиду политической важности дальневосточных территорий, уже в 1861 г. для них были разработаны особые правила, регулировавшие поселение в новом регионе. Согласно этим правилам, в Амурской и Приморской областях было дозволено селиться всем желающим, как русским, так и иностранцам. Переселенцам предоставлялся в пользование довольно значительный надел – в 100 десятин на семью, широкие льготы в податях и повинностях: переселенцы в Приамурский край на 10 лет освобождались от воинской повинности, навсегда от подушной подати и на 20 лет – от всяких вообще платежей в пользу казны. Что же касается переселявшихся в Южно-Уссурийский край, то для них особыми правилами 1866 г. была установлена ещё и выдача ссуд до 100 рублей на семью и запас продовольствия на год со времени водворения в крае. **[9, с. 20]**.

Такие меры правительства объяснялись прежде всего политической необходимостью скорейшей колонизации Дальнего Востока, которая была призвана закрепить приобретённые территории за Россией и защитить их от посягательств соседнего Китая. Именно эта мысль высказывалась в отчёте Южно-Уссурийского переселенческого управления, отмечавшего, что главной целью правительства в регионе является стремление заселить край «русскими людьми, укоренить в нем русское владычество и дать должный отпор посягательствам Китая, который своею пограничной колонизацией и приготовлениями в Маньчжурии, обнаруживает стремление завладеть выходом к морю этой обширной страны» **(РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 67 об)**. И хотя впоследствии правила переселения в регион не раз менялись, между тем, стремление

правительства создавать благоприятные условия для переселения на Дальний Восток в целом продолжало оставаться неизменным.

Одним из важнейших стимулов привлечения в людей в регион был сравнительно большой размер земельного надела, который в отличие от других областей, здесь можно было получить фактически «свободно» в постоянное и бессрочное пользование **[9, с. 28; 2, с. 53]**. И последнее обстоятельство несомненно оказывало значительное влияние на решение людей идти искать лучшей доли на российской окраине.

Учёт переселенцев начался с 1885 г., и, по оценкам специалистов, за период с 1885 по 1903 г. в районы Сибири и Дальнего Востока переселились около 1 900 000 человек **[9, с. 4]**. В большинстве своём это были те, кто отправлялся сюда, по образному выражению известного имперского специалиста по вопросам переселения и землепользования А.А. Кауфмана, в «погоню за землёй и счастьем», которые они так и не смогли обрести на родине **[9, с. 278]**. В переселении они видели возможность решения проблемы собственного малоземелья, с которой в середине XIX столетия столкнулись в большинстве губерний европейской России **[См.: 6, 12]**. Малонаселённые территории за Уралом в этом смысле представлялись мужицкому воображению в самых радужных красках – в качестве царства бескрайних просторов и нетронутых земель, сулящих их обладателям быстрое обогащение: «земли много, паши сколько душе угодно, цена на хлеб высокая, покосы намерены, разводи скота – сколько знаешь, лес вокруг дворов растёт, рыбы много – не переловить, заработки – хороши и при всем довольствии – повинностей меньше» **[11, с. 40]**. И отчасти такие представления не были лишены некоторых оснований.

Только на территориях Сибири и Дальнего Востока российский крестьянин получал уникальную возможность самостоятельно выбирать земли, на которых он желал бы водвориться. Это непреложное право закреплялось за переселенцами и особо подчёркивалось царским правительством: «Надел землёю крестьянина составляет для него акт особой важности в европейских губерниях, где вообще каждая дача имеет уже совершенно определённые границы в межах соседних владений, по сему межевание есть только проверка планов. Если надел так важен там, то тем более это важно пахарю здесь, где нестесненный смежными дачами, он вправе и может выбирать желаемые угодья. Поставив усадьбы, переселенец может свободно брать пахотную землю в ту или другую сторону, назначить выгон, указать сенокосы, в местах по своему усмотрению, в пределах установленного очертания дачи и причитающейся обществу площади» **(РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 66 об–67)**. Каждая отдельная семья или группа переселенцев в праве была самостоятельно выбрать место «по своему желанию и вкусу», а все формальности по водворению ограничивались «подачей прошения о разрешении поселиться на известном, избранном месте или причислиться к известному селению» **[11, с. 42]**.

Содействие переселенцам со стороны чиновников должно было выражаться лишь в указании маршрута и свободных пространств, в пределах которых могло осуществляться водворение новопоселенцев. Между тем, интересно, что переселенцы нередко поступали вопреки решениям местных чиновников и вместо осмотра отведённых им урочищ, выбирали совершенно иные места для поселения. Так, в отчёте Южно-Уссурийского переселенческого управления за 1883 г. особо отмечался «самовольный поступок» группы переселенцев, которые, не дойдя до отведённого им урочища, разбили лагерь и решили самостоятельно искать подходящие места для водворения. Чиновник переселенческого управления был вынужден уступить их желанию, поскольку опасался, что решительные

меры могли бы «убить в переселенцах сознание свободы выбора земли» и «подсечь в корне их энергию, столь необходимую для устройства их быта» **(РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 41–41 об)**. И подобные самовольные поступки переселенцев в отношении земельных богатств края были здесь не исключением, а скорее правилом.

Значительные пространства незанятой земли и фактическое отсутствие сколько-нибудь серьёзного наблюдения за территорией обширного малонаселённого края открывали перед жителями окраины широкий простор для реализации своей хозяйственной активности, выражавшихся в несогласованных с администрацией региона занятиях свободных земель. Известному агроному Н.А. Крюкову, по поручению генерал-губернатора С.М. Духовского проводившему в 1895 г. исследование крестьянского землепользования в Амурской и Приморской областях, пришлось констатировать, что практически повсеместно на Дальнем Востоке установилась практика занятия земель, основанная на «праве первого захвата (Jus primi ocucupandi)» **[14, с. 12]**, когда каждый переселенец выбирал земли там, где хотел, и в том размере, в каком он желал. Русский крестьянин-поселенец «с самого начала видел себя окружённым… целым морем земли, кругом него был такой простор, от которого он давно уже отвык в европейской России» **[14, с 13]**, что фактически предоставило ему моральное «право» занимать любой участок земли, руководствуясь только собственным усмотрением. В результате, незаконные земельные владения – заимки – чиновники сплошь и рядом обнаруживали в самых различных местностях края, причём даже в таких, которые искони считалась незаселёнными и даже неудобными для заселения.

Помимо изолированных заимок, разбросанных по всему краю, фактически каждая более или менее заметная деревня в Сибири и на Дальнем Востоке, образовывала по всем направлениям целый ряд подобных незаконных владений, которые существовали и функционировали без какого-либо вмешательства со стороны государства. Как писал чиновник особых поручений при Переселенческом управлении МВД А.А. Риттих, находившийся в 1898–1899 гг. в командировке в Южно-Уссурийском крае, в деревнях, где было достаточно земли, не требующей особых предварительных трудов на обработку (осушение, корчевание), «каждая семья владела тем участком, который заняла – «заимкой»», и никакого вмешательства общества в порядок пользования землёй не производилось. И в таком положении в 1899 г. находились, по его свидетельству, «91 деревня Южно-Уссурийского края из общего числа 102» **[22, с. 47]**.

Заимки и государство: нелегальное пользование землёй или эффективная колонизация окраины?

Существование огромного числа нелегальных заимок, рассредоточенных по всей дальневосточной окраине, не было секретом для царских чиновников: их наличие констатировалось практически всеми, кто был знаком с переселенческим делом и жизнью дальневосточной окраины. Между тем, проблема существования незарегистрированных мест поселения фактически не обращала на себя особого внимания царской администрации и зачастую обсуждалась в спокойных, непатетических тонах. Громадные территории Дальнего Востока представлялись всем настолько значительными, способными удовлетворить потребности в «удобной» земле как старожилов-заимочников, так и новых поселенцев, что многие, в особенности на первых порах, совершенно не видели оснований для решительного пресечения практики свободного пользования земельными богатствами края. Неслучайно, что межевые чины, отводившие участки для переселенцев, старались отграничивать переселен-

ческий участок таким образом, чтоб обойти стороной наиболее крупные заимки, представляющие крепкие, развитые хозяйства, владельцы которых проживали здесь постоянно и фактически порвали всякую связь с прежней деревней.

Куда более важными задачами по сравнению с выявлением и наказанием заимщиков считались заселение и колонизация российской окраины, а потому на случаи нелегального пользования землёй часто закрывали глаза, считая возможным таким способом содействовать естественному расселению народа по государственной территории. Именно поэтому на существовавшие в крае нелегальные формы землепользования зачастую смотрели сквозь пальцы. И этому во многом способствовало распространённое убеждение об обширности земель на востоке России, способных удовлетворить потребность в земле как старожилов, так и будущих поселенцев.

Небезынтересно, что при распространённости мнения о пустынности и малонаселённости дальневосточных земель, которое поддерживалось самим главноуправляющим землеустройством и земледелием при совете министров Столыпина – князем Б.А. Васильчиковым, отмечавшим, что «миллиард десятин земли Азиатской России представляет из себя пустыню, изобилующую всеми богатствами природы и бедную лишь одним – людьми» **[Цит по: 4, с. 3]**, реальные размеры земельного фонда Дальнего Востока долгое время фактически не были известны чиновникам. А.В. Кириллов, занимавшийся изучением переселенческого движения в Амурскую область и ставший в 1898 г. городским главой города Благовещенска, писал в 1895 г.: «До сих пор, несмотря на то, что уже проходит 35 год со времени появления в области первых переселенцев-земледельцев, ещё решительно ничего не сделано относительно приведения в известность земель как в количественном, так и в качественном отношении» **[11, с. 46]**. И такое же заявление в полной мере могли бы разделить и некоторые другие **[2, с. 2; 16, с. 1; 7, с. 171]**. И хотя к началу XX в. в империи появились уже довольно авторитетные исследования, дававшие адекватную оценку плодородности дальневосточных земель и колонизационной вместимости края **[См.: 8, 18]**, в общественно-политической риторике во многом продолжали господствовать представления о неисчерпаемости и безграничности тех перспектив, которые Дальний Восток открывал в плане переселения.

Головную боль царской администрации нелегальные заимки составляли лишь в том случае, когда становились причиной раздора в деревне или даже в нескольких соседних селениях. Возможность при попустительстве администрации безгранично выбирать по своему усмотрению земли к концу XIX столетия стала превращать целые деревни, а то и соседние посёлки во враждующие лагеря. И причиной тому оказывалось неравное положение поселенцев.

С годами прирост населения и потребность в земле новых поселенцев по-новому поставили вопрос о земельных «захватах». Неудовольствие наименее бедной части населения все чаще стали вызывать богатые владельцы заимок, сумевшие захватить в свои руки огромные пространства земли. Отдельные лица фактически единолично «владели» обширными наделами в 200–300, а то и более десятин земли и, обрабатывая эти земли посредством наёмного труда, получали с них значительные прибыли, предоставляя повод для зависти наименее успешным односельчанам **[22, с. 47]**. Парадокс ситуации заключался в том, что при огромных размерах наделов старожилов, опоздавшие к разделу земли новопоселенцы вынуждены были довольствоваться гораздо более скромными земельными участками и даже покупать их у тех, кто водворился в деревне ранее и сумел воспользоваться «правом первого захвата». Не-

равное положение переселенцев становилось причиной постоянных ссор и раздоров в деревне **[См.: 16, с. 99; 17, с. 76; 22, с. 47]**. Это дало повод А. Меньшикову, проводившему в 1910 г. экономико-статистическое исследование крестьянских хозяйств старожилов-стодесятинников в Амурском и Приморском крае, констатировать, что «заветная крестьянская мечта о «землице» осуществившись в праве на стодесятинный надел, казавшийся сперва безграничным, вылилась затем в уродливые формы захвата, пенкоснимание, в бесцельное и неразумное перескакивание с заимками с одного места на другое, включительно до продажи излишней и сверх нужды захваченной земли своему односельчанину, бесправие которого основывалось лишь на том, что он зачислился на надел позже продавца-первозахватчика» **[16, с. 110]**.

Между тем, по свидетельству чиновников, конфликты из-за земель имели место преимущественно в тех деревнях, где, несмотря на значительное пространство надела, начинал сказываться, благодаря быстрому росту посевной площади, недостаток чистых мест, пригодных для ведения сельского хозяйства или же где поблизости имелось манзовское или корейское население, ищущее работы и готовое довольствоваться низкой заработной платой. В большинстве же селений заимочное пользование не вызывало серьёзных неудовольствий: «право первого захвата» уважалось, а малоимущие крестьяне привыкли относиться к увеличению запашек зажиточных совершенно спокойно, полагая, что на их век хватит **[22, с. 48]**.

В результате, заимочная система ведения хозяйства на Дальнем Востоке не особо занимала чиновников. Первостепенной задачей дальневосточной администрации было скорейшее заселение «бескрайних» просторов Сибири и Дальнего Востока и уплотнение населения здесь. И с этой точки зрения заимщики являлись скорее благом для региона, чем явлением сугубо отрицательного характера. И несмотря на тот факт, что заимщиков часто критиковали за совершенно хищническое использование земель **[22, с. 48]**, «пенкоснимание» **[16, с. 110; 14, с. 13]**, а также видели в них определённую трудность при отведении участков для водворения новых поселенцев **[7, с. 80]**, тем не менее, на образование нелегальных заимок в основном предпочитали смотреть сквозь пальцы.

«…у них нет главного – они не русские»

Интересно, однако, что при достаточно попустительском отношении к заимочной системе в районах Сибири и Дальнего Востока, тем не менее, земельные богатства края все же, по всей видимости, не считали достаточными для всех.

Помимо русских переселенцев на Дальнем Востоке нелегально селились также и иностранцы, в основном китайцы и корейцы. По замечанию Ф.Ф. Буссе, китайские фанзы встречались в районе Южно-Уссурийского края «отдельными хуторами и в группах, иногда довольно обширных, во всех долинах незанятых русскими деревнями» и все они были «окружены пахотными полями, иногда на большой площади» **[2, с. 18]**. Подобная ситуация наблюдалась не только в Южно-Уссурийском крае, но и в других областях региона. Всюду переселенцы, следовавшие в указанные им места водворения, встречали разбросанные по всему региону китайские и корейские фанзы **[22, с. 6]**. И если изначально при заселении региона фактически не чинилось особых препятствий к их водворению в крае, поскольку в них видели возможность облегчить переселение русских на Дальний Восток (они могли обеспечить на первых порах поселенцев продуктами питания), то со временем поселение их в крае стало рассматриваться в качестве нежелательного и даже вовсе отрицательного явления. В 1886 г. был издан указ, согласно которому

корейцам и китайцам было запрещено селиться в пограничных с Кореей и Китаем местах **[22, с. 29]**, и, хотя эта мера имела под собой исключительно военно-стратегические основания, в некотором роде она отражала и общее отношение к заселению Дальнего Востока выходцами из Китая и Кореи.

Государственные чиновники, в большинстве случаев, смотревшие сквозь пальцы на нелегальную разработку больших площадей земли русскими и фактически легализовавшие незаконный «захват» земель на окраине, тем не менее, довольно решительно сгоняли с мест китайцев и корейцев, незаконно водворившихся в регионе. Что же касается последних, то для них было «достаточно категорического указания администрации на предстоящий приход переселенцев», чтобы они «без противодействия уступили свои места» **[22, с. 15]**. Нельзя не отметить, однако, что подобное незаконное поселение китайского и корейского населения в регионе было даже выгодно чиновникам переселенческого управления – оно позволяло селить вновь прибывших на дальневосточную окраину русских переселенцев в местах, где уже были проведены все подготовительные мероприятия по расчистке почв, а это существенно облегчало водворение переселенцев в регионе. Эта мысль прямо выражалась в исследовании А. Меньшикова, писавшего, что при всей экономической малозначимости корейского хозяйства для региона, оно исключительно ценно для окраины в качестве «аванпоста заселения новых районов»: «Разработанный корейцами, этими своего рода «кочевыми земледельцами», уголок тайги становится базой дальнейшей колонизации, так как по проторённому корейцем пути идёт в тайгу и русский крестьянин» **[16, с. 26]**.

Интересно, что совершенно различное отношение чиновники высказывали относительно китайского и корейского населения, нелегально селившегося на территории Дальнего Востока. И если китайцы считались элементом категорически неприемлемым для поселения в крае, способным в случае враждебного столкновения двух соседних империй оказать «своим сородичам помощь» **[2, с. 19]**, то вот в отношении водворения корейцев однозначного мнения у чиновников не было. Корейцы смогли зарекомендовать себя в крае с положительной стороны, и им даже был выделен для поселения Посьетский участок, который после ряда исследований, был признан совершенно негодным для русской земледельческой культуры. Между тем, при рассмотрении вопроса о предоставлении возможности селиться в крае корейцам, к концу XIX в. пришли к выводу, что не стоит содействовать их водворению в регионе: «какими бы положительными качествами не обладали корейцы», по мнению чиновников переселенческого управления, «у них нет главного – они не русские» **[22, с. 37]**.

Колонизовать край предполагалось исключительно русским элементом. О чем открыто заявлялось в официальных документах: «политическая цель заключается в противопоставлении жёлтому человеку белого, в нравственном экономическом и даже физическом отношениях… этим требованиям соответствуют все русские подданные, какого бы происхождения они не были и потому привлечение их в край было бы тем полезнее, что такое приращение населения не вызывает расходов правительства, мало того приносит с собою капитал, энергию и умственный труд» **(РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 24. Л. 68)**. В результате, на российской окраине было достаточно земель, чтоб не замечать нелегальные захваты, но только при условии того, что эти нелегальные пользователи земли были бы русскими подданными.

***

Дальневосточные земли, присоединённые к России лишь во второй половине XIX в., совершенно по-новому поставили вопрос об отношении к земле и земельным богатствам в империи. В отличие от территорий европейской России, где фактически вся земля была точно определена в своих границах и зачастую имела своего владельца, на дальневосточной окраине ситуация была прямо противоположной. Огромный земельный простор формировал здесь восприятие земли в качестве свободного дара природы, не имеющего своего законного собственника. Такие убеждения позволяли значительной массе жителей окраины фактически свободно выбирать землю в своё пользование, не согласуясь с мнением местной администрации. Парадоксальным образом такая система существовала при полной осведомлённости государственных чиновников, особо не пытавшихся защитить государственное имущество от незаконных захватов и образования нелегальных заимок. И если в европейской части России захватом считалось уже скашивание пограничной полосы соседнего владения **[См.: 5; 6; 11]**, на просторах российского Дальнего Востока разработка даже обширных земельных угодий практически не вызывала серьёзных возражений чиновников: обширность дальневосточных земель позволяла здесь довольно снисходительно относиться к распашкам огромных площадей, полагая, что земли хватит на всех желающих. На российской окраине собственно и понимание самого захвата было совершенно иным: здесь в попустительстве захватам видели ещё и возможность дать новоиспечённым жителям региона успешно освоиться в новой для себя обстановке, завести крепкое хозяйство. И, хотя к началу XX в., стали наблюдаться некоторые попытки чиновников сократить число незаконных захватов с помощью ряда административных мер **[16, с. 101]**, тем не менее решительного пресечения практики захватного землепользования так и не произошло.

◆

Литература

1. Белянин Д.Н. Предпосылки и характер индивидуализации крестьянского землевладения в Западной Сибири в начале XX в. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 1 (38). С. 120–126.

2. Буссе Ф.Ф. Переселение морем в Южно-Уссурийский край в 1883–1893. СПб.: тип. Общественная польза, 1896. 57 с.

3. Гарбуз И.В. Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX в. // Гуманитарный вектор. 2011. № 3. С. 31–39.

4. Гинс Г. Переселение и колонизация. Оттиск из вопросов колонизации. № 12. СПб.: тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 65 с.

5. Гузей Я.С. К вопросу о захватном землепользовании в европейской части Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 45. С. 5–10.

6. Земельные захваты и межевое дело. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / Сост. С.И. Шидловский. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. 171 с.

7. Исаев А.А. Переселение в русском народном хозяйстве. СПб.: изд. А.Ф. Цинзерлинга, 1891. 192 с.

8. Кауфман А.А. Материалы по вопросу о колонизационной вместимости Приамурского края. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1901. 298 с.

9. Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб.: тип. Общественная польза, 1905. 349.

10. Каширина И.Б., Лепехин А.В., Титова А.Д. Формирование и развитие системы расселения в Амурской области: начало (1857–1889 гг.) // Вестник Амурского государственного университета. 2015. № 68. С. 16–21.

11. Кириллов А. Переселения в Амурскую область // Труды Приамурского отдела императорского русского географического общества. Хабаровск, 1895. 47 с.

12. Крестьянское землепользование. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Свод трудов местных комитетов по 49 губерниям европейской России / Сост. А.А. Риттих. СПб.: тип. В.Ф. Киршбаума, 1903. 117 с.

13. Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX–XX вв.): сб. статей / Под ред. А. И. Крушанова. Владивосток, 1979. 142 с.

14. Крюков Н.А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. М.,1896. Т 2. Вып. 2. С. 1–122.

15. Ландарь И.А. Аграрная политика государства в отношении казачества восточных окраин России на рубеже XIX – XX веков // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 2 (51). С. 195–199.

16. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятинники. Том III (текст). / Составил А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов, 1912. 505 с.

17. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятинники. Том IV (описание селений). / Составил А. Меньщиков. Под ред. А.А. Татищева. Саратов, 1912. 575 с.

18. Надаров И. Второй Хабаровский съезд 1886 года. Владивосток, 1886.

19. Польская Е.В. К вопросу о захватном землевладении на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX // Наука и образование в жизни современного общества: сб. науч. трудов. Тамбов, 2012. № 2012. С. 122–123.

20. Польская Е.В. Землевладение и землепользование казаков на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. // Вектор науки ТГУ. 2014. № 2(28). С. 119–121.

21. Польская Е.В., Стасюкевич С.М. Частная собственность на землю на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4. № 3. С. 91–101.

22. Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. Отчёт по командировке чиновника особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттиха. СПб., 1899. 154 с.

23. Сафронов С.А. Поиски земель в Сибири, пригодных для колонизации в конце XIX в. // Наука и современность. Новосибирск, 2012. С. 63–67.

24. Татарникова А.И. Взаимосвязь типов сельских поселений и характера землепользования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная наука агропромышленному производству. Тюмень, 2014. С. 145–148.

25. Masoero Alberto. Layers of property in the tsar`s settlement colony: projects of land privatization in Sibiria in the late nineteenth century // Central Asian Survey. 2010. Vol. 29. № 1. P. 9–32.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belyanin D.N. Predposylki i kharakter individualizatsii krest'yanskogo zemlevladeniya v Zapadnoj Sibiri v nachale XX v. // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2005. № 1 (38). S. 120–126.

2. Busse F.F. Pereselenie morem v YUzhno-Ussurijskij kraj v 1883–1893. SPb.: tip. Obshhestvennaya pol'za, 1896. 57 s.

3. Garbuz I.V. Zemel'nye otnosheniya v Zabajkal'skoj oblasti vo vtoroj polovine XIX v. // Gumanitarnyj vektor. 2011. № 3. S. 31–39.

4. Gins G. Pereselenie i kolonizatsiya. Ottisk iz voprosov kolonizatsii. № 12. SPb.: tip. F. Vajsberga i P. Gershunina, 1913. 65 s.

5. Guzej YA.S. K voprosu o zakhvatnom zemlepol'zovanii v evropejskoj chasti Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2017. № 45. S. 5–10.

6. Zemel'nye zakhvaty i mezhevoe delo. Osoboe soveshhanie o nuzhdakh sel'skokhozyajstvennoj promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropejskoj Rossii / Sost. S.I. SHidlovskij. SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1904. 171 s.

7. Isaev A.A. Pereselenie v russkom narodnom khozyajstve. SPb.: izd. A.F. TSinzerlinga, 1891. 192 s.

8. Kaufman A.A. Materialy po voprosu o kolonizatsionnoj vmestimosti Priamurskogo kraya. SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1901. 298 s.

9. Kaufman A.A. Pereselenie i kolonizatsiya. SPb.: tip. Obshhestvennaya pol'za, 1905. 349.

10. Kashirina I.B., Lepekhin A.V., Titova A.D. Formirovanie i razvitie sistemy rasseleniya v Amurskoj oblasti: nachalo (1857–1889 gg.) // Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 68. S. 16–21.

11. Kirillov A. Pereseleniya v Amurskuyu oblast' // Trudy Priamurskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. KHabarovsk, 1895. 47 s.

12. Krest'yanskoe zemlepol'zovanie. Osoboe soveshhanie o nuzhdakh sel'skokhozyajstvennoj promyshlennosti. Svod trudov mestnykh komitetov po 49 guberniyam evropejskoj Rossii / Sost. A.A. Rittikh. SPb.: tip. V.F. Kirshbauma, 1903. 117 s.

13. Krest'yanstvo Dal'nego Vostoka SSSR (XIX–XX vv.): sb. statej / Pod red. A. I. Krushanova. Vladivostok, 1979. 142 s.

14. Kryukov N.A. Opyt opisaniya zemlepol'zovaniya u krest'yan-pereselentsev Amurskoj i Primorskoj oblastej // Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. M.,1896. T 2. Vyp. 2. S. 1–122.

15. Landar' I.A. Agrarnaya politika gosudarstva v otnoshenii kazachestva vostochnykh okrain Rossii na rubezhe XIX – XX vekov // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. 2010. № 2 (51). S. 195–199.

16. Materialy po obsledovaniyu krest'yanskikh khozyajstv Primorskoj oblasti. Starozhily-stodesyatinniki. Tom III (tekst). / Sostavil A. Men'shhikov. Pod red. A.A. Tatishheva. Saratov, 1912. 505 s.

17. Materialy po obsledovaniyu krest'yanskikh khozyajstv Primorskoj oblasti. Starozhily-stodesyatinniki. Tom IV (opisanie selenij). / Sostavil A. Men'shhikov. Pod red. A.A. Tatishheva. Saratov, 1912. 575 s.

18. Nadarov I. Vtoroj KHabarovskij s"ezd 1886 goda. Vladivostok, 1886.

19. Pol'skaya E.V. K voprosu o zakhvatnom zemlevladenii na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX // Nauka i obrazovanie v zhizni sovremennogo obshhestva: sb. nauch. trudov. Tambov, 2012. № 2012. S. 122–123.

20. Pol'skaya E.V. Zemlevladenie i zemlepol'zovanie kazakov na Dal'nem Vostoke vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Vektor nauki TGU. 2014. № 2(28). S. 119–121.

21. Pol'skaya E.V., Stasyukevich S.M. CHastnaya sobstvennost' na zemlyu na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik

Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 4. № 3. S. 91–101.

22. Rittikh A.A. Pereselencheskoe i krest'yanskoe delo v YUzhno-Ussurijskom krae. Otchyot po komandirovke chinovnika osobykh poruchenij Pereselencheskogo upravleniya A.A. Rittikha. SPb., 1899. 154 s.

23. Safronov S.A. Poiski zemel' v Sibiri, prigodnykh dlya kolonizatsii v kontse XIX v. // Nauka i sovremennost'. Novosibirsk, 2012. S. 63–67.

24. Tatarnikova A.I. Vzaimosvyaz' tipov sel'skikh poselenij i kharaktera zemlepol'zovaniya v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. // Sovremennaya nauka agropromyshlennomu proizvodstvu. Tyumen', 2014. S. 145–148.

25. Masoero Alberto. Layers of property in the tsar`s settlement colony: projects of land privatization in Sibiria in the late nineteenth century // Central Asian Survey. 2010. Vol. 29. № 1. P. 9–32.

УДК 330.3
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/40-54

Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И.
Ryzhova N.P., Zhuravskaya T.N., Feoktistova K.I.

«Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию института прав собственности на землю?

"Far Eastern hectare": experiment of the creation of property right over land?

В статье рассмотрены системы правил, убеждений, норм, определяющих регулярность поведения в рамках института собственности на землю, создаваемого программой «Дальневосточный гектар». Авторы анализируют дискурсы и повседневные практики (не)участников программы, основываясь на результатах серии качественных исследований. Показано, как сложившиеся постсоветские практики захватной собственности, а также патерналистский дискурс, преобладающий над либеральным, формируют противоречивый гибридный институт собственности на землю.

Ключевые слова: *институт собственности, захватная собственность, институциональная динамика, дальневосточный гектар, российский Дальний Восток*

◆

The article deals with a system of rules, beliefs, and norms which altogether generate a regularity of (social) behavior within an institution of land property right created by the "Far Eastern hectare program." Authors using field research data (interviews and ethnographic observation) focus on discourses and everyday practices of the Program (non)participants. It is revealed that post-soviet practices of land and other property seizure together with paternalist discourse dominating over liberal one, contribute to creating of inconsistent hybrid land property institution.

Key words: *property institution, seizure of property, institutional changes, "Far Eastern hectare", the Russian Far East in economic activity, intercultural communications*

В России реализуется программа «Дальневосточный гектар» (далее – ДВ-гектар), в рамках которой каждый гражданин может получить в пользование земельный участок размером до одного гектара на Даль-

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-32-00029

РЫЖОВА Наталья Петровна, д.э.н., профессор Академического департамента ДВФУ, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН *(г. Владивосток)***. E-mail:** ryzhova.np@dvfu.ru

ЖУРАВСКАЯ Татьяна Николаевна, к.с.н., доцент Академического департамента ДВФУ, научный сотрудник Приморской лаборатории экономического развития и сотрудничества ИЭИ ДВО РАН *(г. Владивосток)***. E-mail:** zhuravskaia.tn@dvfu.ru

ФЕОКТИСТОВА Ксения Игоревна, ассистент Академического департамента ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** feoktistova.ki@dvfu.ru

нем Востоке. Согласно соответствующему федеральному закону № 119 от 1 мая 2016 г. **[7]** программа вводилась поэтапно: с июня 2016 г. право на гектар по району регистрации получили жители пилотных дальневосточных регионов; с октября – жители дальневосточных регионов вне зависимости от района их регистрации; а с 1 февраля 2017 г. – все граждане РФ. Программа предусматривает передачу участков в безвозмездное пользование сроком на 5 лет, после чего, при соблюдении ряда – пока еще не вполне четко определенных – условий, землю можно будет оформить в собственность или долгосрочную аренду. На гектаре можно заниматься сельским, лесным или охотничьим хозяйством, организовать собственный бизнес, а также использовать в любых других, не запрещенных законодательством целях. Для реализации программы разработан специальный электронный сервис (сайт) *«НаДальнийВосток.ру»* **[8]**, где заявители самостоятельно выбирают участки на интерактивной карте, и далее оформляют все необходимые документы онлайн. Для тех граждан, которые привыкли к более персонализированным отношениям предусмотрена возможность подачи документов на бумажном носителе в уполномоченный орган.

Согласно русскоязычной Википедии «Цель закона – привлечь внимание и ресурсы граждан к *освоению территорий* Дальнего Востока» **[4]**. Интерпретация российской версией всемирной энциклопедии цели программы соответствует идеям ее инициаторов, которые при внесении закона на рассмотрение указывали, что он «направлен на решение вопросов привлечения граждан на постоянное место жительства на территорию Дальневосточного федерального округа, снижение оттока местного населения, а также *ускорение социально-экономического развития* субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа» **[11]**.

Любые формальные правила (программы, нормативные акты), если они задают модели повторяющегося поведения, участвуют в формировании тех или иных институтов. Программа ДВ-гектар может участвовать в формировании института, стимулирующего внутреннюю миграцию; института, аккумулирующего средства граждан для развития территории; института, укрепляющего российскую государственность за счет заселения приграничных территорий; института собственности на землю; института передачи знаний в области ведения бизнеса и других. Мы смело предполагаем, что наиболее важный вклад вносится в формирование *института собственности* на землю, хотя и не исключаем, что инициаторы могли предполагать иначе. Наша «смелость» оправдана тем, что суть программы – в приватизации, или передаче земли, находящейся в государственной или муниципальной собственности, в пользование, а затем и собственность граждан. «Смелость» также поддерживается наиболее очевидной теоретической дискуссией, ведущейся в рамках новой институциональной экономической теории и связывающей передачу актива в собственность и заявленную цель «ускорения развития» и «освоения территорий».

Эта дискуссия, далекая от завершения, ведется вокруг вопроса о том, какая собственность (только ли частная? насколько четко должны быть определены права?) способствует экономическому росту. Очевидный вопрос, который следует задать в этой связи по отношению к программе ДВ-гектар (и конечно, прежде чем переходить к попыткам оценить влияние гектара на рост) – а какая собственность создается в рамках эксперимента с ДВ-гектаром? Изменяется ли четкость определения прав в результате эксперимента?

Если научная дискуссия о роли частной собственности в развитии без труда ассоциируется с либеральной повесткой и рыночными реформами, то в случае с ДВ-гектаром легко выявляется противоречие, ко-

торое мы и рассмотрим в этой статье. Если проанализировать контент электронного сервиса *«НаДальнийВосток.ру»* **[8]**, через который должны проходить основные транзакции потенциальных получателей гектара и государства, то окажется, что рыночная экономика, частная собственность и либеральный дискурс совсем не являются для инициаторов программы основными. Термины «*собственность* на землю», «*бизнес*» и «*предпринимательство*» находятся в тени другого дискурса – назовем его патерналистским – который оперирует такими понятиями, как «право на *бесплатное* получение земельных участков», «получение земельного участка в *безвозмездное* пользование», «*социальная* инициатива Правительства РФ», «меры *господдержки* в освоении новых земель», «*социальные льготы*».

Иначе говоря, судя по тексту самого закона, документов, его сопровождающих, и структур его поддерживающих, государство ожидает некоего сподвижничества, инициативного движения граждан на восток для «освоения» и «ускоренного развития» периферий. А в обмен на сподвижничество предлагается земля, что дискурсивно оформляется как социальная забота государства о своих гражданах.

Отсюда можно сформировать гипотезу, что, хотя в результате действия программы ДВ-гектар институт собственности на землю и формируется, речь совсем не идет об «энциклопедической» (либеральной) частной собственности. Дискурсивное оформление ДВ-гектара в патерналистской логике при одновременном присутствии либерального дискурса содержит интригу, которая влияет на формирующийся институт и заслуживает исследовательского внимания. В своей статье мы анализируем не только дискурсы, но и повседневные практики применения нормативных актов по ДВ-гектару, что позволяет нам раскрыть сформулированные выше вопросы в следующих уточнениях. Как объясняется возможность получения прав собственности в рамках программы ДВ-гектар «обычными» людьми – для них это «забота государства», «предпринимательская возможность», что-то еще? Как это влияет на поведенческие реакции людей, уже проживающих на территории Дальнего Востока или предполагающих возможность переезда? Иначе – каковы когнитивные модели, системы правил, убеждений, норм, определяющих регулярность поведения в рамках создаваемого института? Насколько важны дискурс и практики структур (органов), созданных для реализации ДВ-гектара? Какова роль в формируемом институте унаследованных из прошлого институциональных элементов и существующих не-самоподдерживающиеся альтернатив?

В работе использованы материалы серии качественных исследований, проводимых нашим коллективом – этнографического наблюдения в одном из сел Амурской области (летом 2015 и летом 2017 гг., в совокупности – около двух месяцев полевой работы); этнографического наблюдения в одном из сел Приморского края (2017 г. – около 3 месяцев полевой работы); 16 интервью с заявителями программы ДВ-гектар продолжительностью от тридцати минут до полутора часов (в т.ч. полученных в 2016 и 2017 гг.).

Статья состоит из трех разделов – в первом представлены базовые теоретические рамки, во втором – описан контекст проведения эксперимента, в третьем – описаны эмпирические данные (четыре конкретных случая обращения граждан за получением гектара) и представлены ответы на поставленные вопросы.

Институт собственности и институциональная динамика: подходы к анализу

На сегодняшний день сложилось два подхода к анализу институтов и институциональной динамики **[3]**. В рамках первого подхода институты – это нормы, правила, ценности, которые облегчают агентам выбор в условиях неопределенности. Во втором институты – это структуры, которые складываются в рамках взаимодействия людей и определяют их поведенческие рутины. Таким образом, в первом случае изучается, как институты влияют на поведение, а через это – на исходы экономических систем (например, на динамику их роста), а во втором – как сами институты-рутины формируются. Мы вначале кратко рассмотрим каждый из подходов, затем объясним выбор нами теоретической рамки.

Институциональная динамика: функциональный подход. Теоретическая дискуссия, связывающая экономический рост и институты собственности, была начата в работах Дугласа Норта **[22]**. Эта тема стала буквально мейнстримом с тех пор, как стало понятно, что либеральная программа, а вместе с ней повестка рыночных реформ в незападных странах не оправдались. Несмотря на достигнутые консенсусы ученых и политиков бедные страны, применившие «либеральные рецепты», остались бедными, и ничего не помогает им догнать страны первого эшелона. Дуглас Норт был первым, кто предложил удачную, быстро ставшую влиятельной рамку, объясняющую причины такого положения. Он и его коллеги сделали акцент на институтах или правилах игры, которые не могут измениться в одночасье по желанию кого бы то ни было и которые постоянно возвращают отдельные общества на заданные траектории исторического развития **[9]**.

Особое внимание в рамках этого подхода уделяется институтам собственности: например, Норт утверждал, что экономическая революция, позволившая некоторым странам вырваться вперед, была связана именно с оформлением права собственности на землю **[22]**.

Связь между четкостью определения прав собственности и ростом рассматривалась в эмпирических трудах Р. Баро **[14]**, И. Глейзера и др. **[16]**, Д. Асемоглу **[13]**, Д. Родрика **[24]**, Т. Бисли и М. Гатак **[15]**. Например, Бисли и Гатак показали, что рост зависит от инвестиций, а инвестор в свою очередь не будет вкладывать ресурсы в актив в том случае, если существует риск его правительственной или частной экспроприации. Они идентифицировали четыре канала, объясняющих связи между защищенными правами собственности и ростом: 1) защита от экспроприации выступает стимулом для инвестиций, так как собственник может прогнозировать возможности использования результатов от владения активом; 2) защита мобильности ресурса ускоряет рост, так как собственник может передать актив другому собственнику, который будет использовать его эффективнее; 3) снижение затрат на защиту прав пользования активом означает более эффективное расходование ресурсов на производственную деятельность, что также стимулирует рост; 4) собственность может снижать трансакционные издержки, так как хорошо определенные права собственности позволяют использовать актив, например, для привлечения ресурсов с финансового рынка.

Не все исследователи согласны с тем, что защита прав собственности, а тем более частные права собственности – основной ингредиент экономического роста **[16; 23; 21; 25]**. Например, А. Шмид утверждает, что некоторая доля неуверенности в правах на самом деле является обязательным требованием для роста и развития. Он исследует опыт истории США в освоении фронтира и, конкретно, в строительстве железных дорог и каналов и приходит к заключению, что для производства инноваций предприниматели должны быть готовы к некоторой неопределенно-

сти в их правах собственности, которая может не быть полностью компенсированной. Более того, по его мнению, полностью защищенные права собственности будут снижать стимулы к инновациям и, как следствие, снижать темпы роста **[25]**.

Таким образом, представители функционального подхода согласны в значимости прав собственности для роста, но не пришли к согласию по поводу того, какой вариант оформления этого института является «наилучшим».

Институциональная динамика: структурный подход. В отличие от экзогенных институтов, влияющих на рост, структурный подход интересуется тем, как отдельные акторы формируют конкретный институт. Этот подход в большей степени используется социологами и антропологами (реже – экономистами). Применительно к исследованию собственности можно вспомнить работу британского антрополога А. Макфралейн **[20]**, который доказывал, что система индивидуальной собственности в Англии развивалась в течение столетий благодаря двум особенностям: делению прав собственности при неделимости вещи, а также централизованному феодализму, защищавшему индивидуальные (что важно – не семейные) права аристократии. Макфарлейн также настаивает, что исторически английские особенности не были повторены ни в одной другой стране мира. Пример подобного анализа со ссылкой на исследование Макфарлейна представлен в **[9, с. 151–197]**.

Идея о невозможности повтора англосаксонской модели собственности развивается в трудах К. Ханна **[19]**. Он утверждает, что собственность настолько сильно зависит от культурного контекста, что конструкты, описывающие феномен в одной стране, вообще не имеют значения в другой. Он утверждает, что английский концепт *property* тесно связан с пре-капиталистическим владением землей в Англии и поэтому с трудом может быть применен даже к отношениям собственности в Германии, что и говорить про гораздо более удаленные, например, полинезийские контексты. Более того, «стандартная либеральная модель», предполагающая владением исключительным титулом собственности, не является единственной даже для англосаксонского мира и может приобретать разнообразные формы за его пределами. Хорошей иллюстрацией выводов К. Ханна является исследование К. Вердери о приватизации и реституции собственности на землю в Трансильвании. По мнению Вердери, поведение крестьян оказалось непредсказуемым, совершенно отличным от ожиданий экспертов. Оказалось, что крестьяне не стремятся к кооперации даже при остром дефиците трудовых ресурсов, не хотят консолидировать участки, не могут инвестировать в землю, но хотят вернуть земли, принадлежавшие их семьям, даже если не смогут их обрабатывать. Сопротивление новым экономическим правилам характеризует, по Вердери, не только поведение крестьян, но и представителей власти, которые своими действиями препятствовали проведению реформ, стараясь сохранить свой властный статус. К. Вердери также отмечает, что сопротивление изменениям, а именно коллективизации, было характерно и для социалистического периода, и именно оно позволило сохранить, пусть и в скрытой, латентной форме культуру собственности на землю **[26]**.

Таким образом, представители структурного подхода настаивают на важности культурного контекста и подчеркивают, что «частная собственность» в зависимости от культурного контекста может определять совершенно разные феномены.

Рассмотрение институтов как функций (и исключение из рассмотрения рутин) точно не подходит для ответа на заданный нами вопрос о том, что за институт создается благодаря ДВ-гектару. Но и анализ только процесса складывания рутин нас не может устроить, так как в конечном счете мы хотим понять, как формирующийся гибридный институт влияет

на поведение людей. Иначе говоря, нам необходим синтез структурного и функционального подходов к анализу институциональной динамики. Такое синтетическое направление сейчас тоже развивается, и наиболее влиятельный вклад в него сделал Анвер Грейф. Институты, по Грейфу, это «системы правил, убеждений, норм, и организаций, которые совместно порождают регулярность (социального) поведения» **[3, с. 21]**. Он рассматривал многосторонние механизмы репутации, обеспечивавшие экономические обмены на Шампанских ярмарках; институты координации ответных действий купцов по отношению к городам, которые нарушили условия соглашений о торговле (Ганзейские купеческие гильдии); особенности позднесредневековой европейской «круговой поруки», когда торговцы наказывали членов своей общины, обманувших других людей, что влияло на репутацию и торговые возможности общины **[17; 18]**. И все это было нужно для понимания институциональных изменений и того, как институты, сложившиеся в средние века, привели к развитию современной рыночной экономики. Под институциональными изменениями он понимает ситуацию, в которой «институт, регулировавший транзакцию, больше не является самоподдерживающимся, когда он воспринимается как теряющий свои характеристики самоподдерживаемости, или когда технологические, организационные и другие изменения порождают новые транзакции» **[3, с. 224]**.

Подход Грейфа помогает обосновывать и методы, при помощи которого можно изучать процессы институциональных изменений. Сам Грейф пользуется историческим (качественным) методом и теорией игр (или формальным анализом). В этой работе мы используем только качественный анализ данных, оставляя формальный анализ для следующих работ. Обращение к качественным методам сбора и анализа данных позволяет уделить особое внимание культурному контексту, без которого, если верить Ханну и Вердери, понимание постсоциалистического контекста и институтов собственности, формирующихся в постсоветских странах, вообще невозможно.

Постсоциалистический контекст для эксперимента с собственностью

В последние тридцать лет значительная часть населенных пунктов, созданных на Дальнем Востоке в советское время, пришла в упадок. Разрушились дороги, обанкротились, развалились градо- и село- образующие предприятия (фабрики, комбинаты, колхозы), ликвидированы военные гарнизоны. Население стремительно убывало все постперестроечные годы, в результате в некоторых населенных пунктах остались только старики, где-то – не осталось никого. Даже там, где еще живут люди, функционируют школы, работают медицинские пункты, население резко сократилось. Имущество, особенно дома и разработанные земельные участки, оказались брошенными.

Кейс «Брошенный дом» *(село на севере Амурской области). Раньше поселок соединялся дорогой с близлежащим городом. Сейчас дорога полностью разрушена тяжелой техникой, которая вывозила металлолом, «добываемый» с объектов, закрывшихся вместе с закрытием прииска. Этот поселок похож на многие другие: четкие ассоциации с «постапокалипсисом» – люди словно просто бежали, оставляя имущество в домах. Некоторые здания переделали из жилых домов в гаражи, приспособили под другие нужды. Много и просто в руинах, обросших деревьями, кустарником и мхом. Тут и там расположены пустыри. Большие многоквартирные дома почти нежилые.*

И. живет в восьмиквартирном деревянном двухэтажном доме около 20 лет. Квартиру получила семья от муниципалитета при при-

езде в поселок, там родилось трое ее детей. Кроме квартиры семья могла пользоваться придомовой территорией – гараж, сарай, общий огород, летняя кухня, туалет, палисадники, вольер для собак, стайки для мелких животных… Дом пустует около 10 лет. Соседи начали разъезжаться в середине 1990-х после развала золотого прииска. Когда освободилась квартира напротив, И. переехала туда как в более просторную и светлую, на тот момент с ней жил только младший сын, который вскоре тоже переехал в город. Пустая квартира (бывшая «своя») постепенно превратилась в кладовую – И. стала хранить там банки для заготовок на зиму, зимние и прочие сезонные вещи. В 2010 г. в поселок вернулась ее дочь со своей семьей. Через два года они открыли магазин и в «кладовке» стали хранить коробки и некоторые товары. Для хранения более ценных товаров оборудовали гараж из освободившейся квартиры внизу, поставили прочные ворота и повесили замки. Квартира напротив на первом этаже также вскоре превратилась в гараж, где зять поставил свою машину, а И. разметила бочки для воды и морозильную камеру. Остальные квартиры в доме (еще четыре) пустуют и «пришли в негодность»: разрушились печи и полы, облупились стены, обвалились потолки, поселились мыши.

И. и ее дочь объясняют свои действия в отношении осваиваемых квартир очень по-разному. Для И. эта почти героическая деятельность, направленная на поддержание имущества, бывшего частью ее советского, славного прошлого. Расстройство от того, что государство больше не интересуется их некогда красивым поселком компенсируется старательной личной работой по сохранению того, что можно спасти. Дочь и ее супруг ни о каком советском прошлом не думают – они больше озабочены выживанием, зарабатыванием. На обсуждение своих практик по освоению дополнительных квартир в многоквартирном доме они шли с неохотой и говорили о том, что у них есть некоторая договоренность на использование одной квартиры внизу с главой муниципалитета, на которую они собираются когда-нибудь оформить договор социального найма.

И само село, и постепенно присваиваемый дом не являются уникальными, исключительными случаями. Они достаточно распространены и являются контекстом, на фоне которого реализуется программа ДВ-гектар, контекстом, хорошо знакомым тем, кто живет на Дальнем Востоке и/или бывал за пределами трех-четырех его самых крупных городов. Контекстом, который провоцирует людей задавать гипотетическим инициаторам такие вопросы. Почему нужно что-то развивать за пределами уже созданных (имеющих инфраструктуру поселков)? Кто и за какой счет будет строить дороги и прочие коммуникации к новым точкам? Видимо, государство, и «почему там, почему не нам»? Напрашивается еще один вопрос, релевантный теме нашего исследования: какие убеждения в отношении формально определенной собственности могут иметь люди, которые либо сами присваивают брошенное, либо повседневно наблюдают за тем, как это делают другие?

Было бы наивно полагать, что подобные ситуации имеют место только за пределами крупных городов и только с «ненужной», брошенной землей или имуществом.

Кейс «ОСАГО-городок». *В декабре 2016 г. администрация Владивостока на специальной комиссии приняла решение о сносе 13 павильонов страхования – 13 самовольных построек в центральном районе города. Комиссия постановила, что владельцы павильонов незаконно заняли земельные участки в районе, которое в городе за годы существования назвали «ОСАГО-городок»* **[10]**. *«Городок» городские власти сносят ежегодно, начиная с 2014 г. Предложение «вывести предпринимателей в поле закона», потому как они «облюбовали это место» не*

поддерживается, т.к. участок входит в «гостевой маршрут» **[2]**. *Гостевой маршрут – проходящий через город путь с особой эстетической привлекательностью, где не должно находится временных построек, таких как павильоны страховщиков.*

Таким образом, захватная собственность – это привычная практика, или интернализированная норма, имеющая значение для любых экспериментов с институтами собственности на Дальнем Востоке, в том числе для ДВ-гектара. Материальной квинтэссенцией неопределенности прав является база кадастрового учета, которая не позволяет разрешить возникающие противоречия между «новыми гектарными» и «историческими» владельцами. Сотрудники Росреестра говорят о том, что только около половины участков, зарегистрированных в реестре, имеют точно установленные границы и площади. По Приморью эти данные еще скромнее – точные сведения зафиксированы по 305 тыс. участков, а по 402 тыс. сведения носят декларативный характер **[1]**. Значительная часть земли вообще не внесена (даже в декларативном порядке) в реестр. И на любой земле могут обнаруживаться незарегистрированные – или зарегистрированные с ошибками в координатах – постройки:

«Дачи, брошенные домишки, незарегистрированные огороды, все это… И ты получишь этот гектар, а там ошибка. И наши участки с дачником пересеклись. Начнется тяжба – хозяин дачи со своими мутными документами столетней давности, с какими-то очевидцами, выжившими из ума, потянется в суд. И будешь ты бесконечно (доказывать в судах – авторы (А))... Кадастры наши вообще ничего не показывают! Человек, получивший гектар, не может спать спокойно, он должен ждать неожиданностей… Дачи, построенные официально в советское время, это самая беда. Документы, хоть и допотопные, у них есть. Легче с участками, просто прихваченными для огородика. На острове вашем (Русском – А.) таких в достатке. Хотя по Русскому – вообще другая ситуация. Там военные сказали, всё стратегические земли. И даже Стрелку (архитектурное бюро, проектировавшее развитие острова – А.) с ее фантазиями не сильно-то слушали. Попасть на такого собственника – это все. Но такие случаи вообще раньше отпадают, до судов не доходят» (заявитель ДВ-гектара, Приморский край).

Захватная собственность является гибридом, возникновение которого связано как с советским прошлым, так и с постсоветской практикой. Советская идеология о том, что земля и значительная часть иного государственного имущества – это «всенародное достояние», находящееся «в пользовании всех трудящихся» нередко оборачивалась самоподдерживающимся институтом «всенародного, значит ничьего» и определяла приемлемость захватов. В постсоветское время появились правила и нормы, определяющие поведение, исключающее захваты, присвоение, посягательство на собственность, право на которое четко определено. Но этот институт не приобрел черты полностью самоподдерживающегося, в т. ч. из-за наличия объектов с нечеткими правами. А также из-за перевернутого представления о капиталистических правилах в терминах «дикого запада», «золотой лихорадки» и «захвата». Этот мозаичный контекст, в котором смешиваются патерналистские представления, либеральные установки и специфические отражения того и другого и составляют контекст, на фоне которого проводится эксперимент по реализации ДВ-гектара.

ДВ-гектар как система правил, норм, убеждений и структур, определяющих поведение заявителей

На первый взгляд, в таком специфическом контексте, помноженном на экономический кризис, у программы ДВ-гектар нет шансов на успех. Действительно, с самого начала она вызвала скепсис и недоверие

и у «обычных людей», и у экспертов. Люди начали подозревать власти в наличии скрытых мотивов, сомневаться в том, что благие намерения могут быть реализованными в существующих реалиях, беспокоиться о негативных последствиях из-за распространенности неформальных практик аренды земли китайскими фермерами **[12]**.

«Вся земля, годная для сельхозработ, где есть хоть гравийная, хоть проселочная дорога, обрабатывается. Но участки многие не учтены (кадастром – А.). И все об этом знают, то есть и местные (власти – А.), и в городе… Но они так думают – я думаю, что так думают – или земля просто зарастает, или обрабатывается. Пусть уже лучше соя, чем елки. Но, конечно, налогов никто не платит… ну и вот пчеловоды – откровенно я думаю, никому из них и в голову не приходит, что они должны что-то там. Налоги какие-то. И поэтому вот я думаю, что настоящая цель программы не заселить Дальний Восток, не что-то там другое, а просто навести порядок, заставить всех платить налоги. И пчеловодов, и соеводов» (фермер, Амурская область).

Большинство этих сомнений так или иначе может быть интерпретировано в терминах определения прав собственности.

«Нам говорят, что большие компании и китайские, и корейские, ну и само собой московские, хотят на Дальний Восток. А я так думаю, что если хотят, то им нужна земля. А где она? У каких-то мелких фермеров, или вообще у бывших колхозников и у их детей. Они часто и сами не знают, где эта земля-то. Как-то ее там в паи оформили в 90-е и забыли. Или там у муниципалитета, какого-то сельского поселения… ну то есть у сельского поселения – это опять у бывших колхозников. Поэтому вся эта игра с гектаром позволит Москве приватизировать землю, опять обмануть обычных колхозников, как это было сделано в начале 1990-х с рабочими» (сельский житель, 60 лет, Амурская область. В ДВ-гектаре не принимал и не планирует принимать участие).

Где-то в глубинах этого дискурса скрывается идея о том, кто «на самом деле» должен владеть и кто владеет землей. Если в предыдущей цитате присутствует представление о справедливости владения землей «обычными колхозниками», то в следующей – что, не имея на то права, власти придерживают землю от передачи ее во владение (присваивая ее тем самым):

«Говоря о землях вокруг туристических зон, у моря или Пидана (самая высокая точка в Приморье – А.), надо понимать, что кадастровые карты очень низкого качества. И все это знают. Поэтому Вы находите участок, претендуете на него, а потом начинается – археологический объект у вас там, или охотничьи угодья, или еще что. Эта земля-то выгодная, но вам ее не отдадут, так как им жалко – вдруг где-то сгодится. И они выдумывают это все. (А кто они?) Власти, конечно. (Но в этом есть какой-то смысл?) А на всякий случай… не обязательно сразу оформят на себя – просто пока на всякий случай не давать. А там видно будет» (предприниматель, владелец туристской базы в поселке Приморского края, в ДВ-гектаре не планировал и не планирует принимать участие).

Несмотря на народный и экспертный скепсис и недоверие, сервис «Надальнийвосток.рф» зарегистрировал более 104 тысяч заявителей по состоянию на начало ноября 2017 г. Лишь около 30% заявок было удовлетворено – около 30 тыс. людей завершили все формальности и получили гектар. За последние три месяца, пока готовилась эта статья, ситуация почти не изменилась – количество поданных заявок выросло на 3 тысячи, но количество удовлетворенных осталось почти без изменений **[8]**. Стабильно невысокий процент удовлетворенных заявок говорит о том, что несмотря на обещания властей, им не удалось выстроить быстрых и простых процедур применения закона.

***Кейс 1 «подводные камни»**. Э., жительница Владивостока, родилась и выросла в Кировском районе. ДВ-гектаром не интересовалась до тех пор, пока не увидела, как активно друг мужа занимается формированием участка под туристическую базу вблизи прибрежной зоны Хасанского района, привлекая для этого всех возможных родственников из разных регионов России. Э. и ее муж, вдохновленные примером, решили подать две индивидуальные заявки с такой же целью создания небольшого туристического бизнеса в Славянке. Вначале долго пытались сформировать заявку, справившись с этой задачей 02 февраля 2017. После ждали ответа – дольше предполагаемого месяца. Заявку вернули 10 апреля с урезанным участком и просьбой подтверждения/ отклонения новых границ. Объяснили ситуацию тем, что границы участка пересеклись с муниципальной землей. Э. подтвердила изменение, хотя площадь участка сократилась почти вдвое. 17 мая пришло сообщение об отказе по обоим участкам, т.к. заявленная земля относится к охотничьим угодьям. Вместе с отказом поступило предложение ознакомиться с границами охотничьих угодий на сайте Администрации Приморского края. Э: «это всё с какими-то подводными камнями, если честно… Причём мы, когда брали, мы же брали в феврале, и перед нами участочек, там видимо была коллективная заявка, прям такой хороший, уже красным цветом выделен участок, то есть людям его уже дали. А нам почему-то не дали». Вторично заявку не подавали.*

Пересечение границ участка с муниципальной землей, уточнение муниципалитетами ранее не определенных границ участков и последующий отказ муниципалитета дать землю – одна из наиболее часто работающих «моделей». В результате этого заявители получают практическое подтверждение своим сомнениям в том, что программой заложены не те механизмы, которые официально провозглашаются.

***Кейс 2 «экономический закон»**. Житель Владивостока И. владеет земельным участком в одном из посёлков Приморского края, где он и его семья возделывают огород. Бесхозный участок земли неподалеку от своего хозяйства И. приметил давно. Имея соответствующий опыт, И. задумался о коммерческом проекте выращивания жимолости. Узнав о проекте ДВ-гектар, он решил подать коллективную (семейную) заявку на заветный участок, хотя и относился к заявлениям властей с большим скепсисом. Дата подачи заявления – 10 января 2017 г.. На «борьбу с сайтом», где очень долго загружалась карта для выбора участка, ушло три дня. На подтверждение от каждого из членов коллектива еще пара дней. Далее заявление начало двигаться из администрации муниципалитета в Департамент земельных и имущественных отношений и обратно. И так три раза. 20 марта 2017 г. пришёл отказ, в котором было указано, что на испрашиваемый участок зарегистрировано право бессрочного пользования; правообладатель – администрация муниципалитета. После полученного ответа на запрашиваемом участке никаких изменений не произошло. Получив отказ, Игорь не пытался его оспорить или подать заявку повторно, так как считает, что «сработал экономический закон»: «олигархи (получат – А.) много гектаров на Дальнем Востоке… Это же закон такой экономический: крупное поедает мелкое. Как только появится много мелких собственников с гектаром, их всех скушает рыбка покрупнее. Генезис».*

Иначе говоря, программа ДВ-гектар ассоциируется с потенциальным захватом земли со стороны крупных собственников. Таким образом, на наш взгляд, срабатывают когнитивные модели, объясняющие и определяющие поведение людей. При этом захват – это не столько то, что осуждается, сколько то, что принимается нормальным «экономическим законом».

Кейс 3 «(без)рисковая инвестиция». *Е. – ныне жительница Москвы – родилась и выросла во Владивостоке, 11 лет назад переехала в столицу. Узнала о программе ДВ-гектар из СМИ. Сначала не поверила, что земля может быть бесплатной, но поработав с сайтом, найдя нужную информацию, решила поучаствовать в программе, так как, по ее словам «в принципе это ни к чему не обязывало». На участке планировала строительство летнего дома (дачи), т.к. ежегодно навещает родителей. Прежде чем оформить заявку, попросила их осмотреть участок. Заявка была подана в феврале 2017 г. Процедура заняла полдня. Участок находится вблизи населенного пункта, поэтому к нему есть дорога. Единственный минус – отсутствие непосредственного подъезда к участку, но Е. надеется мирно договориться с соседями, так как они «обязаны предоставить ей сервитут»* (то есть участница гектара уверена, что сможет «захватить» и имеет право на «захват» части земли под дорогу к своему участку – А.). *Заявление было предварительно согласовано и направлено в кадастровую палату, где выяснилось, что участок относится к охотничьим угодьям. «На мой взгляд, это …странно, потому что там вокруг одни дачи. И как этот мой маленький кусочек посередине отнёсся к угодьям?». Без особых сложностей дозвонившись до администрации муниципалитета, Е. получила информацию, что с 1 октября 2017 г. вступит в силу закон, который разрешит оформление охотничьих угодий по программе ДВ-гектар. Однако, на момент интервью (5 октября 2017 г.) изменений нет, заявка в «подвешенном» состоянии. Если заявку в итоге одобрят, Е. планирует тщательно изучить условия договора. При наличии сомнений в гарантированной передаче участка в собственность, семья не станет вкладывать свои средства в его разработку».*

Важно обратить внимание читателя на то, что мотивация участия людей в ДВ-гектаре не выглядит клиентелисткой в том смысле, что люди ожидают какой-то помощи со стороны властей. Наши собеседники, как правило, понимают, что земля потребует инвестиций труда, времени и денег. Пытая счастья в программе, люди не надеются на какую-то помощь государства.

«Я взял, у меня пчелы. Кто знает, что там дальше будет? Все приватизируют, раздадут… Хотя кому раздадут? Масса сообщений, что люди собираются строить дом на своих гектарах. Вот я очень слабо понимаю, о чем вообще говорят. Гектары должны располагаться в 10 километрах от райцентров, в 20 – от больших городов. Они не могут находиться внутри большинства «живых» населенных пунктов – районных центров. То есть дом надо строить где-то в полуброшенной деревне или там, где нет электричества, дороги, школы. А зачем такой дом? Или сколько он должен стоить, если к нему вести электричество, платить за все согласования… Или что это будет за дом? Сарай? Еще есть реклама, иначе и не назовешь, что власти помогут чем-то. Чем? Дадут три кубометра леса? Чтобы построить большой и хороший сарай в лесу без электричества и дороги?» (участник программы ДВ-гектар, пчеловод, Амурская область).

Этот респондент – как и многие другие люди, с которым мы общались – подчеркивает разрыв между тем, как уполномоченные структуры дискурсивно оформляют ДВ-гектар, и тем, что реально ими может быть сделано. Это наблюдение приводит нас к следующему заключению.

Рассматривая ДВ-гектар по существу, вряд ли кто-то опишет его в патерналистских терминах бесплатности или льготности: земельные участки в большинстве своем крайне удалены от общественных благ в виде больниц, школ, детских садов, а также минимально необходимой инфраструктуры в виде дорог, электро- и водоснабжения. Ведение бизнеса, да и просто выживание на подобных участках по сути является

квинтэссенцией даже не либерализма, а неолиберализма с его отказом от социальной защиты государством в пользу принятия экономическим агентом полной ответственности за свой бизнес / свою жизнь.

Сравнивая дискурсивное оформление ДВ-гектара с активным словарем периода либеральных реформ 1990-х можно заметить, как сильно изменились даже формальные термины, описывающие похожие практики передачи бывших государственных активов. Например, целью Закона о приватизации жилья (1991 г.) было «создание условий для осуществления права граждан *на свободный выбор* способа удовлетворения потребностей в жилище» **[5]**. Цель Закона о приватизации государственных и муниципальных предприятий (1991 г.) состояла в «преобразовании отношений собственности на средства производства … в целях создания эффективной, социально ориентированной *рыночной экономики*» **[6]**.

За тридцать лет эксперимента перехода к рынку, либеральная повестка, как и рыночные реформы вообще, попали в России под большой вопрос. Сомнения в правильности избранной модели развития продиктованы отнюдь не только политическими предпочтениями элит, но и неудовлетворенностью населения своим текущим и прогнозируемым положением. Понимая это, власти пытаются искать если не новую модель развития, то хотя бы новые технические решения и, что не менее важно – приемлемые слова (когнитивные схемы) для их описания. Отсюда и возникают термины «бесплатный», «социальный», и «льготный», оформляющие технические решения (такие как ДВ-гектар), в чем бы на самом деле эти решения не состояли.

Что, впрочем, действительно интригует в программе ДВ-гектар, так это то, что принимать полную ответственность гражданин, по мнению государства, должен не для получения права «*на свободный выбор* способа удовлетворения потребностей в жилище» (как во время приватизации жилья в начале 1990-х), не для получения «надельной земли» для ее дальнейшего экономического оборота (как во время «Столыпинской реформы» начала XX в.), не для получения «свободной земли для свободного фермера» (как во времена американского гомстеда XIX в.), но для «освоения дальневосточных территорий», то есть для решения государственных задач.

Не приходится подозревать, что «обычные люди» объясняют возможность получения прав собственности в рамках программы ДВ-гектар как освоение территории Дальнего Востока или тем более как заботу государства. Для них – это скорее возможность взять, захватить то, на что они «имеют право».

◆

Литература

1. Гектар под линеечку. О реализации «дальневосточного гектара» в Приморском крае // Деловое интернет-издание Дальнего Востока. 27 июня 2017. Интервью заместителя директора филиала ФГБУ «ФКП Росреестра» по Приморскому краю И. Дмитриенко. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zrpress.ru/society/primorje_27.06.2017_84107_gektar-pod-lineechku.html (дата обращения: 08.08.2017 г.).

2. Городок злостных нарушителей: депутаты обсудили «массовое самоуправство» на кольце 3-й Рабочей // PrimaMedia.ru [Электронный ресурс].

URL: http://www.newsvl.ru/vlad/2017/02/08/156277/#ixzz4xQYl82Uf (дата обращения: 20.10.2017 г.).

3. Грейф А. Институты и путь к современной экономике: уроки средневековой торговли М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 532 с.

4. Закон о дальневосточном гектаре // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Закон_о_дальневосточном_гектаре (дата обращения: 10.10.2017 г.).

5. Закон РФ от 04.07.1991 N 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/ (дата обращения: 10.10.2017 г.).

6. Закон РФ от 03.07.1991 N 1531-1 (ред. от 17.03.1997) «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97/ (дата обращения: 10.10.2017 г.).

7. Закон РФ от 01.05.2016 N 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант.ру [Электронный ресурс] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71288648/#ixzz4xYZrTVNB (дата обращения: 10.10.2017).

8. На Дальний Восток.рф [Электронный ресурс] URL: https://надальнийвосток.рф/ (дата обращения: 10.10.2017 г.).

9. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 480 с.

10. ОСАГО-городок на 3-й Рабочей во Владивостоке снесут // PrimaMedia.ru [Электронный ресурс]. URL: http://primamedia.ru/news/563809/ (дата обращения: 20.10.2017 г.).

11. Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков в Дальневосточном федеральном округе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // Государственная дума. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement (дата обращения: 10.10.2017 г.).

12. Рыжова Н.П. Земля и власть: различия в подходах к исследованию собственности (случай неформального землепользования китайских фермеров) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 5(76). С. 7–35.

13. Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // American Economic Review, 2001, 91(5). Pp. 1369–1401.

14. Barro R. Determinants of economic growth: A cross-country empirical study. NBER Working Paper 5698. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research, 1996. 118 p.

15. Besley T. and Ghatak M. Property rights and economic development // Handbook of Development Economics, 1st ed. Ed. by D. Rodrik and M. Rosenzweig. Elsevier, 2009. Pp. 4525–4595.

16. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth, 2004, 9(3). Pp. 271–303.

17. Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: An Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // Journal of Political Economy. 1994. 102:5. Pp. 912–950.

18. Greif A., Milgrom P., Weingast B. Coordination, Commitment and Enforcement: the Case of the Merchant Guild // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. P. 745–776.

19. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. 2003. Vol. 1. Münster: LITVERLAG. Pp. 1–41.

20. Macfarlane A. The mystery of property: inheritance and industrialization in England and Japan // Property Relations. Ed. by C.M. Hann. University of Kent at Canterbury. 1998. Pp. 104–123.

21. McArthur J. W., Sachs J. D. Institutions and geography: comment on Acemoglu, Johnson and Robinson (2000). NBER Working Paper No. W8114. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research. 2001. 24 P.

22. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. UK: Cambridge University Press, 1990. 164 p.

23. Fogel R. W. The Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100: Europe, America, and the Third World. New York: Cambridge University Press, 2004. 195 p.

24. Rodrik D. What Produces Economic Success? // Economic Growth with Equity: Challenges for Latin America. Ed. by R. Ffrench-Davis and J. L. Machinea. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 27–43.

25. Schmid A. An Institutional Economics Perspective on Economic Growth. Michigan State University Paper, 2006. 25 p.

26. Verdery K. The vanishing hectare: property and value in postsocialist Transylvania. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 426 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gektar pod lineechku. O realizatsii «dal'nevostochnogo gektara» v Primorskom krae // Delovoe internet-izdanie Dal'nego Vostoka. 27 iyunya 2017. Interv'yu zamestitelya direktora filiala FGBU «FKP Rosreestra» po Primorskomu krayu I. Dmitrienko. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.zrpress.ru/society/primorje_27.06.2017_84107_gektar-pod-lineechku.html (data obrashheniya: 08.08.2017 g.).

2. Gorodok zlostnykh narushitelej: deputaty obsudili «massovoe samoupravstvo» na kol'tse 3-j Rabochej // PrimaMedia.ru [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.newsvl.ru/vlad/2017/02/08/156277/#ixzz4xQYl82Uf (data obrashheniya: 20.10.2017 g.).

3. Grejf A. Instituty i put' k sovremennoj ehkonomike: uroki srednevekovoj torgovli M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2013. 532 s.

4. Zakon o dal'nevostochnom gektare // Vikipediya. Svobodnaya ehntsiklopediya [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Zakon_o_dal'nevostochnom_gektare (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

5. Zakon RF ot 04.07.1991 N 1541-1 «O privatizatsii zhilishhnogo fonda v Rossijskoj Federatsii» // Konsul'tantPlyus [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100/ (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

6. Zakon RF ot 03.07.1991 N 1531-1 (red. ot 17.03.1997) «O privatizatsii gosudarstvennykh i munitsipal'nykh predpriyatij v Rossijskoj Federatsii» // Konsul'tantPlyus [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97/ (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

7. Zakon RF ot 01.05.2016 N 119-FZ «Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov, nakhodyashhikhsya v gosudarstvennoj ili munitsipal'noj sobstvennosti i raspolozhennykh na territoriyakh sub"ektov Rossijskoj Federatsii, vkhodyashhikh v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii» // Garant.ru [Ehlektronnyj resurs] URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71288648/#ixzz4xYZrTVNB (data obrashheniya: 10.10.2017).

8. Na Dal'nij Vostok.rf [Ehlektronnyj resurs] URL: https://nadal'nijvostok.rf/ (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

9. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoj istorii chelovechestva / Per. s angl. D. Uzlanera, M. Markova, D. Raskova, A. Raskovoj. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2011. 480 s.

10. OSAGO-gorodok na 3-j Rabochej vo Vladivostoke snesut // PrimaMedia.ru [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://primamedia.ru/news/563809/ (data obrashheniya: 20.10.2017 g.).

11. Poyasnitel'naya zapiska k proektu federal'nogo zakona «Ob osobennostyakh predostavleniya grazhdanam zemel'nykh uchastkov v Dal'nevostochnom federal'nom okruge i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii // Gosudarstvennaya duma. Ofitsial'nyj sajt [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://asozd.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.nsf/ByID/367B63E4012D432543257F010045C330/$File/DOC_20151118145321.pdf?OpenElement (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

12. Ryzhova N.P. Zemlya i vlast': razlichiya v podkhodakh k issledovaniyu sobstvennosti (sluchaj neformal'nogo zemlepol'zovaniya kitajskikh fermerov) // ZHurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii. 2014. T. XVII. № 5(76). S. 7–35.

13. Acemoglu D., Johnson S. and Robinson J. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // American Economic Review, 2001, 91(5). Pp. 1369–1401.

14. Barro R. Determinants of economic growth: A cross-country empirical study. NBER Working Paper 5698. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research, 1996. 118 p.

15. Besley T. and Ghatak M. Property rights and economic development // Handbook of Development Economics, 1st ed. Ed. by D. Rodrik and M. Rosenzweig. Elsevier, 2009. Pp. 4525–4595.

16. Glaeser E.L., La Porta R., Lopez-de-Silanes F. and Shleifer A. Do Institutions Cause Growth? // Journal of Economic Growth, 2004, 9(3). Pp. 271–303.

17. Greif A. Cultural Beliefs and the Organization of Society: An Historical and Theoretical Reflection on Collectivist and Individualist Societies // Journal of Political Economy. 1994. 102:5. Pp. 912–950.

18. Greif A., Milgrom R., Weingast V. Coordination, Commitment and Enforcement: the Case of the Merchant Guild // Journal of Political Economy. 1994. Vol. 102. P. 745–776.

19. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. 2003. Vol. 1. Münster: LITVERLAG. Pp. 1–41.

20. Macfarlane A. The mystery of property: inheritance and industrialization in England and Japan // Property Relations. Ed. by C.M. Hann. University of Kent at Canterbury. 1998. Pp. 104–123.

21. McArthur J. W., Sachs J. D. Institutions and geography: comment on Acemoglu, Johnson and Robinson (2000). NBER Working Paper No. W8114. Cambridge MA: National Bureau of Economic Research. 2001. 24 P.

22. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. UK: Cambridge University Press, 1990. 164 p.

23. Fogel R. W. The Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100: Europe, America, and the Third World. New York: Cambridge University Press, 2004. 195 p.

24. Rodrik D. What Produces Economic Success? // Economic Growth with Equity: Challenges for Latin America. Ed. by R. Ffrench-Davis and J. L. Machinea. London: Palgrave Macmillan, 2007. Pp. 27–43.

25. Schmid A. An Institutional Economics Perspective on Economic Growth. Michigan State University Paper, 2006. 25 p.

26. Verdery K. The vanishing hectare: property and value in postsocialist Transylvania. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. 426 p.

УДК 303.01
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/55-67

«Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?

«Colonization» and/or «development»: what should we do with the terminology surplus?

В сентябре и октябре 2017 г. в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) и в Институте экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) прошёл круглый стол на тему ««Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?», объединивший историков и экономистов в обсуждении проблемы уточнения значимых для нас понятий.

Заседание 29 сентября в Дальневосточном федеральном университете

Барбенко: Здравствуйте, коллеги! Поскольку мы уже опубликовали собственные позиции **[3]**, я предлагаю сразу высказываться по существу вопроса. У нас есть две основных проблемы: во-первых, «видите ли Вы смысл в разделении этих двух понятий?» и «как можно квалифицировать явления как колонизационные и освоенческие?». Исследовательская практика подтолкнула меня к необходимости решить поставленные вопросы. Мы используем два разных слова для обозначения, как мне кажется, одного и того же явления. Возникает вопрос: а в самом ли деле это синонимы? Я считаю, что нам надо уточнять свой исследовательский язык; сейчас мы можем сделать заявку (понятно, что мы не решим этот вопрос в одночасье) на уточнение понятий. Речь идёт не о

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры политологии ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** prohist@ya.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович, к.э.н., зам. директора по науке ИЭИ ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** alex.goryunov@gmail.com

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д.геогр.н., ИЭИ ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru

ЗАКОЛОДНАЯ Анна Сергеевна, младший научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** zakolodnay@mail.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна, к.и.н., научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** tupa67@mail.ru

КОНДРАТЕНКО Галина Викторовна, младший научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** gala103@ya.ru

МИНАКИР Павел Александрович, д.э.н., академик РАН, научный руководитель ИЭИ ДВО РАН *(г. Хабаровск)*. **E-mail:** minakir@ecrin.ru

НАЗАРОВА Яна Викторовна, аспирант департамента истории ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** moroz67@inbox.ru

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна, к.филол.н., ведущий научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** lefet@yandex.ru

памятниках истории, которые мы должны любить и ухаживать за ними, это наш инструментарий, который должен быть эффективным.

К своим доводам добавлю ещё один: осмысление русскими переселенцами земли как «своей», как части России. Существуют свидетельства того, что до революции в Приамурском крае этого не было. Даже переселенцы, приезжавшие сюда навсегда, говорили: Россия там осталась, а здесь что-то другое, мы Россию сделаем здесь, но ещё не сделали. Это значит, что ситуации освоения ещё нет, а колонизация случилась: мы здесь, мы это одно, Россия это одно, а Амур это другое. Это то, о чём говорил Эткинд: нет дистанции, нет колониальной ситуации. Есть дистанция, дистанция в хозяйственной деятельности, дистанция в восприятии. Именно таким образом и можно обнаружить явление освоения и явление колонизации – это наличие/отсутствие той самой дистанции, которая в немалой степени может быть обнаружена по результатам деятельности, по эффективности этой деятельности. Освоение может быть уподоблено сотрудничеству, взаимности процесса, что нельзя сделать в отношении колонизации. Понятие же пионерного освоения, которое может быть связано со степенью взаимодействия со средой, со степенью погружения в среду, отчасти покрывает определение колонизации, которое я развиваю.

Назарова: Я считаю, что «освоение» это экономическое явление, а «колонизация» политическое. Я буду говорить о Северо-Востоке, об охотском побережье, куда во второй половине XIX в. была направлена, как ни смешно, крестьянская колонизация. В совсем маленькие городки, например Таватом в районе Гижиги, отправляли крестьян. Ни о какой крестьянской колонизации там речи не шло: казаки вынуждены были поддерживать это население, чтобы потом его обратно куда-то увезли. Часть людей осталась, но фактически крестьянской колонизации не было, зато пошли служебные отчёты: крестьянская колонизация отрегулирована и на побережье Охотского моря. Вы рассказываете об относительно более поздних периодах, а «пионерное освоение», о котором вы говорите, это всё-таки XVII–XVIII века, потому что первый наплыв произошёл ещё до присоединения Амура, и именно тогда возникали бурные протесты против колонизации, вспомним войны Павлуцкого, русско-корякские войны. Появление казаков, которые шли как представители администрации, вело к объясачиванию аборигенов.

Фетисова: «Завоевание Сибири», «покорение Кавказа» – эта терминология в своё время была совершенно естественной, и я согласна с только что высказанной мыслью: надо разграничивать этапы. В чём наша проблема: мы всё время как будто оправдываемся, а ведь это мировой процесс. Можно подумать, что переселение «белого человека» в Австралию, в нынешнюю Латинскую Америку, в Северную носило иной характер.

Назарова: Сколько изменили войны Павлуцкого – они изменили политику христианизации, политику объясачивания при Екатерине II. Власть пыталась не усугублять отношения с местными племенами. Эвенки, которые закрепились на охотском побережье пришли вместе с русскими: с кем-то мы находили общий язык. Были выступления в основном корякские, позже коряки откочевали от охотского побережья. Но когда отношения были налажены, именно коряки спасали положение: при недоходе рыбы они подгоняли оленей и снабжали всех, кто не мог охотиться. Но им очень мешал ясак, и этот ясак на себя брали именно эвены: у них была возможность охотиться, а не гонять стада. Взаимоотношение было найдено.

Ковалевская: Яна Викторовна привела яркие иллюстрации того понимания колонизации, которое сейчас сформулировал Андрей Голов-

нёв в своей новой книге **[1]**. Он рассматривает колонизацию на начальном этапе как биологический процесс, это расширение человека как вида по лицу земли. В дальнейшем этот процесс приобретает социальные и культурные формы, то есть человечество, зародившись в Африке, колонизировало все прочие континенты. Можно выделить несколько волн колонизации: когда-то из Африки была заселена Европа, Азия и так далее; впоследствии европейцы, размножившись и усвоив новые технологии, повторно колонизировали Африку, Азию и прочие земли. Россия в XVII–XIX веках приходила на новые территории в поисках ресурсов. И если вы говорите о земледельческом ресурсе, что он использовался недостаточной хорошо и эффективно: зато другой ресурс был найден, более выгодный, это вариант адаптации. Крестьяне переключились на иные формы эксплуатации этой земли, на другие колонизационные практики. Пушнина, ясак – это был важнейший ресурс развития России на определённом этапе, это была валюта, Московское государство выросло на этой основе, получило международное признание. Сейчас мы видим реколонизацию Европы выходцами из Африки, Азии. Колонизация может протекать как в виде военного завоевания, так и в виде некоего симбиоза, доминирования. Освоение – это адаптация, колонизация – это территориальное расширение, а адаптация – это форма использования этой новой территории. А пионерное освоение... Непонятно, что есть это пионерное освоение: часть освоения или часть колонизации, потому что мы сейчас видим: на многих территориях России произошло «реосовение», например, Сахалин, за исключением Южно-Сахалинска, или Север, Магаданская область. За исключением девяти или двенадцати крупных городов на остальной территория России происходит запустение.

Фетисова: Либо просто происходит эксплуатация ресурса без постоянного населения, это тоже освоение. Поскольку Россия – страна крестьянская, то тезис приоритета аграрного освоения долгое время работал как политический. Крестьянин очень консервативен, и даже не потому, что на Дальнем Востоке плохие природные условия, они здесь другие. В старых учебниках встречается такая фраза: «Амурская область – житница Дальнего Востока»; регион с не самым благоприятным климатом, но действительно там много зерна производилось. Как писал в своё время Кириллов (один из Кирилловых, старший), «Благовещенск – молоканский город». По мысли молокан, труд — тяжкое благо, работать много, деньги зарабатывать – не стыдно. Традиционное же крестьянское мышление настаивает на определённой самодостаточности, они не торгуют, а у молокан совершенно буржуазный взгляд. Они кормили область с очень неблагоприятными условиями. Что писал Крашенинников о Камчатке: служки монастырские всё выращивают там, у крестьянина ничего не растёт. Потому что здесь всё другое. Анна Сергеевна знает, как [в Приамурском генерал-губернаторстве] пытались внедрить грядковый посев. Унтербергер обещал дополнительные выплаты крестьянам, чтобы они перенимали опыт у китайцев. Но наш крестьянин у китайца с корейцем учиться не будет. Выход нашёлся — о чём вы говорили, они сдают в субаренду: кореец поставил шалаш и всё вырастил.

Заколодная: По сути, мы имеем дело со способом освоения: переселенцы увидели, что их способы не работают, а работают другие. Действительно, многие регионы, такие как Нижний Амур, были не для выращивания зерновых культур, даже по официальным документам там надо развивать рыболовство, крестьяне переориентировались, а власть была только рада.

Назарова: Я вернусь к охотскому побережью: русские настолько быстро приспособились к аборигенской технике заготовки рыбы, к квашению, изготовлению юколы, то есть без использования соли, что соляной завод, специально организованный для промысловиков, даже при поддержке государства, был разорён. И уже когда сюда стали приезжать после войны 1904–1905 гг. японцы заготавливать рыбу, русские промышленники стали переходить на японский способ засолки рыбы. Местное же население, которое брало в аренду рыболовные участки, сохраняло традиционные способы заготовки.

Кондратенко: Мы почему-то рассматриваем колонизацию и освоение как линейный процесс: сначала идёт колонизация, потом пионерное освоение, потом, допустим, коренное освоение, а дальше может быть реколониация или дальнейшее освоение. А ведь та же Манчьжурия даёт хороший обратный пример. Маньчжуры, которые завоевали Китай в начале XVII в., законсервировали Маньчжурию, китайцев туда не пускали. Конечно, там были беглые, но освоение Маньчжурии, или колонизация, начинается с середины XIX в., причём не китайцами – начинается освоение с англичан, с русских, и для русских, и для англичан это колонизация, а для маньчжуров и для китайцев это освоение. Они воспринимают новые формы хозяйствования, они перенимают какие-то новые методы. Может быть, для коренных народов это освоение, а для русских – колонизация, развитие, получение новых методов существования, новых способов производства, получения новых ресурсов.

Ковалевская: Это плюсы колонизации, которые аборигены могут получить от пришельцев, своеобразный симбиоз, о котором мы говорили.

Заколодная: Мы не делим эти понятия, до сих пор мы используем эти термины как синонимы.

Фетисова: Мы от термина «колонизация» в своё время отказались исключительно из политических соображений, это было очень заметно, поскольку «они» были колонизаторами, а у нас дружба народов.

Назарова: Если убрать политическую оценку, их свободно можно использовать, например, освоение какой-либо земли после того, как мы на ней закрепились политически.

Фетисова: Надо помнить о том, что есть понятия «колонизатора» и «колониста», один пришёл, чтобы взять здесь ресурс для метрополии, а другой пришёл, чтобы навеки поселиться и превратить это во вторую родину; это чёткое представление, что это вторая родина, первая всё равно осталась там.

Барбенко: Но она же должна стать родиной, как только данная земля стала родиной, колонизация и заканчивается.

Фетисова: Это мы оцениваем с позиции, так сказать, колониста, а если мы посмотрим с позиции людей, которые жили до русских, то мы по сей день проблему не решили.

Заколодная: Миграция населения происходит постоянно. Я, например, перееду в Петербург и не буду его сразу своей родиной воспринимать.

Ковалевская: Внутренняя колонизация существует между центром и провинцией, например. Метрополия, Москва, как ей кажется, осваивает ресурсы провинции – москвичи продвинутые, креативные, у них есть деньги. Провинциалам же часто кажется, что это именно колониализм, что их эксплуатируют, что с ними не считаются, что ресурс изымают безвозмездно, что они теряют в правах. Метрополия, естественно, с этим не согласится. Это тоже конфликт, это тоже дистанция, и культурная дистанция. И наоборот: Москва и другие крупные города России полны провинциалами, которые считают, что они в своём праве, они приехали работать, но жители данного города как метрополии видят в них

«понаехавших», тех, кто на всё готовое пришёл. Процесс колонизации продолжается, и в любом случае есть этот процесс пионерного освоения; даже если вы приехали из России в Америку, первый период адаптации представляет собой проблему. Это взаимный процесс. Вы говорите, что если меняются, значит – это освоение? По сути, они меняются сами и меняют среду, это взаимный процесс.

Барбенко: Вот именно, как только «разница потенциалов» исчезнет, тогда мы и можем говорить, что начинается освоение. Мы можем культивировать эту разницу, тогда она не исчезнет.

Ковалевская: Социальная среда иногда меняется сама: произошла перестройка, всё изменилось, ты остался на месте, никуда не ехал, социальная ситуация вокруг тебя изменилось, и опять возникла эта «разница потенциалов».

Фетисова: В новой ситуации идёт процесс адаптации, кто-то успешно адаптируется, кто-то нет.

Барбенко: И через понятие адаптации можно обнаружить колонизацию: там, где эта адаптация есть, там можно искать следы колонизации. Ведь адаптация почему возникает? Из-за разницы. Вот я куда-то приехал, а чувствую себя своим, и меня так оценивают. Фактически я «понаехал», но это не ощущается.

Заколодная: Это зависит от восприятия в разных странах. В Америке, например, это норма жизни – быть «понаехавшим», для нас это не так.

Кондратенко: Для России характерно использование фридмановских «факторов первой природы», когда мы эксплуатируем природные ресурсы и для нас люди не имеют большой ценности; когда ценятся «факторы второй природы», когда ценится то, что изменяется с помощью труда человека, формируется т. н. человеческий капитал. Сейчас ВЭФ говорит о том, что следующим этапом будет не капитализм, а то, что они называют «талантантизмом». Почему есть смысл говорить о колониализме: мы используем природные ресурсы. Если бы мы использовали деятельность людей, это было бы ближе к освоению.

Барбенко: Что же мы имеем сейчас? Получается, что рано разводить обсуждаемые понятия?

Фетисова: Надо учитывать научную традицию. Все понимают, о чём идёт речь. Хотя термины разные, все понимают, к какому периоду это относится.

Ковалевская: То, что термин один, а смысл его дрейфует при переходе, например, от XVII в. к XIX, от XIX к первой половине XX и к настоящему времени, это совершенно очевидно. То, что называл колонизацией Ключевский, говоря, что история России это история колонизации, было позитивно с его точки зрения; а то, что сегодня говорит Эткинд: история России – это история колонизации, это совсем другая колонизация. Смысл дрейфует в зависимости от политической ситуации и даже от позиции автора, как его можно отграничить?

Назарова: Занимаясь исследованиями освоения охотского побережья, я для себя разграничила колонизацию как продвижение по территории, а освоение начинается тогда, когда русские закрепились на этой территории. На охотском побережье в XIX в. была практика демонстрации иностранцам многочисленности населения, но населения не было, эту территорию просто держали, а осваивать не было сил.

Барбенко: Совершенно верно, я согласен: держим, закрепились. Любая практика: сначала ты должен закрепиться, а потом уже развиваться, вот это и есть граница между колонизацией и освоением. В Уссурийском крае до определённого времени параллельно с русской администрацией существовала ещё и маньчжурская, т. е. русские даже в

политическом отношении только колонизовали, только закрепились, но порядки свои они сюда внедрить ещё толком не могут. В разных сферах колонизация и освоение могут быть рассинхронизированы: в политическом и административном отношениях мы можем освоить некоторую территорию: все признают за нами право на неё и никто не будет притязать, а в хозяйственном мы не можем получить достаточного количества продукта, чтобы удовлетворить собственные потребности, особенно если это связано не с банальным присвоением, а с переработкой.

Ковалевская: Китайцы, которые имели здесь автономное от русской администрации самоуправление – получается, что они освоили эту территорию, но политического доминирования у них не получилось.

Фетисова: В демографическом отношении это было преимущественно мужское население, и мечтой многих китайцев здесь было получить много денег и вернуться на родину. Мы не забываем о каких-то культурных, политических моментах. Конечно, термин «освоение» благороднее, благозвучнее.

Ковалевская: До революции слово «завоевание» не было ругательным, считалось признаком цветущей прогрессивной державы. Давайте признаем, что выбор термина ситуативен и зависит от целей исследования, от периода.

Барбенко: Как мы можем зависеть от ситуации, от периода, если нам нужно найти имя для явления? Если мы используем разные термины, значит за ними стоят разные понятия, несмотря на период. Ведь именно называя одно явление разными именами, мы создаём предпосылку для его политизации.

Хорошо, коллеги, позвольте поставить точку в нашем разговоре, спасибо за содержательный и интересный разговор!

Заседание 30 октября в Институте экономических исследований ДВО РАН

Демьяненко: На сайте журнала «Ойкумена» есть материалы **[3]**, которые уже обсуждались во Владивостоке, предметом обсуждения были два понятия: «колонизация» и «освоение». В материалах, который был разослан, было введение и несколько текстов. Мы будем обсуждать то, что относится к задачам родного института, в этой части мы и хотим разобраться, что такое колонизация и что такое хозяйственное освоение. Предоставляем слово уважаемому Ярославу Александровичу.

Барбенко: Здравствуйте, коллеги! Собственно, в чём интрига ситуации вокруг понятий «колонизация» и «освоение» – очень много примеров и в исторической, и в географической литературе, в которых эти термины используются как синонимы. В результате можно использовать этот избыток терминологии для того, чтобы, разделив объёмы этих понятий, уточнить их и обогатить наш инструментарий. В речи Александра Николаевича я услышал словосочетание «хозяйственное освоение», я думаю, что есть смысл говорить о собственно «колонизации» и собственно «освоении». Соблюдение этого условия позволит нам более плодотворно поработать, потому что «хозяйственное освоение» даже по своей форме понятие более узкое, более специализированное, чем понятие «колонизация». Вопрос, который выносится на обсуждение: оправданность разделения понятий «колонизация» и «освоение».

Демьяненко: То есть это синонимы или концептуально разные вещи?

Барбенко: Да, либо мы оставляем наш научный инструментарий на уровне русского литературного языка, либо стремимся оптимизировать наши познавательные средства. Ведь точность наших методов, точность наших инструментов скажется потом на точности наших результа-

тов. Если вы считаете, что разделение этих понятий оправдано, то какие вы видите способы квалификации явлений как колонизационных и освоенческих. Что касается моей позиции, то я этот вопрос рассматривал на опыте крестьян-переселенцев в Приамурье.

Демьяненко: Что касается социальных различий: приехавшие из коренной, скажем, России в Приморский край переселенцы попадали в ту же самую социальную среду или же здесь была другая социальная среда? Факт наличия китайцев, приехавших в Россию, играл свою роль или есть что-то ещё? В коренной России, как правило, это было общинное землепользование, совместное, либо, реже, это было подворное землепользование. Приезжая сюда, переселенец попадал в те же социальные условия или условия были другие? Была ли на Дальнем Востоке та самая крестьянская община, создававшая ту самую социальную оболочку, в которой развивалось хозяйство, или же это было иное качество?

Барбенко: Община была. Земли было достаточно, поэтому в переделах не было необходимости. Здесь общины нужны были, пожалуй, как средство распространения людей. Население распределялось гнёздами, на определённом расстоянии друг от друга. По крайней мере, так планировалось и где-то так получалось. Можно сказать, что здесь община несла другие функции.

Демьяненко: У меня сомнения в том, что здесь была другая община.

Барбенко: Мы сейчас можем говорить, наверное, об этом, я просто не знаю, что крестьяне об этом думали и как они это видели. По крайней мере, сам по себе институт коллективности существовал и в этом смысле, выезжая из общин, крестьяне попадали в общину.

Демьяненко: Институт земельной общины в коренной России строился на принципе круговой поруки, более того, он законодательно не закреплялся никак, считалось, что мир сам разберётся, как надо правильно осуществлять подати и переделы – главные две вещи, правильно? Вот, опять, оболочка, такая, как крестьянский мир, у нас вроде бы есть на Дальнем Востоке, но переделами он не занимается, потому что нечего делить, так как земли хватало, а с податями принципа круговой поруки просто не было? То есть вроде бы оболочка та же самая, по словам, а на самом деле она выполняла другие функции. Я к чему подвожу разговор: колонизации и освоение вроде бы одно и тоже.

Барбенко: На опыте старообрядцев мы можем явно видеть сознательное отношение хозяев к особенностям природной среды и целенаправленное использование этих особенностей. Иначе говоря, дистанция, разрыв между способом хозяйствования переселенцев и условиями хозяйствования зримо сокращается. Если партия переселенцев, пришедшая в Бельцово в 1884 г., это были колонисты, которые шли по сценарию колонизации, т. е. существовал конфликт между их знаниями и состоянием среды. Старообрядцы, которые в 1886 г. сюда пришли, дистанцию сократили, преодолели конфликт, и это уже может быть не вполне ситуация колонизации. Существует и альтернатива колонизации – освоение. На мой взгляд, географы наиболее развили понятие освоения с подачи понятия хозяйственного освоения. «Освоение» трактуется как одностороннее взаимодействие, т. е. это воздействие человека на территорию, в то время как понимание колонизации, которое я развиваю, предполагает взаимность – воздействие человека на территорию и воздействие территории на человека. И мы видим, что в ситуации старообрядцев здесь уже как бы игра, взаимная, т. е. среда делает ход (разливы рек), старообрядцы тоже ход (да, разливы, но ведь не каждый год, а условия для земледелия здесь хороши).

Демьяненко: Есть другой способ, его показали корейцы в Хабаровском крае, когда они в село Амба (Кутузовка) заселились, то у них было то же самое: у первых переселенцев смыло урожай. Они не ушли и не стали переселяться, они построили дамбу в 1,6 версты и 3 метра в высоту, и больше у них не было никогда наводнений. По-моему, дамба до сих пор существует. Можно плевать на риски раз в 15 лет, а можно парировать риски таким вот образом. Дело в том, что корейцы в отличие от русских уже знали, как бороться с наводнением, может быть, поэтому.

Барбенко: Одно дело, когда топит заросшее русское поле: урожай попортит, но испортит ли землю, это большой вопрос; корейское же поле, рыхлое, вручную перебранное, вода смывает легко. Разная степень интенсивности взаимодействия со средой у корейцев и у русских: корейцы в рамках своего хозяйства, огородного по факту, гораздо сильнее на почву воздействовали, смыв этой почвы являлся катастрофой, в этом смысле русские могли рискнуть, те же старообрядцы, но это просто портит урожай, а не поле как таковое.

Минакир: Кроме различия терминов, что ещё существенно для понимания?

Демьяненко: Наверное, первым, кто всерьёз рассматривал колонизацию как самостоятельный объект исследования, был Леруа-Болье, его формулировка и концепция звучит примерно так: «Колонизация, бесспорно, входит в сферу социальных явлений, это весьма сложная функция обществ, достигших весьма высокой степени цивилизации, иначе говоря, не каждое общество может осуществлять колонизационный процесс, а только достигнув определённого уровня. Общество основывает колонию, когда достигнув высокой степени зрелости и силы, оно выделяет из своих недр новое богатство, покровительствует ему, окружает его лучшими условиями для развития и ведёт его к возмужалости» **[2]**. Это 1887 г.

Минакир: «Капитал» Маркса он к этому времени ещё не успел прочитать, а жаль. Я сильно подозреваю, что и Маркс, и этот господин француз имели в виду несколько иную колонизацию, не ту, о которой мы говорили.

Демьяненко: Понятие колонизации, её концепция эволюционировали. У Ключевского есть бессмертная фраза, которую мы зачастую не хотим анализировать: «История России, есть история страны, которая колонизируется, область колонизации в ней расширяется вместе с государством и его территорией». Вот здесь очень важный момент, колонизация, в отличие от простого вольнонародного переселения, всегда предполагает наличие государства. То есть это процесс, который имеет не только экономическую составляющую. Это 1909 г. Я в данном случае опираюсь на бессмертные слова Шумпетера: «Когда нет чего-то готового, обращайся к истории». На каком-то этапе само слово «колонизация» приобрело в наших советских условиях совершенно негативную коннотацию.

Горюнов: Это произошло гораздо раньше, первое разделение «колонизации» и «освоения» произошло после американской революции. После войны за независимость колонии исчезли, и движение на запад было не колонизацией, и колонистами они себя не называли. «Колонисты» – это те, кто приехал в первые волны на восточное побережье. А «переселенцы» занимались освоением этих территорий, и о колониях в этих случаях речь уже не шла, для них колония была вселенским злом.

Минакир: Позиция колонизации есть продвижение институтов на территорию. Александр Павлович говорит про американцев, они не институты создавали на этой территории, они уже приезжали осваивать территорию, имея институты как инструмент. То же самое с Дальним

Востоком, на этих территориях, которые осваивались, как правило, свои институты уже существовали. Коренных американцев просто уничтожали, но другая история была, скажем, в Индии: наличие людей означало, что там существовали уже институты, институты качественно другие. Те институты не могли быть использованы для освоения и для развития в смысле колонистов. Они должны были привнести свои институты, вот в их случае колонизация как раз была продвижением или насаждением институтов. А вот я пытаюсь понять: здесь, на Дальнем Востоке, здесь же ничего не было.

Демьяненко: С момента присоединения Приморья и Приамурья происходит процесс перенесения сюда институтов, сформулированных ещё в «Сибирском учреждении» Сперанского. Это т. н. Закон об инородцах 1822 г. Сложились две группы институтов – одни институты для инородцев, другие для всех остальных. Закон об инородцах без существенных изменений просуществовал до советской власти; он предполагал закрепление за аборигенами территорий, на которых они могли вести своё хозяйство. А это и есть институт, т. е. это целый набор правил, которыми руководствовалась власть в отношении этой группы населения. У Сперанского инородцы разделены на три группы – оседлые, полукочевые и кочевые. Каждой из них был предписан соответствующий набор правил, и никто из местной администрации не имел право это нарушить.

Минакир: Но это существует до сих пор. До сих пор для малых народностей на Амуре существуют особые правила рыболовства. Все имеют одну квоту, а эти другую.

Горюнов: Существенное различие в том, что под резервационным понятием местной аборигенской публики предоставлялась их земля, на которой она (резервация) находится. Это их территория…

Минакир: Колонизация, следовательно, заключается в том, что новые люди пришли со своими институтами, которые вытеснили существовавшие, территориально локализовали, приспособили. У меня возникло впечатление, когда я слушал, что речь идёт о том, что сначала колонизация, а потом освоение.

Барбенко: Колонизация подразумевает чётко фиксируемую разницу, причём даже автофиксируемую разницу в положении сторон, т. е. «мы колонизаторы, вы – колонизируемые». То есть мы пришли из России, а здесь ещё не Россия, здесь Амур. И вот до тех пор пока Амур не стал Россией, эта ситуация колониальная. И получается, что Амур, грубо говоря, обрусел, и уже нет колонизации, мы уже можем говорить об освоении. Аборигены изначально находились в исключительном режиме инородцев, а потом у них остался только режим рыболовства.

Минакир: Существует какая-то смысловая разница, содержательная разница в том, назовём мы это колонизацией или назовём это освоением. Существует разница в самом процессе?

Демьяненко: Существуют два варианта исхода колонизации как некого социального явления – это вариант греческой колонизации и римской. В первом случае автономно воспроизводился и сохранялся новый полис, и этот полис, находясь в чужой среде, развивался достаточно успешно. Рим – это абсолютно другая схема – создаются колонии в провинциях, сначала в Италии, эти колонии являются частью государства.

Минакир: Что это нам даёт с точки зрения понимания экономической истории здесь на Дальнем Востоке?

Демьяненко: Механизм включения территории Дальнего Востока в состав России. Прежде всего, это было создание так называемых колонизационных комбинатов, КВЖД – первый, Кольско-Карельский – второй, он не был реализован в полном виде, третий – т. н. Уссурийский

ТОР (тоже не реализован), Амурский... Японцам удалось на ЮМЖД реализовать воспроизводство опыта, который предполагал развитие через создание сетей коммуникаций магистрального типа. Русские показали, как можно создать организацию, чтобы притягивать сюда население, капиталы и, если угодно, институты, которые были бы специфичны и отвечали бы требованиям этого конкретного места. Это касается большого количества экономических процессов, начиная с того, что было соответствующее собрание законодательных актов, которые регулировали земельные отношения, государственную поддержку морского пароходства, тарифную политику. Возникли организации, они инициировали изменения в институтах, и эти изменения происходили – Дальний Восток развивался.

Минакир: То есть получается, что процесс колонизации – это процесс создания неких организаций, которые стимулируют или генерируют процесс формирования институтов на этой территории под свои нужды, под свои задачи? А уже на платформе этих институтов начинается некая деятельность...

Демьяненко: Да. Начинает функционировать экономика. Втягивая эту территорию с определённым потенциалом, насыщая её теми или иными институтами и организациями, мы создавали импульсы роста для этой территории и втягивали её в общее национальное пространство.

Горюнов: Термин колонизация сегодня используется, когда речь идёт о колонизации территории. То есть создание обособленной колонии для использования ресурсов территории, каковы бы они ни были: население, как в Индии, или орехи, как в Спайсе, или ещё что-то.

Минакир: Создание экономического анклава. Он может функционировать только если в нём функционируют институты метрополии. Они могут быть модифицированы, но должны быть адаптированы к тем условиям, которые существуют вот в этом конкретном месте.

Горюнов: Адаптация адаптации рознь, потому что рабовладение тоже форма адаптации, но под законы Британской империи рабовладение северо-американских колоний особо не адаптируешь. Оно было запрещено.

Минакир: Работорговля была запрещена, как только возникли эти рабские плантации и людей стали перевозить из Африки суда, на этом и пиратство стало развиваться. Начали бороться с работорговлей, потому что она стала экономической основой растущих притязаний на независимость северо-американских штатов. Это была некая модификация обычного рыночного прообраза английской экономики, но в совершенно специфических условиях.

Демьяненко: Итак, если я правильно понял пафос дискуссии, действительно существует колонизация как некое социальное явление, и существует хозяйственное освоение как некое экономическое явление. Если опять-таки я правильно понял, на определённых этапах разницы между колонизацией как таковой и пионерной фазой освоения, если пользоваться терминологией Космачёва, нет. А дальше что получается?

Минакир: Была территория, она названа колонией, значит, с этим связан такой-то определённый этап, мы кладём это на полку колонии. А на следующей полке у нас лежит освоение, на следующей – развитие, значит на полке колонии ни освоения, ни развития пока нет, пока мы здесь только колонизируем всё. Но это же не так на самом деле?

Демьяненко: Адам Смит: «Латинское слово колония означает просто поселение, греческое слово, напротив, означает разделение жилья, отъезд с родины, уход из дома». В одном случае поселение, в другом случае отъезд. Если мы говорим о контексте второго смысла этого слова,

то у нас получается, что есть место, куда мы уезжаем, создавая там новое общество. Ну и всё, о чём тут спорить по это поводу, причём тут колониализм?

Минакир: Мы занимаемся сейчас не филологическими изысканиями, если бы так, то всё было бы понятно. Но мы же не об этом говорим, мы про экономику. Хорошо, колония, колонизация, каково содержание всего этого?

Горюнов: Есть общепринятое употребление термина «колония», этот термин относится сегодня к практике европейской колонизации, которая, исходя из греческо-римской схемы, относится к римской практике, фактически, к римскому пониманию термина — формирования поселения на территории для извлечения ресурсов для самой колонии и для метрополии. Есть современное понимание того, что называется освоением, которое ближе к греческому варианту, т. е. это расширение метрополии в пространстве, это экспансия путём отъезда лишних, так скажем, на новые территории. Если мы сейчас начнём толковать колонии в расширенном смысле, то мы увидим, что например, есть колонизация Окинавы Соединёнными Штатами, существует колонизация вообще всего Соединёнными Штатами, существует колонизация Украины Российской Федерацией. Есть стигма, связанная с термином «колонизация», но сам подход (т. е. организация обособленного поселения на территории для извлечения некой прибыли из этой территории) не является чем-то плохим, но из-за того, что существует вот эта стигма, она переходит и на процесс. Допустим, освоение Севера: рассуждается об этом так, как будто должно происходить некое развитие территории Севера. Термин «освоение», который у нас очень популярен, в головах у наших лидеров настолько стал связан с развитием территорий, что, как чего-то осваивать, при этом не строя миллионы километров дорог и кучу сетей поселений, они не представляют: «Это ж колония будет, это ж моногорода, это же жуть!».

Минакир: Хорошо, я с этим готов согласиться, а в чём продвижение с этой точки зрения употребления термина «колонизация»?

Горюнов: Колонизация предусматривает не развитие территории, а извлечение из территории исключительно каких-то ресурсов, без всякого развития территории.

Минакир: Мы пришли к концепции территории опережающего развития. Давайте создадим маленькие огороды, с каждого из которых будем, как нам кажется, сторицей получать доход.

Демьяненко: Вполне возможно, что такая форма извлечения экономической выгоды может быть в определённых условиях. Но это совсем не означает, что она есть единственно возможная.

Горюнов: Здесь опять же терминология имеет значение. Нам же эти ТОСЭРы преподносятся не как колония, а как институт развития территории. Хотя фактически мы сейчас пришли к тому, что это колонии. Но этого же никто не скажет открытым текстом.

Минакир: Вернёмся в 1979 г., когда Дэн Сяопин выдвинул идею шести СЭЗ в Китае. То, что это было бы названо «колониями» или «развитием территорий», или ещё как-то, что оно бы поменяло?

Горюнов: Опять возвращаясь к ТОСЭРам, логика, насколько мне в этом удалось разобраться, именно дэнсяопиновская: давайте создадим точки роста. Но логика применения фактически колониальных методов к Китаю исходила из того, что территория была экономически не освоена, это была масса нищего народу. «Давайте создадим колонии, в которых что-то будет, но теперь эти колонии будут приносить пользу – теперь мы хорошие колонии с хорошими целями создадим», – это была логика

китайская. У нас в той же самой логике создают колонии на развитых территориях, находящихся на стадии постиндустриального развития.

Минакир: У Дэн Сяо Пина, у Трутнева с Галушко принцип одинаковый: мы хотим осчастливить страну, осчастливить народ: мы создадим «колонии» внутри «метрополии», анклавы для развития метрополии. Сначала развитие будет сосредоточено в этих анклавах, эти анклавы послужат окном для проникновения импульсов развития. Но мы сейчас обсуждаем не разницу между китайскими СЭЗами и нашими ТОСЭРами, она очевидна, как очевидна и цель создания СЭЗов, но в случае ТОСЭРов она совершенно иезуитская. Споря об этих терминах и употребляя одну и ту же терминологию для разных ситуаций, мы упускаем самое главное: что в основе лежат (при одних и тех же терминах!) даже намерения разные, не говоря уже о разных целях и содержании. Вот почему я так боюсь исторических аналогов: беря некий исторический штамп и прикладывая его к конкретной ситуации, мы искажаем эту ситуацию.

Демьяненко: Соответственно возникает нормальное желание разобраться. Но с наскока с этим не разберёшься, потому что существует система понятий, и за каждым понятием стоит богатое содержание.

Минакир: С этим не разберёшься, но в ходе нашего разговора нащупывается что-то очень важное. Исходя из того, что я от вас слышал в начале нашего диспута, у меня возникло ощущение, что речь идёт о терминологических вещах: колонизация, колонии, освоение, и всё это было оторвано от реалий. А вот сейчас в результате наших разговоров появляется более интересная, содержательная схема рассуждений. Прагматично: есть территория, неважно как её начинали присоединять, как её начинали обустраивать и т. д., далее есть некая идея о том, что на этой территории что-то нужно делать, и есть некий, обращённый в историю, опыт заимствования какой-то абстрактной модели. Модель накладывается на эту территорию и говорится, что вот это и есть верх мысли, верх развития и т. д. Мы, взяв эту модель, описав ту реальную ситуацию, в которой она применяется, проведя аналогии с тем, имеет ли эта реальная ситуация и модель, наложенная на эту реальность, некие аналогии с каким-то историческим процессом, говорим: «Да, ребята, вы применили эту модель, но имейте в виду, что с точки зрения содержания, это не то, что вы думаете, а это то, что было когда-то, оно имеет свою логику и свои формы, поэтому, если вы берёте заимствования и переносите их из одной системы координат в другую, то вы должны понимать, что вы тем самым переноситесь в другое время и получите на самом деле то, что вы могли получить в то время, а не то, что вы хотите получить в будущем». А все остальные в это время уже убегут вперёд. Потому что заимствование формы небезобидно, форма предполагает очень тонкое и очень точное соответствие времени, условиям, а результат может настолько отличаться от поставленной цели, что вы действительно можете оказаться в колониальном прошлом.

Барбенко: Но мы не сможем в точности повторить чужие формы, а это значит, что результат будет, скорее всего, непредсказуемым.

Горюнов: Изначально колониальные обособленные формирования, поскольку они предназначены для извлечения прибыли, были важнейшей функцией накопления капитала. И сегодня их использование имеет ту же самую функцию, этот подход имеет очень важный и далеко идущий распределительный эффект, т. е., если возвращаться к ТОСЭРам, то фактически говорится, что есть территория, на которой может разместиться определённое количество компаний, государство определяет, какие компании туда войдут, и если эта колония хорошо работает, то эти компании будут обогащаться быстрее других, находящихся на большей территории. А это уже серьёзное государственное вмешатель-

ство в перераспределение и аккумуляцию капитала, тем более что у нас его не так много. Как это в дальнейшем скажется не только на развитии региона, но и в целом вообще, достаточно сложно предсказать, никто таких вопросов даже не задаёт.

Минакир: Если говорить о ТОСЭРах как о колониальных анклавах: если ТОСЭР, допустим, как площадка «Авангард» в Хабаровске, создаётся как огород на пустом месте, но совсем другое дело, когда этот ТОСЭР создаётся на базе уже существующего монополиста или под существующего монополиста, который туда уже назначен, например, Приморский нефтехимический комплекс и т. п. Это уже не просто моделирование, а создание и поддержка искривления институционального поля, это как Ост-Индская компания. Тогда имеет смысл говорить о схемах или о формах конкретной пространственной локализации как о колониальной форме или о форме развития, что переводит разговор в экономическую плоскость. Потому что, если это развитие, вы должны иметь в качестве ориентира для движения создание каких-то агломерационных эффектов, какой-то синергии и т. д. Если же это колониальный анклав, тогда вы кончите тем, с чего вы начали — максимальной локализацией дохода на территории анклава, а все остальные – свободны.

Демьяненко: Пора заканчивать наш разговор. Большое спасибо Ярославу Александровичу за интеллектуальную провокацию, она была успешной. Не уверен, что обсуждение соответствовало Вашим целям, но для нас оно оказалось вполне плодотворным.

Барбенко: Спасибо, коллеги!

◆

Литература

1. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.

2. Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. СПб.: «Всемирный путешественник», 1877. VIII, 526, II с.

3. Предварительные материалы круглого стола ««Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?» [Электронный ресурс] // Ойкумена. Регионоведческие исследования: [сайт]. URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 27.09.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Golovnyov A.V. Fenomen kolonizatsii. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 592 s.

2. Lerua-Bol'e A. Kolonizatsiya u novejshikh narodov. SPb.: «Vsemirnyj puteshestvennik», 1877. VIII, 526, II s.

3. Predvaritel'nye materialy kruglogo stola ««Kolonizatsiya» i/ili «osvoenie»:chto nam delat' s izbytkom terminologii?» [Ehlektronnyj resurs] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: [sajt]. URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (data obrashheniya: 27.09.2017 g.).

УДК 930:355/359.07
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/68-84

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70-х гг. XIX в.: внешнеполитический фактор

The development of the Russian ground forces in the Far East during the 1860s and 1870s: the influence of the foreign-policy factor

В статье на материалах ГАРФ, РГВИА и РГИА ДВ анализируется влияние внешнеполитического фактора на развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70-х гг. XIX в. Исследуется влияние Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Кульджинского кризиса на количественный и качественный состав группировки русских войск в регионе. Проведённое исследование показало, что с конца 40-х гг. XIX в. внешнеполитический фактор оказывал заметное влияние на развитие военно-сухопутных сил Российской империи на Дальнем Востоке. После Манзовской войны 1868 г. его роль резко возросла, а после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он приобрёл решающее значение, став определяющим.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Дальний Восток России, русская армия, военные реформы, Восточный Сибирский военный округ, внешняя политика России*

◆

Using sources from the NARF, RSMHA and RSHA FE, this article examines the influence of the foreign-policy factor in the process of development the Russian ground forces in the Far East during the 1860s and 1870s. It concerns the influence of the Russia-Turkish War of 1877–1878 and the Ili Crisis to the number and the strength of the Russians forces in this region. The full-scale study had shown that from the later 1840s the foreign-policy factor have a real influence with the process of Russian ground forces' development in the Far East. After the Mansa War of 1868, the role of it had rather increased, and then, after the Russia-Turkish War of 1877–1878 it took a decisive character.

Key words*: East Siberia, Russian Far East, Russian Army, military reforms, East Siberian Military District, Russian foreign policy*

Военная история и история внешней политики России традиционно являются одними из важнейших направлений исследований в области отечественной истории. Однако при изучении истории российских военных реформ 2-й половины XIX в.[1] исследователи далеко не всегда уделяют достаточное внимание анализу влияния внешнеполитического фактора на принимаемые решения. Проводимые преобразования часто рассматриваются исключительно в рамках внутриполитических процес-

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н., научный сотрудник ИИАЭ ДВ ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

[1] Все даты приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В отдельных случаях в скобках также указана дата по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

сов, в то время как именно внешнеполитический фактор мог являться определяющим при постановке целей и задач проводимых мероприятий. Соответственно, недооценка его роли может привести к неточной оценке проводимых преобразований в целом. В значительной степени это относится и к истории развития военно-сухопутных сил России в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Поэтому цель данной статьи – осветить роль внешнеполитического фактора в этом процессе.

Активизация внешней политики России на Дальнем Востоке в 50-е гг. XIX в. была вызвана, прежде всего, резко изменившейся ситуацией в регионе, поскольку политика Великобритании и Франции, направленная на усиление влияния в Китае, начала всерьёз угрожать безопасности восточных границ империи. Соперничество переросло в открытую фазу в период Крымской войны 1853–1856 гг., когда союзники попытались высадить десант сначала на Камчатке, а потом и в заливе Де-Кастри. Это впервые в XIX в. поставило вопрос о повышении обороноспособности российских дальневосточных рубежей и привело, в итоге, к занятию войсками территории Приамурья, а затем и Южно-Уссурийского края **(ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 18–19)**.

Подписание Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров между Россией и Китаем окончательно разрешило так называемый «амурский вопрос» и дало возможность начать планомерную деятельность по освоению этих территорий, которая в первое время легла на плечи переброшенных туда войск. Однако это отнюдь не означало, что внешнеполитическая ситуация на Дальнем Востоке перестала вызывать опасения в Петербурге.

Поражение Китая во второй «опиумной войне» (англо-франко-китайская война 1856–1860 гг.) привело к резкому усилению влияния в этой стране англичан и французов, что не могло не вызвать беспокойства у российских властей. Последние прекрасно понимали, что Великобритания и Франция недовольны тем, что наибольшие, по их мнению, выгоды от этой войны получила именно Россия, присоединив территорию Южно-Уссурийского края. Как мрачно заметил один из английских дипломатов того времени: «Ещё несколько удачных компаний наших войск – и половина Китая окажется в руках Александра II» **[30, с. 394]**. Это, наряду с усилением влияния этих государств в Цинской империи, грозило постоянными подстрекательствами как центральных, так и местных китайских властей к действиям против России в интересах западных держав.

Вызывало опасение и постепенное увеличение числа китайских портов, открытых для посещения английскими военными кораблями, что *de facto* делало их военно-морскими базами для возможных операций против российского тихоокеанского побережья[1]. Это давало возможность в любой момент нанести удар по территории российского Дальнего Востока при обострении русско-британских отношений, как это было во время Крымской войны 1853–1856 гг.

---

[1] Если по англо-китайскому Нанкинскому договору от 29 августа 1842 г. (по н. ст.) это были Кантон/Гуаньчжоу (Canton, Guangzhou), Амой/Сямынь (Amoy), Фучжоу (Foochow), Нингпо/Нинбо (Ningpo) и Шанхай (Shanghai), а также Гонконг (Hong-kong), т.е. о. Сянган, то по Тяньцзинскому договору от 26 июня 1858 г. (по н. ст.) к ним добавились Ньючжуан (New-Chwang), Танчжоу (Tang-chow), Шаньтоу/Сватоу (Chau-chow), а также порты на о-вах Тайвань/Формоза (Tai-wau/Formosa) и Хайнань (Kiung-chow/Hainan), а по Пекинскому договору от 24 октября 1860 г. (по н. ст.) Китай отдавал во «владение» Великобритании, в дополнение к Гонконгу, часть п-ова Цзялун/Цзюлун/Колун (Cowloon) в провинции Гуандун (Kwang-tung), а британские войска получили право оккупации города Тяньцзина (the city of Tien-tsin), фортов Дагу (forts of Takoo), северного побережья Шаньдунского п-ова (the north coast of Shang-tung) и Кантона (the city of Canton) до выплаты Китаем контрибуции **[35, p. 1–3, 8–20; 37, p. 401, 415]**.

Для соперников России дальнейшее ослабление Цинской династии и её возможное падение было чревато частичным распадом Дайцинской империи с последующим переходом территорий Синьцзяна и Внутренней Монголии под влияние России, с высокой вероятностью их включения в состав Российской империи, а также невыполнением значительных политических и торговых уступок, полученных от Китая во время последней войны. Поэтому Великобритания и Франция диаметрально меняют своё отношение к правящей в стране династии. Ведь именно она являлась гарантом выполнения только что подписанных выгодных соглашений. Соответственно, после 1860 г. западные державы приняли самое непосредственное участие в подавлении восстания тайпинов. И если помощь европейцев в переброске правительственных войск в различные пункты занятого тайпинами побережья и артиллерийская поддержка их действий с моря не имели для России какого-либо значения, то появление в Китайской армии английских инструкторов, обучавших солдат обращению с современным огнестрельным оружием, уже вызвало серьёзные опасения с российской стороны **[16, с. 158–198; 36, p. 123–266]**. При критически малой численности войск на российском Дальнем Востоке в этот период они могли противостоять только недостаточно обученным и плохо вооружённым китайским отрядам, но никак не армии европейского типа с огнестрельным оружием, пусть даже армии очень низкой степени выучки.

Ситуация осложнялась и наличием на территории Южно-Уссурийского края значительного (по сравнению с русскими войсками) китайского населения, категорически не желавшего признавать российский суверенитет над этими территориями. Пекинский договор 1860 г. предусматривал, что если бы на вошедших в состав России территориях «оказались поселения Китайских подданных, то Русское Правительство обязуется оставить их на тех же местах, и дозволить по-прежнему заниматься рыбными и звериными промыслами» (ст. 1). Более того, в соответствии со ст. 8 совершившие проступки и преступления китайские подданные должны были судиться по китайским законам. Это существенно ограничивало возможности местной власти по контролю за находившимся на российской территории китайским населением. Впрочем, положение распространялось только на осёдлое китайское население, да ещё и занимающееся «рыбными и звериными промыслами», каковым большая часть находящихся в России китайцев как раз не являлась **[29, с. 161–167]**. Этот факт вполне можно было использовать для установления хотя бы элементарного контроля над китайцами на территории Южно-Уссурийского края, чего, однако, сделано не было.

Такое положение дел привело в итоге к открытому военному столкновению в Южно-Уссурийском крае между китайцами-золотоискателями, полностью игнорировавшими российское законодательство, и русскими сухопутными и морскими силами, получившему в историографии название Манзовская война 1868 г. Жертвы среди военных, моряков и мирного населения, а также полнейшая невозможность местных властей в Маньчжурии предпринять хоть какие-то серьёзные меры по поимке и наказанию ушедших на территорию сопредельного государства банд заставили, наконец, российские власти заняться решением застарелой проблемы. Были предприняты меры по изучению находящегося на территории Южно-Уссурийского края китайского населения (численность, местонахождение) и рода его занятий **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–7) [5, т. 15, с. 165–167; 17; 21, с. 208–218]**. Кроме того, в крае была увеличена численность русских войск. Обеспечить полный контроль над ситуацией они не могли по причине малой численности и недостаточного знания местности. Поэтому банды хунхузов продолжа-

ли тревожить местное население, причём далеко не только русское **[8, с. 73–131]**, а «призрак» новой Манзовской войны продолжал преследовать местные военные власти во время всех внешнеполитических осложнений вплоть до Русско-японской войны 1904–1905 гг. включительно. Об опасности восстания китайцев в долине р. Сучан писал во время Кульджинского (1879 г.) и Савёловского (1882 г.) кризисов Д.Г. Анучин **(РГВИА. Ф. 1447. Оп. 2. Д. 31. Л. 42–43) [28, с. 104]**, а в 1905 г. местные власти Приморской области боялись уже восстания китайских рабочих на Сучанских каменноугольных рудниках **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1541. Л. 74–74 об.)**.

Манзовская война 1868 г. стала знаковым событием в истории военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке, обусловив постепенное возрастание роли внешнеполитического фактора в процессе их развития. До неё, со времён Крымской войны 1853–1856 гг., практически все меры по совершенствованию русских войск и системы управления ими проходили в рамках общероссийских военных реформ. Так, создание в 1865 г. Восточно-Сибирского военного округа, территориально совпавшего с одноимённым генерал-губернаторством, было частью третьего этапа общероссийской военно-окружной реформы **[3, с. 18–25]**.

Проводившиеся параллельно преобразования войск также целиком проходили в рамках «милютинских» военных реформ. Вместе с документами по созданию Восточно-Сибирского военного округа Александр II 6 августа 1865 г. утвердил и всю нормативно-правовую базу по необходимым преобразованиям в войсках, расположенных на территории Восточной Сибири. **[22, т. 40, №№ 42369, 42371]**. Их реализацию командующий войсками округа М.С. Корсаков начал практически на следующий день после «юридического» образования нового округа – 1 сентября 1865 г. **(РНБ. Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 405 от 31 августа 1865 г.; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 1 от 1 сентября 1865 г.)**.

Утверждённое императором Высочайшее повеление «О преобразовании местных войск с их управлениями в Западной и Восточной Сибири» представляло собой комплексную реформу местных войск на данной территории, в целом направленную на их унификацию с местными войсками на остальной части империи **(РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.) [22, т. 40. № 42369]**. Об этом свидетельствует то, что резервные пехотные батальоны формировались на основании «Положения о резервных батальонах», утверждённого Александром II 6 августа 1864 г. **[22, т. 39. № 41166]** в рамках общероссийской реформы резервных войск **[9, с. 77–78; 34, p. 23–29]**, а губернские батальоны и местные команды – на основании принятого тогда же «Положения о губернских батальонах и уездных командах» **[22, т. 40, № 41166]**. После упразднения Отдельного корпуса внутренней стражи именно на эти батальоны и команды должно было лечь «исполнение гарнизонной службы в городах и охранение внутреннего спокойствия и порядка, при пособии полевых войск, где последние будут находиться» **(РНБ. ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г.)**. Поскольку эта реформа происходила практически синхронно с военно-окружной, то почти на всей территории Европейской части России она была проведена в 1864 г., а в Восточной Сибири к ней приступили лишь в 1865 г. При этом преобразования в войсках Восточной Сибири имели ряд особенностей **[22, т. 40. № 42369] (РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.)**.

В округе формировался 72-й пехотный резервный батальон, местом постоянной дислокации которого должен был стать г. Иркутск. Упразднялись Иркутская и Красноярская местные команды, вместо которых

в этих же населённых пунктах формировались губернские батальоны 4-ротного состава. Наравне со всеми губернскими батальонами в Российской империи, им были присвоены номера – 52-й и 53-й губернские батальоны, соответственно[1].

В рамках реформы местных войск в Западной и Восточной Сибири было принято и новое расписание местных, этапных, крепостной и постовых команд, в соответствии с которым, после окончания преобразований, в Восточном Сибирском военном округе должны были остаться: 10 местных, 28 этапных, 1 крепостная и 5 постовых команд. Были утверждены и внедрены новые штаты пехотных, резервных и губернских батальонов, а также всех местных, этапных, крепостной и постовых команд **[22, т. 40, № 42369] (РНБ. ПВВ № 281 от 6 августа 1865 г.; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 1 от 1 сентября 1865 г.)**.

В задачи местных команд входили как полицейские функции, так и первоначальная оборона ряда стратегически важных населённых пунктов округа, крепостная команда была создана специально для поддержания в должном состоянии укреплений Николаевска-на-Амуре и противодействия возможному проникновению в р. Амур неприятельских кораблей. Постовые – для занятия некоторых важнейших постов на территории Южно-Уссурийского края с целью демонстрации там российского военного присутствия и первоначальной обороны в случае нападения противника. Этапные команды предназначались для конвоирования заключённых и были разбросаны по насёленным пунктам вдоль всей части Сибирского тракта, проходящей по территории округа **(РНБ. ПВВ № 241 от 13 августа 1864 г.)**

Преобразования не обошли стороной и линейные батальоны Восточной Сибири[2]. В соответствии с Высочайшим повелением от 6 августа 1865 г. они были переименованы в Восточно-Сибирские линейные батальоны. По аналогии с войсками на остальной территории империи им было присвоено три состава: военный, усиленный мирный и обыкновенный мирный и, соответственно, новые штаты. При этом, исходя из военно-политической обстановки, эти батальоны сразу переводились на усиленный мирный состав **[22, т. 40, № 42371] (РНБ. ПВВ № 283 от 6 августа 1865 г.; Приказ по войскам сухопутным и морским Вост.-Сиб. в. о. № 3 от 1 сентября 1865 г.)**. Казачьих войск переформирования практически не коснулись **[22, т. 40, № 42816] (РНБ. ПВВ № 461 от 23 декабря 1865 г.)**.

По официальным данным на 25 января 1866 г. в Восточно-Сибирском военном округе находились как регулярные, так и иррегулярные, т.е. казачьи войска, общая численность которых определялась в *регулярных*: 9 батальонов, 1 рота, две батареи и горный дивизион, ½ артиллерийского парка и 44 команды, и *иррегулярных*: 3 ¾ пеших батальона, 35 конных сотен, 16 орудий и 2 ½ пешие сотни[3] **[23, с. 227–228]**. Сред-

---

[1] Практически во всей литературе по истории Восточной Сибири и Дальнего Востока они фигурируют под названиями Красноярский и Иркутский губернские батальоны. Причём, характерно, что именно это наименование было вынесено и в заголовок штатов, по которым их надлежало формировать – очевидно, во избежание путаницы.

[2] «Линейные батальоны» в русской армии XIX в. – это особый вид пехотных частей, которые изначально несли службу в укреплённых оборонительных линиях, откуда и получили своё название. В дальнейшем они существовали вне зависимости от наличия «линии», и использовались преимущественно для охраны границ на периферии империи: в Финляндии, на Кавказе, в Западной и Восточной Сибири и т.д. **[5, т. 14, с. 636]**.

[3] Регулярные были представлены шестью батальонами пехоты (1-й–6-й Восточно-Сибирские линейные батальоны), одним резервным батальоном (72-й резервный пехотный батальон), двумя губернскими батальонами (Красноярский и Иркутский). Кроме того, в Енисейской губернии было еще 4 местных и 9 этапных команд, в Иркутской – 2 и

негодовой списочный состав нижних чинов регулярных войск округа в 1865 г. составлял 7798 чел. **(РНБ. Ведомость о числе больных, умерших, бежавших и выключенных в неспособные нижних чинов регулярных войск Восточной Сибири. За 1864 г., январь – апрель 1865 г. // приложены к Приказам по войскам сухопутным, казачьим и морским Восточной Сибири за 1865 г.** – *Подсчёт мой А.Р.*).

После Манзовской войны 1868 г., продемонстрировавшей достаточно низкую степень боеспособности Восточно-Сибирских линейных батальонов (не занимавшихся систематической боевой подготовкой вследствие отсутствия времени, сил и возможностей, которые почти целиком уходили на хозяйственные дела) **[4, с. 85]**, крайний недостаток артиллерии и затруднительность быстрой переброски пехотных частей к месту боёв по причине их сильной рассредоточенности и практически полного отсутствия в крае дорог, ситуация начала меняться.

Поскольку, с точки зрения местных военных властей, вероятность повторения серьёзных столкновений с крупными бандами хунхузов и китайским населением, постоянно проживающим на территории Южно-Уссурийского края, была достаточно высокой, командующий войсками округа М.С. Корсаков инициировал проведение ряда мероприятий, вызванных исключительно местными военными нуждами. Для усиления артиллерии в Южно-Уссурийском крае, в 1868 г., горный дивизион 2-й лёгкой батареи линейной Забайкальской артиллерийской бригады был передвинут из Благовещенска в пост Камень-Рыболов, а дислокация пехотных частей – изменена с учётом опыта боевых действий.

Одновременно М.С. Корсаков разработал целый комплекс мер по обеспечению безопасности региона и представил их летом 1868 г. на рассмотрение в столицу. Среди них значилось и «обеспечение границ Южно-Уссурийского края от внешних вторжений, через образование для того особого пограничного конного дивизиона». Создание такой воинской части являлось наиболее простым, быстрым и не требующим больших финансовых затрат выходом из сложившейся ситуации: недостаток артиллерии можно было ликвидировать лишь путём переброски артиллерийских частей из Европейской России, кардинальное изменение дислокации имевшихся на Дальнем Востоке войск было невозможно по стратегическим соображениям из-за их чрезвычайно малого количества, а улучшить транспортную инфраструктуру в ближайшие годы, если не десятилетия, имевшимися силами вообще не представлялось возможным.

В результате, 24 мая 1869 г. Александр II распорядился создать для защиты границ Южно-Уссурийского края Уссурийскую казачью конную сотню, что и было сделано к лету 1870 г. Местом её дислокации

16, в Забайкальской области – 4 и 3 команд, соответственно, а в Приморской – 1 крепостная и 5 постовых команд. Полевая артиллерия в округе была представлена Забайкальской линейной артиллерийской бригадой в составе батарейной батареи (в тот период времени артиллерийские батареи по калибру орудий были разделены на лёгкие и батарейные, т.е. тяжёлые **[32, с. 364-365]**) с горным дивизионом и легкой батареи, а также подвижным артиллерийским полупарком, а в Николаевске находилась ещё и Николаевская крепостная артиллерийская команда. Регулярная кавалерия в округе отсутствовала. Требовавшие существенно меньше затрат на содержание казачьи войска были более многочисленными. В Забайкальском казачьем войске от 6 конных полков на службе состояли в общей сложности 17 сотен, от 12 пеших батальонов – 3 батальона. Имелась в составе войска и конно-артиллерийская бригада 2-батарейного состава. Амурское казачье войско было меньшим по численности: от 2 конных полков на службе состояли в общей сложности 5 сотен, а от 2 пеших батальонов – 3 роты. Кроме того, в округе существовала бригада в составе Иркутского и Енисейского казачьих конных полков: 2 полка 6-сотенного состава; в подчинении гражданского начальства находились Якутский городовой пеший полк – 2,5 сотни на действительной службе и Камчатская казачья команда – 1 сотня **[23, с. 227-228]**.

стал пост Камень-Рыболов, где она вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном составила ядро военных сил России, охранявших обширную территорию к западу и юго-западу от оз. Ханка **[2, с. 9–14]**.

Примерно в это же время началось и предложенное М.С. Корсаковым усиление в округе артиллерии. Весной 1869 г. было утверждено положение «о переформировании батарей линейной Забайкальской бригады в 4-х фунтовые и о сформировании из состоящих при них горных дивизионов горной батареи». Предполагалось из состоящих при батареях бригад горных дивизионов сформировать горную батарею по обыкновенному мирному составу, а затем обе остальные батареи переформировать в батареи с 4-х фунтовыми пушками, и «означенной бригаде присвоить наименование Восточно-Сибирской артиллерийской бригады» **[22, т. 44, № 46915] (РНБ. ПВВ № 123 от 6 апреля 1869 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 171 от 26 мая 1869 г.)**.

По данным на 25 марта 1870 г., штаб сформированной бригады находился в г. Благовещенск. Дислокация, вооружение и подчинение батарей осталось неизменным, а на перевооружение бригады были отправлены новые 4-х фунтовые казнозарядные орудия. Что касается сформированной горной батареи в составе 8 горных 3-х фунтовых казнозарядных орудий, то её официальным местом квартирования стал Владивосток, где находился один её взвод. Остальные располагались: один взвод в посту Камень-Рыболов, другой – на о. Сахалин, третий – в урочище Новокиевское **[24, с. 132]**. К лету 1875 г. на вооружении 1-й и 2-й батарей Восточно-Сибирской артиллерийской бригады уже стояли 8 нарезных 4-х фунтовых казнозарядных орудий. 1-я батарея дислоцировалась в г. Верхнеудинск, и была по-прежнему прикомандирована к конно-артиллерийской бригаде Забайкальского казачьего войска. 2-я – в г. Благовещенск. Местом квартирования горной батареи числилось урочище Новокиевское. При этом 4-й её взвод находился в посту Камень-Рыболов на берегу оз. Ханка, 5-й – в посту Корсаков на о. Сахалине **[25, с. 145]**. Дислокация 1-й и 2-й батарей оставалась неизменной до 1878 г., когда 1-я батарея была переброшена из г. Верхнеудинск в г. Благовещенск, на замену 2-й батареи, которая 6 марта 1877 г. прибыла во Владивосток. Местом квартирования горной батареи считалось урочище Новокиевское, при этом 4-й её взвод находился в посту Камень-Рыболов, а 5-й – в посту Корсаков на о. Сахалин **[25, с. 139, 185; 26, с.** «изменения»; **27, с. 179]**. Такое, кажущееся странным на первый взгляд, рассредоточение артиллерии на большей части территории Восточно-Сибирского военного округа, при слабо развитой военно-транспортной инфраструктуре было, во многом, оправдано. Оно позволяло, в случае необходимости, иметь хотя бы несколько орудий именно там, где они нужны или на расстоянии нескольких переходов от этого места, а не в тысяче вёрст от него.

Однако на протяжении 70-х гг. XIX в. мероприятия по изменению количественного и качественного состава русских войск на Дальнем Востоке, вызванные исключительно местной необходимостью, к которым относились формирование Уссурийской казачьей конной сотни и создание Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, ещё перемежались преобразованиями, проводимыми в рамках продолжавшихся в стране «милютинских» военных реформ. Так, например, в связи с ликвидацией в русской армии всех резервных батальонов **[9, с. 276–277; 34, с. 23–29]** 72-резервный пехотный батальон был переброшен из Иркутска в Благовещенск и переформирован в 72-й Благовещенский губернский батальон **[22, т. 48. № 52495] (РНБ. ПВВ № 219 от 24 июля 1873 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 192 от 12 сентября 1873 г.)**. Прибыл он туда в 1874 г., а в январе 1876 г. был переименован в Благовещенский

местный батальон **[22, т. 51. № 55451] (РНБ. ПВВ № 12 от 14 января 1876 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 56 от 28 февраля 1876 г.)**. В результате Благовещенск стал местом квартирования первого и единственного в дореволюционный период на территории российского Дальнего Востока местного батальона. Внешнеполитический фактор ещё не стал в эти годы доминирующим, поскольку в начале 70-х гг. XIX в. ситуация на Дальнем Востоке не вызывала у российских политиков серьёзных опасений. Япония, начавшая активную внешнюю политику в регионе **(ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 19 об.)**, рассматривалась скорее не как потенциальный противник, а как потенциальный союзник. Наглядной иллюстрацией этого служит то, что крейсерские отряды из состава Балтийского флота, регулярно сменявшие друг друга на Тихом океане, зимовали именно в японских портах, главным образом в Нагасаки **[19, с. 63; 33, p. 669]**.

В 1876 г. период относительной внешнеполитической стабильности на российских дальневосточных границах закончился – начало сказываться обострение ситуации на Балканском полуострове. Ещё 29 октября 1876 г. военный министр Д.А. Милютин проинформировал командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа П.А. Фредерикса, что необходимо подготовить план оборонительных мероприятий, поскольку Петербург ожидает в ближайшее время разрыва дипломатических отношений с Великобританией **[31, с. 154]**. К весне 1877 г. ситуация на Балканах накалилась настолько, что стало очевидно: войны с Османской империей России не миновать. И действительно, 12 апреля 1877 г. Российская империя объявила войну Турции, началась Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

На момент начала конфликта внешнеполитическая обстановка для России была благоприятной. С Австро-Венгрией имелась договорённость о нейтралитете, Франция восстанавливалась после Франко-прусской войны 1870–1871 гг., Германия внимательно следила за этим процессом восстановления, опасаясь реванша, а Британская империя была заинтересована в ослаблении России, но никак не в очередной войне с ней **[12, с. 165–167; 13, с. 174–194]**.

Однако опыт Крымской войны подсказывал российским военным, что лучше перестраховаться, ибо в случае успехов русской армии позиция Великобритании, имевшей серьёзные торговые и стратегические интересы в Турции, будет становиться всё жёстче. Реальной возможности нанести России ощутимые удары в районе черноморских проливов Босфор и Дарданеллы Британская империя не имела. Сухопутной армии у неё не было, а флот не мог оказать существенного влияния на ведение боевых действий на суше. Тем не менее, оставалась возможность повторения сценария Крымской войны 1853–1856 гг., когда англо-французская эскадра сначала сделала попытку высадить десант в Петропавловске-Камчатском, а затем и в заливе Де-Кастри **[10, с. 14–242]**. Соответственно, угроза удара британского ВМФ была вполне реальной, а активные действия англичан на слабозаселённых дальневосточных окраинах империи могли нанести серьёзный ущерб российскому имиджу на международной арене и привести к малопредсказуемым дипломатическим последствиям.

Следствием обострения ситуации на Балканах стала активизация боевой подготовки войск Восточно-Сибирского военного округа. Летние сборы войск округа предполагалось провести на самом серьёзном уровне. В своём приказе П.А. Фредерикс настаивал на том, что «все части, назначенные в сборы, должны выйти в оные в *полном составе*».

В рамках их проведения во Владивостоке, важнейшем стратегическом пункте России на побережье Тихого океана, в мае – июле долж-

ны были быть сосредоточены 1-й и 3-й Восточно-Сибирские линейные батальоны, а также 2-я и горная батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Особо отмечалось, что практическая стрельба и фронтовые учения во 2-й и горной батареях указанной бригады, расположенных во Владивостоке, должны быть окончены с таким расчётом времени, чтобы батареи, в последние 15 дней сборов, могли принять участие в совместных учениях с 1-м и 3-м Восточно-Сибирскими линейными батальонами.

Фредерикс обращал особое внимание командиров частей, «что совместное обучение разных родов оружия знакомит с отличительными свойствами каждого из них», а это являлось крайне желательным для подготовки к согласованным действиям непосредственно в боевых условиях. Поэтому он распорядился образовать во Владивостоке, из находящихся там частей, специальный «*учебный отряд* для манёвров и двухсторонних учений, с применением к местности». Эти мероприятия надлежало провести в последние «15 дней сборов, по окончании курса стрельбы и обучения в составе отдельно каждого батальона и батареи» **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 74 от 19 марта 1877 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 108 от 6 мая 1877 г.)**.

После начала войны в военном ведомстве решили заранее провести необходимую подготовку «для обороны нашего восточного прибережья, на случай разрыва с морскими державами», и в помощь «учебному отряду» во Владивосток была переброшена ещё и кавалерия из поста Камень-Рыболов – Уссурийская конная казачья сотня. Последняя находилась во Владивостоке до сентября 1877 г. **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 18 от 19 января 1879 г.; Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 210 от 27 сентября 1877 г.)**. Началось спешное усиление береговой обороны города **[1, с. 18–26]**.

Задаче возможной обороны дальневосточных владений империи от вероятного английского десанта были подчинены и планы военно-учебных мероприятий 1878 г. Так, Уссурийская конная казачья сотня снова должна была участвовать в них в мае – июле в с. Никольское, вместе с 3-м Восточно-Сибирским линейным батальоном и 2-й батареей Восточно-Сибирской артиллерийской бригады. Причём этим трём частям было предписано в течение двух недель производить совместные учения с применением к местности, под руководством командира 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона. **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 58 от 18 марта 1878 г.; Росписание летних сборов войск Вост.-Сиб. в. о. в 1878 г. // Приложено к Приказу по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 58 от 18 марта 1878 г.)**.

К январю 1878 г., когда русские войска стремительно приближались к Константинополю, Лондон начал грозить России разрывом дипломатических отношений. 19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией, однако напряжённости в отношениях европейских держав и России это не сняло. Поэтому меры по подготовке Дальнего Востока России к отражению возможного английского удара пришлось активизировать.

Весной 1878 г. впервые было мобилизовано Амурское казачье войско, выставившее две сводные сотни от Амурской конной бригады, из Амурского пешего батальона был сформирован действующий 4-ротный батальон, а из Уссурийского – 3-ротный. С началом навигации сотни и Амурский батальон были переброшены в пост Камень-Рыболов, окрестности зал. Посьета и Владивосток **[11, с. 160–161]**. В свою очередь, Уссурийская казачья конная сотня из поста Камень-Рыболов снова двинулась во Владивосток **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 18 от 19 января 1879 г.)**.

К апрелю 1878 г. значительная часть имевшихся в Южно-Уссурийском крае войск была стянута к побережью, наиболее важным и в то же время уязвимым пунктом которого считался Владивосток. Там и сосредоточили значительную часть имевшихся в наличии сил: 1-й Восточно-Сибирский линейный батальон (550 чел.), 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон (440 чел.), Сибирский флотский экипаж (808 чел.), отряд от Уссурийской казачьей конной сотни (60 сабель), 2-ю батарею и три взвода горной артиллерии Восточно-Сибирской артиллерийской бригады.

В Южно-Уссурийском крае в районе поста Камень-Рыболов и с. Никольское расположились Амурский пеший казачий батальон (4-ротного состава) и одна конная сотня; в Новгородском посту в зал. Посьета и на р. Янчихе – общий отряд, состоявший из Уссурийского пешего казачьего батальона Амурского казачьего войска (3-ротного состава) и Новгородско-Уссурийской местной команды с одним взводом (2 орудия) 3-й горной батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады **(РНБ. Приказ по войскам Вост.-Сиб. в. о. № 198 от 16 октября 1878 г.) [1, с. 18–26]**.

О том, насколько серьёзно положение оценивалось местной властью, говорит тот факт, что 9 апреля 1878 г. в городской думе Владивостока рассматривались вопросы выплаты пособий семействам, предназначенным к выселению из города на случай возможного вторжения неприятеля, и строительстве жителями временных бараков в окрестностях города **[20, с. 69–70, 75–76]**.

В начале июля 1878 г. в столице Германской империи был подписан Берлинский трактат, поставивший точку в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и русские войска на «далёкой окраине» вернулись в места своей постоянной дислокации. Проводившиеся оборонительные мероприятия не прошли для них даром – войска получили ценнейший опыт сосредоточения для обороны важнейших прибрежных пунктов Южно-Уссурийского края от предполагаемого десанта противника и быстрого передвижения в условиях крайне пересечённой местности при почти полном отсутствии дорог. Опыт этот в дальнейшем был использован при сосредоточении войск Приамурского военного округа в 1885 г., во время очередного обострения англо-русских отношений.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала важным рубежом в истории военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке. Если до неё процесс преобразований в находящихся на территориях Восточной Сибири и Дальнего Востока войсках и системе управления ими в целом происходил в рамках общероссийских военных реформ 60–70-х гг. XIX в., а вызванные местной необходимостью мероприятия носили единичный характер, то после войны именно внешнеполитическая ситуация, причём не только на Дальнем Востоке, но и на Балканах, в Средней Азии и на всём протяжении русско-китайской границы определяла как количественный и качественный состав русских войск в регионе, так и скорость, значение проводимых по увеличению их численности и изменению дислокации мероприятий. Таким образом, внешнеполитический фактор стал доминирующим.

Причин было несколько. Во-первых, сами военные реформы 60–70-х гг. XIX в. подходили к концу, что привело к уменьшению количества военных преобразований общеимперского масштаба, а, во-вторых, внешнеполитическая ситуация в Азии становилась всё более нестабильной, что требовало принятия мер, направленных на повышение уровня обороноспособности отдельных регионов империи.

Если подписание Берлинского трактата способствовало ослаблению политического напряжения в Европе, на время стабилизировав от-

ношения с Британской империей, и сняло угрозу английского десанта, то параллельно, из-за застарелых проблем, начали заметно охлаждаться отношения России с Китаем. Сказывался так называемый Кульджинский вопрос.

Положение в Илийском (Кульджинском) крае[1] начало оказывать влияние на обстановку на Дальнем Востоке ещё в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. Мусульманское население пограничных с Россией районов Западного Китая неоднократно поднимало восстания против цинских властей. Это существенно дестабилизировало обстановку в прилегающих к границе российских владениях и осложняло русско-китайскую торговлю через Синьцзян. Очередное восстание произошло в 60-х гг. XIX в. К 1865 г. масштабы его стали столь крупными, что Китай вынужден был обратиться к русскому правительству с просьбой о помощи в его подавлении. В Петербурге заняли выжидательную позицию, однако действия кашгарского правителя Якуб-бека стали угрожать интересам Российской империи: он при посредстве англичан установил контакты с турецким султаном, пожаловавшим ему титул эмира и наставлявшим в духе объединения всех мусульманских властителей против России, и создал благоприятные условия для исследовательской деятельности англичан по изучению территории и рекогносцировке дорог к российским границам.

Находясь перед угрозой дестабилизации ситуации в среднеазиатских владениях империи и активизации деятельности англичан в соседних с ними областях, Александр II в 1871 г. санкционировал оккупацию Кульджинского края. Русские войска заняли край и его центр – Кульджу. Пекин поставили в известность, что войска будут выведены, когда Китай сам сможет оборонять эти территории. Кульджу предполагалось удерживать до тех пор, пока восстание в Западном Китае не будет подавлено.

В 1876 г., на Особом совещании под председательством военного министра Д.А. Милютина было решено вернуть Кульджу Китаю после подавления им восстания, а взамен потребовать ряд торговых преимуществ и часть территории Илийской долины (важнейшие в военно-стратегическом отношении: долину р. Текес и Музартский проход из Илийского края в Китайский Туркестан).

Восстание в Джунгарии было подавлено в 1878 г. и вопрос о возвращении Кульджи снова встал на повестку дня. В Россию для переговоров был направлен специальный китайский посол Чун Хоу, и 20 сентября 1879 г. в Ливадии был подписан русско-китайский договор. Его условия практически совпали с решениями Особого совещания: Кульджа возвращалась Китаю, а Россия получала небольшой участок Илийского края, долину р. Текес и Музартский проход. Кроме того, российской торговле был предоставлен ряд льгот в Западном Китае, русские купцы получили право беспошлинной торговли в Монголии и на р. Сунгари в Маньчжурии. За расходы по управлению краем и содержание там русских войск Дайцинская империя должна была выплатить России 5 млн руб. **[12, с. 165–167; 13, с. 62–63; 7, с. 427–459]**.

Однако официальный Пекин выразил резкое недовольство действиями своего представителя и итоговым текстом договора, что привело к крайнему обострению ситуации на границе двух государств. На российской территории в Южно-Уссурийском крае вдруг резко активизировалась деятельность китайских разбойников-хунхузов. В Маньчжурии китайские войска стягивались к Гирину, Нингуте, Хунчуну. В послед-

[1] В отечественной литературе оба названия применяются как синонимы, так как город Кульджа был центром Илийского края и наиболее важным населённым пунктом на его территории.

нем были «установлены фронтовые занятия», формировалась кавалерия – 200 чел. «Разжалованные нижние чины приняты на службу. В роте обязательно восемьдесят рядовых. Пока 500 будет всего 1000 человек. Оружие всем английское, скоро ждут [в] Хунчуне лошадей, сёдла, ружья, снаряды, деньги», – телеграфировал 7 июля 1880 г. Военному губернатору Приморской области Пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае Н.Г. Матюнин **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 140–142, 158)**. Фактически, Россия и Китай начали готовиться к войне, усиливая свои войска вдоль границ и разрабатывая планы боевых действий.

22 марта 1880 г. находившийся в Петербурге командующий войсками Восточно-Сибирского военного округа Д.Г. Анучин написал военному министру Д.А. Милютину, что «настоящие отношения с Китаем могут повлечь к недоразумениям и пожалуй вооружённому столкновению на границе Восточной Сибири. Южно-Уссурийскому краю грозит нападение если не регулярных китайских войск, то толпы тех разбойников, которые, к сожалению, в наших пределах могут найти себе сообщников в весьма значительном китайском населении, сидящем между Владивостоком и озером Ханка. Не говоря уже об усложнении вопроса нападением китайцев на Владивосток с моря. Для защиты этого края у нас имеется всего четыре батальона, вооружённых не вполне соответственно современным требованиям науки. Может случиться, что китайские войска, отчасти, будут вооружены даже лучше чем наши». Поэтому он предлагал воспользоваться предстоящим отплытием военных кораблей на Дальний Восток для отправки туда воинских частей, оружия, артиллерии, боеприпасов и снаряжения, а также, пока он ещё в Петербурге, немедленно созвать для обсуждения всех этих вопросов Особое совещание **[28, с. 32–33]**. Его заседание состоялось уже 14 апреля 1880 г. и на нём был принят ряд важнейших военно-административных решений.

Одновременно в Главном штабе, тщательно проанализировав всю полученную от Анучина и из штаба Восточно-Сибирского военного округа информацию, подготовили в апреле 1880 г. на Высочайшее имя доклад «о мерах защиты Приамурского края и усиления войск Восточно-Сибирского военного округа». Он содержал подробные выкладки о количестве и качестве имевшихся на Тихоокеанском побережье России войск и предусматривал целый комплекс мероприятий по обороне как сухопутной, так и морской границы. 24 апреля Александр II утвердил все предложенные в нём меры **[28, с. 34–44]**.

Направленное в связи с этим в Иркутск предписание подробно разъясняло, какие переформирования войск нужно произвести. Результатом должно было стать создание, в дополнение к существующим частям, Восточно-Сибирской стрелковой бригады 4-батальонного состава (1-й–4-й Восточно-Сибирские стрелковые батальоны), Восточно-Сибирской сапёрной роты, Владивостокской крепостной артиллерийской роты, Николаевской крепостной артиллерийской команды, трёх новых местных команд на о. Сахалин, а также усиление состава и изменение дислокации ряда имеющихся частей. Предписывалось также образовать во Владивостоке крепостное артиллерийское управление, а 1-ю и 2-ю батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, независимо от полевых орудий, снабдить каждую четырьмя горными орудиями и иметь запряжёнными по 4 полевых орудия при двух зарядных ящиках на батарею и по 4 горных орудия с полным количеством ящиков. В 3-й горной батарее этой бригады содержать лошадей на все орудия и ящики. Был предусмотрен и ряд военно-административных мер **[28, с. 45–50]**.

Большая часть этой программы была приведена в исполнение в том же 1880 г. Кроме того, во второй половине 1880 г. Д.Г. Анучин

обратился в Военное министерство с представлением о необходимости сформировать ещё одну конную сотню, о которой говорилось в докладе Главного штаба **[28, с. 64–67]**. 23 октября 1880 г. было Высочайшее повелено сформировать 2-ю Уссурийскую казачью конную сотню **[14, с. 90; 15, с. 312]**. К началу 1881 г. обе сотни были переименованы в 1-ю и 2-ю Уссурийские конные сотни и окончательно переведены на регулярную основу **(РНБ. Приказ по войскам** Вост.-Сиб. в. о. **№ 215 от 15 ноября 1880 г.; ПВВ № 12 от 19 января 1881 г.; ПВВ № 75 от 25 марта 1881 г.) [22, т. 55, № 61736]**. К концу весны 1881 г. 2-ю сотню доформировали в Чите и с открытием навигации отправили в Южно-Уссурийский край **[28, с. 67]**.

Параллельно с этим, по предписанию военного министра «с указанием способов обороны устьев Амура и Владивостока», в этих пунктах производились масштабные оборонительные работы **[28, с. 56–63; 1, с. 26–48]**. Все возможное содействие военному ведомству оказал ВМФ и Доброфлот, на который, в условиях отсутствия железнодорожного сообщения центральных районов империи с территориями Дальнего Востока, ложилась вся тяжесть военных перевозок. Более того, морским ведомством был поднят вопрос об усилении российского военно-морского присутствия в водах Тихого океана и начата разработка планов ведения войны против Китая, вплоть до высадки десанта в районе восточнее Пекина, с целью нанесения удара по коммуникациям войск Ли Хунчжана **[18, с. 33–60]**.

До возможного начала военных действий с Китаем оставалось совсем немного, когда на Особом совещании по вопросу о Кульдже в сентябре 1880 г. министр финансов А.А. Абаза заявил, что для России выгоднее отказаться от торговых преимуществ Ливадийского договора, чем начинать войну с Китаем. Мирные переговоры возобновились, что и привело к подписанию 12 февраля 1881 г. Петербургского договора. Илийский край возвращался Китаю, за исключением незначительной части территории в его западной оконечности. Небольшое исправление границы предполагалось произвести в верховьях Чёрного Иртыша. При этом сумма выплат российской стороне возрастала с 5 до 8 млн руб., а льготы для русских купцов были существенно расширены **[6, с. 187–262]**. От том, насколько велика была вероятность начала войны говорит тот факт, что дальневосточные военные и чиновники в официальной переписке достаточно часто называли Санкт-Петербургский договор 1881 г. «заключением мира», хотя никакой войны между двумя государствами не было **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697. Л. 182, 183)**.

Таким образом, с конца 40-х гг. XIX в. внешнеполитический фактор оказывал заметное влияние на развитие военно-сухопутных сил Российской империи на Дальнем Востоке. После Манзовской войны 1868 г. его роль резко возросла, а после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. он приобрёл решающее значение, став определяющим.

Причина была в том, что внешнеполитическая ситуация на дальневосточных границах России во второй половине 60-х–70-х гг. XIX в. была крайне неустойчивой и характеризовалась большим количеством периодически сменяющих друг друга угроз. Огромное влияние на неё оказывали последовательно вторая «опиумная» война, восстание тайпинов, комплекс проблем так называемого «Восточного вопроса», а также ситуация в Средней Азии и на всём протяжении русско-китайской границы.

Особой проблемой было находящееся на территории Южно-Уссурийского края и практически неподконтрольное ни русскими, ни китайским властям китайское население, отказывавшееся признать российский суверенитет над этой территорией и соблюдать установленный

порядок и законность. Манзовская война 1868 г. всерьёз обратила внимание на эту ситуацию как местных, так и центральных российских военных и гражданских властей. Однако её окончательное разрешение из-за недостатка сил, средств и упорства местных властей растянулось на долгие десятилетия, в течение которых китайский этнический бандитизм продолжал оставаться на «далёкой окраине» серьёзной проблемой.

В 1878 г. ситуация на Дальнем Востоке чуть было не переросла в боевые действия с Британской империей, поскольку в случае её вступления в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. удар по тихоокеанскому побережью России был неизбежен, а в 1879 г. – в войну с Китаем. Однако каждый раз, благодаря грамотным действиям внешнеполитического и военного ведомств, ситуацию удавалось стабилизировать буквально в последний момент. Всё это, в свою очередь, приводило к периодическому усилению внимания в столице как к Дальнему Востоку в целом, так и к расположенным на дальневосточных территориях империи русским войскам в частности. Увеличение численности и активизация боевой подготовки последних были напрямую связаны с указанными внешнеполитическими осложнениями и являлись их прямым следствием

◆

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Часть I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. 383 с.

2. Авилов Р.С. «Для охранения границ Южно-Уссурийского края сформировать…» История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2011. 181 с.

3. Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа. // Вестник ЧелГУ. 2012. Вып. 51. № 16. С. 18–25.

4. Алябьев Г. Далёкая Россия. Уссурийский край. С картою и рисунками. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1872. 116 с.

5. Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.д. Сытина, 1914. Т. 14–15.

6. Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. 441 с.

7. Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и её китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 427–459.

8. Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: ЗАО «Центрполиграф», 2010. 254 с.

9. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. в России. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1952. 361 с.

10. Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. документов, воспоминаний статей и писем. 2-е изд. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во. Камчат. отд-ние, 1989. 270 с.

11. Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск: Тип. Войскового Правления Амурского казачьего войска, 1912. 221 с.

12. История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Междунар. отношения, 1997. 384 с.

13. История дипломатии. Т. II. М.: Госполитиздат, 1963. 820 с.

14. Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). По 1 июля 1914 г. Справочная книжка Императорской главной квартиры. Изд. 3-е. СПб., 1914. 518 с.

15. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1 апреля 1912 г. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912. 480 с.

16. Клименко Н.П. Колониальная политика Англии на Дальнем Востоке в середине XIX в. М.: Наука, 1976. 308 с.

17. Кондратенко Р.В. Манзовская война. Дальний Восток 1868 г. СПб.: «Издательство Остров», 2004. 143 с.

18. Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX века. СПб.: Изд-во «ЛеКо», 2006. 344 с.

19. Кондратенко Р.В. Российские морские агенты об усилении японского флота в конце XIX – начале XX века. // Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Междунар. ист. сб. под ред. О.Р. Айрапетова. М.: Три квадрата, 2004. С. 56–75.

20. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток: Тип. Н.П. Матвеева 1910. 192 с.

21. Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб.: Береста, 2003. 960 с.

22. Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб.: Тип. II отделения собственной ЕИВ Канцелярии, 1850–1881. Т. 39, 40, 44, 48, 51, 55.

23. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1866 г. СПб.: Военная тип., 1866. 301 с.

24. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 марта 1870 г. СПб.: Военная тип., 1870. 320 с.

25. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 июня 1875 г. СПб.: Военная тип., 1875. 352 с.

26. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 января 1877 г. СПб.: Военная тип., 1877. 375 с.

27. Росписание сухопутных войск, исправленное по 25 апреля 1878 г. СПб.: Военная тип., 1878. 431 с.

28. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. II. Иркутск: Тип. Штаба Вост. Сибирского военного округа, 1884. 351 с.

29. Сборник договоров России с Китаем 1869–1881. СПб.: Тип. Императорской АН, 1889. 271 с.

30. Светлов Р. «Полицейские войны» // Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 358–397.

31. Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий, КМК, 2012. 454 с.

32. Энциклопедия военных и морских наук: 8 т. Т. 1. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1883. 572 с.

33. Nish J. Politics, trade and communications in the East Asia: thoughts on Anglo-Russian relations, 1861–1907 // Modern Asian Studies, Vol. 21, No. 4 (1987) P. 667–678.

34. Menning B.W. "Bayonets before bullets". The Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 334 p.

35. Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. Shanghai: "North-China Herald" Office, 1902. 332 p.

36. Wilson A. The "Ever-victorious army". A history of the Chinese Campaign. Lnd. and Edinburgh: William Blackwood and sons, 1868. 395 p.

37. Wolseley G.J. Narrative of the war with China in 1860. Lnd.: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. 415 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CHast' I. «Nazlo nadmennomu sosedu». 1860–1905 gg. Vladivostok: Dal'nauka, 2013. 383 s.

2. Avilov R.S. «Dlya okhraneniya granits YUzhno-Ussurijskogo kraya sformirovat'…» Istoriya sozdaniya i sluzhby regulyarnoj kavalerii na Dal'nem Vostoke Rossii (1869–1914 gg.). Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 181 s.

3. Avilov R.S. Realizatsiya voenno-okruzhnoj reformy 1862–1865 godov v Vostochnoj Sibiri i na rossijskom Dal'nem Vostoke: sozdanie Vostochnogo Sibirskogo voennogo okruga. // Vestnik CHelGU. 2012. Vyp. 51. № 16. S. 18–25.

4. Alyab'ev G. Dalyokaya Rossiya. Ussurijskij kraj. S kartoyu i risunkami. SPb.: Tip. t-va «Obshhestvennaya pol'za», 1872. 116 s.

5. Voennaya ehntsiklopediya. SPb.: T-vo I.d. Sytina, 1914. T. 14–15.

6. Voskresenskij A.D. Diplomaticheskaya istoriya russko-kitajskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora 1881 goda. M., 1995. 441 s.

7. Gurevich B.P. Istoriya «Ilijskogo voprosa» i eyo kitajskie fal'sifikatory // Dokumenty oprovergayut. Protiv fal'sifikatsii istorii russko-kitajskikh otnoshenij. M.: Mysl', 1982. S. 427–459.

8. Ershov D.V. KHunkhuzy: neob"yavlennaya vojna. EHtnicheskij banditizm na Dal'nem Vostoke. M.: ZAO «TSentrpoligraf», 2010. 254 s.

9. Zajonchkovskij P.A. Voennye reformy 1860–1870 gg. v Rossii. M.: Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1952. 361 s.

10. Zashhitniki Otechestva: Geroicheskaya oborona Petropavlovska-Kamchatskogo v 1854 g.: Sb. ofits. dokumentov, vospominanij statej i pisem. 2-e izd. Petropavlovsk-Kamchatskij: Dal'nevost. kn. izd-vo. Kamchat. otd-nie, 1989. 270 s.

11. Ivanov R.S. Kratkaya istoriya Amurskogo kazach'ego vojska. Blagoveshhensk: Tip. Vojskovogo Pravleniya Amurskogo kazach'ego vojska, 1912. 221 s.

12. Istoriya vneshnej politiki Rossii. Vtoraya polovina XIX veka. M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1997. 384 s.

13. Istoriya diplomatii. T. II. M.: Gospolitizdat, 1963. 820 s.

14. Kavaleriya (Krome gvardejskikh i kazach'ikh chastej). Po 1 iyulya 1914 g. Spravochnaya knizhka Imperatorskoj glavnoj kvartiry. Izd. 3-e. SPb., 1914. 518 s.

15. Kazach'i vojska. Kratkaya khronika kazach'ikh vojsk i irregulyarnykh chastej. Po 1 aprelya 1912 g. Spravochnaya knizhka Imperatorskoj Glavnoj Kvartiry. SPb., 1912. 480 s.

16. Klimenko N.P. Kolonial'naya politika Anglii na Dal'nem Vostoke v seredine XIX v. M.: Nauka, 1976. 308 s.

17. Kondratenko R.V. Manzovskaya vojna. Dal'nij Vostok 1868 g. SPb.: «Izdatel'stvo Ostrov», 2004. 143 s.

18. Kondratenko R.V. Morskaya politika Rossii 80-kh godov XIX veka. SPb.: Izd-vo «LeKo», 2006. 344 s.

19. Kondratenko R.V. Rossijskie morskie agenty ob usilenii yaponskogo flota v kontse XIX – nachale KHKH veka. // Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Vzglyad cherez stoletie. Mezhdunar. ist. sb. pod red. O.R. Ajrapetova. M.: Tri kvadrata, 2004. S. 56–75.

20. Matveev N.P. Kratkij istoricheskij ocherk g. Vladivostoka 1860–1910 gg. Vladivostok: Tip. N.P. Matveeva 1910. 192 s.

21. Petrov A.I. Istoriya kitajtsev v Rossii, 1856–1917 gody. SPb.: Beresta, 2003. 960 s.

22. Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (PSZ RI). Sobranie vtoroe (II): v 55 t. SPb.: Tip. II otdeleniya sobstvennoj EIV Kantselyarii, 1850–1881. T. 39, 40, 44, 48, 51, 55.

23. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 yanvarya 1866 g. SPb.: Voennaya tip., 1866. 301 s.

24. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 marta 1870 g. SPb.: Voennaya tip., 1870. 320 s.

25. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 iyunya 1875 g. SPb.: Voennaya tip., 1875. 352 s.

26. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 yanvarya 1877 g. SPb.: Voennaya tip., 1877. 375 s.

27. Rospisanie sukhoputnykh vojsk, ispravlennoe po 25 aprelya 1878 g. SPb.: Voennaya tip., 1878. 431 s.

28. Sbornik glavnejshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoj Sibir'yu. T. I. Vyp. II. Irkutsk: Tip. SHtaba Vost. Sibirskogo voennogo okruga, 1884. 351 s.

29. Sbornik dogovorov Rossii s Kitaem 1869–1881. SPb.: Tip. Imperatorskoj AN, 1889. 271 s.

30. Svetlov R. «Politsejskie vojny» // Opiumnye vojny: Obzor vojn evropejtsev protiv Kitaya v 1840–1842, 1856–1858, 1859 i 1860 godakh. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. S. 358–397.

31. Sergeev E.YU. Bol'shaya igra, 1856–1907 gg.: mify i realii rossijsko-britanskikh otnoshenij v TSentral'noj i Vostochnoj Azii. M.: Tovarishhestvo nauchnykh izdanij, KMK, 2012. 454 s.

32. EHntsiklopediya voennykh i morskikh nauk: 8 t. T. 1. SPb.: Tip. Bezobrazova i komp., 1883. 572 s.

33. Nish J. Politics, trade and communications in the East Asia: thoughts on Anglo-Russian relations, 1861–1907 // Modern Asian Studies, Vol. 21, No. 4 (1987) P. 667–678.

34. Menning B.W. "Bayonets before bullets". The Imperial Russian army, 1861–1914. Bloomington: Indiana University Press, 1992. 334 p.

35. Treaties between the Empire of China and foreign powers. 4th edition. Shanghai: "North-China Herald" Office, 1902. 332 p.

36. Wilson A. The "Ever-victorious army". A history of the Chinese Campaign. Lnd. and Edinburgh: William Blackwood and sons, 1868. 395 p.

37. Wolseley G.J. Narrative of the war with China in 1860. Lnd.: Longman, Green, Longman, and Roberts, 1862. 415 p.

УДК 94(571.6)
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/85-94

Прудкогляд Т.В., Агапов В.Л.
Prudkoglyad T.V., Agapov V.L

«Уссурийская окраина» и другие газеты: из истории газетных войн в городе Никольск-Уссурийском (1907–1916 гг.)

"Ussuriyskaya okraina" and other newspapers: from the history of the newspaper wars in Nikol'sk-Ussuriysk city (1907–1916)

Начало XX в. было временем коммерциализации русской журналистики, в том числе провинциальной. В борьбе за немногочисленного ещё в те годы местного читателя и рекламодателя городские газеты вели между собой настоящие войны, в которых использовались различные, иногда довольно «грязные» методы. Победителем этих войн в городе Никольск-Уссурийском стала газета К. И. Лепина «Уссурийская окраина» («Уссурийский край»). В статье на основании неопубликованных документов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и подшивок газеты из собрания Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева рассказывается об этих газетных войнах.

Ключевые слова: *Российская империя, Приморская область, Никольск-Уссурийский, газетные войны, «Уссурийская окраина», К. И. Лепин*

◆

The beginning of XX century was a time of commercialization of Russian journalism, including the provincial. In the struggle for local readers and advertisers not numerous in those years city newspapers waged paper wars with using different, sometimes quite "dirty" techniques. The winner of these wars in the city of Nikol'sk-Ussuriysk became Karl Lepin's newspaper «Ussuriyskaya okraina» («Ussuri region»). The article based on unpublished documents of Russian State Historical Archive of the Far East and the collection of papers from the Primorsky State Museum named after V.K. Arsen'ev deals with the history of these newspaper wars.

Key words: *Russian Empire, Primorskaya oblast', Nikol'sk-Ussuriysk, newspaper wars, «Ussuriyskaya okraina», K.I. Lepin*

Во время первой мировой войны Карл Иванович Лепин был одним из самых влиятельных людей в Никольск-Уссурийском. При этом он не был очень богат и вовсе не дружил с властями. Своим исключительным положением Лепин был обязан одному счастливому для него обстоятельству: он издавал единственную в городе газету. В начале XX в. во всех уголках Российской империи пресса уже стала важным фактором влияния и средством формирования общественного мнения. Конечно, провинциальным изданиям было далеко до тиражей и популярности столичных газет, таких как петербургское «Новое время» и московское

ПРУДКОГЛЯД Татьяна Владимировна, к.и.н., профессор департамента коммуникаций и медиа ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** tvpress@mail.ru

АГАПОВ Вадим Львович, к.и.н., доцент департамента коммуникаций и медиа, ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** agapov_vl@mail.ru

«Русское слово». Но в пределах территории своего распространения они демонстрировали тенденции, характерные для массовой коммерческой прессы своего времени.

Цель статьи – на примере газеты «Уссурийская окраина» (с 1914 г. – «Уссурийский край») показать нравы дальневосточной журналистики накануне Февральской революции 1917 г.

Самые общие сведения о газете Лепина содержатся в справочнике Л.Н. Беляевой, М.К. Зиновьевой и М.М. Никифорова. «Уссурийская окраина». Ежедневная газета. Выходила в г. Никольск-Уссурийском (Приморской области) в 1908–1913 гг. С 1912 г. имела подзаголовок: «Ежедневная политическая, общественная, литературная и экономическая газета, посвящённая преимущественно местным и дальневосточным интересам и нуждам». Редакторы-издатели (разновременно): К.И. Лепин (1908–1913), П.В. Михайлов (1911), Н.Н. Павлов (1911), И.И. Соломко (1913). «Уссурийский край». Выходила вместо «Уссурийской окраины» в 1914–1917 гг. Издатель: К.И. Лепин. Редакторы (разновременно): К. И. Лепин (1914–1917), С.И. Губарев (1915), Н.С. Раменский (1916) **[5]**.

История «Уссурийской окраины» берёт своё начало 15 сентября 1907 г., когда Карл Лепин подал на имя военного губернатора Приморской области прошение о разрешении ему издания в Никольск-Уссурийском ежедневной газеты с таким названием. «Программа: 1) Телеграммы, 2) Статьи по текущим вопросам, 3) Местная хроника, 4) Хроника Дальнего Востока, 5) Сельскохозяйственный отдел, 6) Промышленный отдел, 7) Судебный отдел, 8) Корреспонденции, 9) Фельетоны и 10) Смесь». Подписка 7 рублей в год. «Газета будет печататься в типографии Федора Викторовича Мисюры «Никольск-Уссурийский листок», взятой мною в арендное пользование» **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2640. Л. 1)**. Свидетельство на право издания газеты «Уссурийская окраина» было выдано 20 сентября 1907 г. **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2640. Л. 4)**. Но по-настоящему газета стала выходить с 1908 г. Типография, которая в 1910 или 1911 г. была приобретена Лепиным в собственность, располагалась по адресу улица Бульварная (современная Агеева), дом 81 **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2640. Л. 42)**.

В Никольск-Уссурийском газете Лепина пришлось выдержать серьёзную конкуренцию в борьбе за «место под солнцем» с газетами «Никольск-Уссурийский» («Торговый день»), «Приморский край» и «Уссурийский голос» («Уссурийская мысль»).

Разберём ход газетных войн и методы их ведения в Никольск-Уссурийском. Предварительно отметим, что до наших дней дошли только отголоски событий столетней давности – в виде газетных публикаций, которые и рассматриваются в данной главе. Лишь в некоторых (немногих) случаях имеется достаточная информация о тех людях, чьи интересы затрагивались в прессе. Гораздо чаще, к сожалению, нам остаётся только догадываться о том, что именно происходило в городе и в чём причина тех или иных газетных симпатий и антипатий.

Конфликт «Уссурийской окраины» и «Торгового дня» (1910–1911 гг.) произошёл, вероятно, из-за того, что оба этих издания поддерживали разных кандидатов на выборах в городскую думу. Лепин продвигал врача Константина Петровича Васильева, о котором у нас ещё будет случай поговорить позже **[14]**. А претендент на пост городского головы от неугодной Лепину партии инженер А.А. Виноградов удостоился от «Уссурийской окраины» нелестных характеристик: «Избиратели относятся скептически к г. Виноградову. Не одобряют его деятельности инженера по постройке казённых зданий... Построенный г. Виноградовым народный дом не отличается тоже строительными достоинствами...

На общественном поприще г. Виноградов проявил себя впервые в роли председателя соединённого собрания доносами и культивированием «шмендефера» [шмен-де-фер – популярная в те годы азартная карточная игра] дальше...» **[33]**. После выборов, состоявшихся 2 января, газета с удовлетворением писала, что «Виноградов получил неизбирательных чёрных шариков 105» (поддерживаемый Лепиным Васильев получил 103 белых и 81 чёрный) **[22]**.

На травлю со стороны «Уссурийской окраины» А.А. Виноградов ответил в № 9 «Торгового дня», разразившись «целым потоком ругательств по адресу редакции и сотрудников нашей газеты...» **[31]**. Реакция «Уссурийской окраины» последовала 14 января: «Стоило только сказать газете, призванной стоять на страже общ. интересов, что г. Виноградов напрасно беспокоился насчёт «головы», что для «головы» у него нет головы, а есть «незавидное» прошлое, как вся «интеллигентность» г. Виноградова исчезла, и он стал в разряд «извозчиков» и начал площадную базарную ругань, измышляя на нашу редакцию всевозможные небылицы...» **[23]**. В статье «Вынужденный ответ «Торговому дню»» сам Лепин писал: «Созданный на субсидии, существующий на шмендеферных подачках соединённого собрания и желающих выслужиться у лиц «имущих», эта позорящая печатное слово «газета» за последние дни пытается внести в среду общества раздор, пытается разными небылицами дискредитировать пред обществом газету «Уссурийская окраина» и меня, её редактора» **[15]**.

Из этих и других публикаций «Уссурийской окраины» видно, что Лепин за что-то недолюбливал старый состав городской думы, работавший до 1911 г., и вёл против него планомерную кампанию чёрного пиара. В этой борьбе, естественно, доставалось и газете «Торговый день», поддерживавшей «стародумцев».

16 января в помещённом в письме в редакцию некий «Е. Адаменко» (вероятно, просто псевдоним кого-нибудь из сотрудников или самого Лепина), рассказав о том, как ему в руки случайно попала газета «Торговый день», восклицал: «И какая же гадость этот «Торговый день»! Какой только мерзости не найдёшь в нём!?» **[26]**. В другом письме по поводу одной заметки «Торгового дня» говорилось: «Это даже не заметка, а, вернее сказать, набор несвязных слов, без всякой логики и смысла, выпадающих из головы писавшего заметку, как видно, больного ненормального человека...» **[27]**. Отдел хроники в заметке «Успехи никольских гамзей гамзеевичей» обвинял издателей «Торгового дня» в том, что они доносят на «Уссурийскую окраину» администрации и таким нечестным способом добиваются закрытия конкурирующей газеты **[38]**. Итог же всему подвела заметка от 4 марта 1911 г.: «Вчера «Торговый день» кончил, и, надо сказать, к сожалению, своё неславное 2-месячное существование. Вместо «Торгового дня» вышел первый номер газеты «Никольск-Уссурийский», прекращённой в прошлом году его основателем ред.-изд. В.А. Крузе» **[36]**.

На самом деле «Торговый день» не прекратился совсем, а стал выходить в качестве еженедельного приложения к газете «Никольск-Уссурийский», просуществовав в итоге с 9 декабря 1910 по 11 мая 1911 гг. (всего 107 номеров). Сама же газета «Никольск-Уссурийский» выходила чуть дольше: с 15(?) июня 1909 по 15 июня 1910 г. и с 3 марта по 14 мая 1911 г. (всего 302 номера). На закрытие её хроникёр «Уссурийской окраины» откликнулся следующей эпитафией: «За истощением средств прекращено издание газеты «Никольск-Уссурийский» и приложения к нему «Торговый день». Видимо, в Сибири черносотенные идеи далеко не популярны и имеют очень мало последователей» **[34]**.

На несколько месяцев газета Лепина осталась единственной в городе Никольск-Уссурийский, пока 2 августа 1911 г. у неё не появился новый конкурент – «Приморский край». «Мочить» эту газету «лепинские молодцы» начали с самого первого её номера. «Приморскому краю» посвящён фельетон под названием «Новая газета» из № 163 «Уссурийской окраины» от 4 августа 1911 г. В фельетоне рассказывалось, что фактическим издателем «Приморского края» является «общеизвестный «водочный король» – Пьянков, а редактором, тоже фактическим, небезызвестный «общественный деятель» – присяжный поверенный Федотов [выделено в тексте фельетона]». «В передовой статье... присяжный поверенный, с согласия водочного короля, говорит о благе Дальнего Востока, «об необходимости прочных общественных организаций (sic!) », о «совместной работе интеллигентных сил»...» Дальше говорилось, что первый номер новой газеты заполнен рекламой водки и прочих спиртных напитков, и делался вывод: «Итак: на первый призыв Федотова и водочного короля кое-кто откликнулся и «прочная общественная организация», как оказывается, уже имеется налицо и состоит: из водочного синдиката Пьянкова, «литератора» Федотова и других им подобных «компаньонов»... С помощью своего специального печатного органа эта компания, безошибочно можно сказать, ещё в крае разовьёт «благо», заключающееся в насаждении кабаков...» **[6]**.

В фельетоне «На злобу дня» из номера от 11 августа рассказывалось, как Пьянков хочет пролезть в Государственную Думу и «в целях агитации издаёт специальный орган, в котором специальные сотрудники пишут панегирики обиженным людьми и проклятым Богом «мерзавчикам», «стопочкам» и другим «посудинам» с пьянковскими изделиями». В этой публикации «Приморский край» получил от «Уссурийской окраины» прозвище «пьянковка», по фамилии владельца **[1]**. Эта же «водочная» тема эксплуатировалась и в фельетоне «Реклама» из номера от 14 августа. Он представлял собой рассказ о том, как присяжный поверенный Вазелин Вазелинович Фитьфить, редактор газеты «Чего изволите», пишет для № 5 своей газеты фельетон «Бутылки» [действительно, такой фельетон был опубликован в № 5 «Приморского края»], построенный в виде диалога бутылок, разглагольствующих о свободе, равенстве и социализме, достижимых благодаря алкоголю **[7]**.

О том, как редактору «Приморского края» пришла в голову такая идея, повествовал фельетон «Никольский юмор», опубликованный 13 октября: ««Пьянковку» усердно читал только сам г. Пьянков, а его присные начали её распространять в среде никольцев. Пьянков своей газетой зачитывался, а никольцы, прочитав номер-два, перестали её не только покупать, но и бесплатно брать». Тогда Пьянков обратился в редакцию юмористического журнала «Стрекоза» с просьбой дать ему юмориста. Там решили подшутить, и с самого дна переполненной редакционной корзины извлекли «юмориста» г. Полярного (псевдоним редактора «Приморского края» Федотова). Его-то и отправили в Никольск писать фельетоны о пользе водки, так понравившиеся Пьянкову» **[24]**.

Доставалось от «Уссурийской окраины» также и частным лицам, которым не посчастливилось иметь отношение к «Приморскому краю» и его издателю. Например, осенью 1911 г. газета вела кампанию против доверенного Никольского отделения торгового дома «Чурин и Ко» А.И. Дыдышко, обвинявшегося Лепиным в причинении побоев клиентке за долг перед фирмой в 1500 рублей **[17; 30]**.

Конкуренты в долгу не оставались. 21 февраля 1912 г. «Приморский край» опубликовал письмо А.И. Дыдышко «Несколько слов на прощание К.И. Лепину», весьма красочно изображавшее нравы провинциальной прессы того времени. «Покидая Никольск, я чувствую по-

требность, даже больше, необходимость, сказать несколько слов по поводу мотивов и приёмов деятельности местного стража добродетели и истины, местного издателя «Уссурийской Окраины» К.И. Лепина... Мой долг предупредить читателя, рассказать ему о способе фабрикации разных заметок, вводящих его в заблуждение..., рассказать о том, как он «околпачивает» своих же, дающих ему кусок хлеба, читателей...» Далее он приводил наиболее характерные «факты»: «а) трогательное беспристрастие к «своему заказчику»» – однажды Лепин не напечатал жалобу одной дамы на некачественные ботинки, купленные ей в магазине, оказавшемся заказчиком Лепина; «б) оповещение о неудавшемся мошенничестве» – «Лепин... не задумался состряпать в своей газете заметку о «неудавшемся мошенничестве» и забросать грязью ни в чём не повинного человека»; «в) покушение на доброе имя фирмы, вина которой была лишь в том, что я был её доверенным» – в январе фирма Чурина устроила распродажу, и Лепин сначала написал заметку о том, что фирма распродаёт имущество, потому что ей грозит разорение, а потом заметку об «околпачивании» фирмой доверчивого покупателя; «г) открытие банкирской конторы в Никольске» – желая очернить Дыдышко, Лепин написал, будто бы тот наворовал столько денег, что теперь в силах открыть свою банкирскую контору.

В конце своего письма Дыдышко давал никольцам совет: «Читать только «Уссур. Окр.», печатать свои объявления только в этой газете и отдавать свои заказы исключительно в типографии К.И. Лепина – это гарантирует тогда вас от всякого публичного надругания, травли и инсинуации, что бы с вами ни случилось в жизни. Кстати, это даст и солидный заработок Карлу Ивановичу Лепину...» **[9]**.

Но это были ещё не самые грязные методы газетной войны. В том же номере от 21 февраля 1912 г. в «Приморском крае» было напечатано письмо наборщика Григория Петровского, рассказавшего историю о том, как он, придя в редакцию «Уссурийской окраины» за жалованьем, был там избит Лепиным, его женой и кухаркой, и чудом сумел спастись. «Сообщаю это всем, чтобы знали, что такое за человек этот редактор «Уссурийской окраины» и как он обращается с людьми» **[25]**. Вслед за этой публикацией газета поместила «Открытое письмо Карлу Ивановичу Лепину», подписанное «Роберт»: «...Смею Вас уверить, г. Лепин, что отныне образ избитого Вами наборщика будет, как тень, как судьба, стоять за всеми Вашими либеральными фразами..., не позволит отныне уважающему себя человеку сотрудничать в Вашей газете... Руками судьбы вся та грязь, которой Вы так долго и с таким неутомимым усердием обливали прохожих из окошек Вашей непочтенной газеты, ныне попадает по настоящему своему назначению, – целиком возвращается Вам, г. Лепин, обратно» **[32]**.

Если «Уссурийская окраина» стремилась очернить всех, кто близко стоял к изданию «Приморского края», то нападкам «Приморского края» подвергались люди, о которых хорошо отзывалась «Уссурийская окраина». Об одном из них «Приморский край» 29 февраля 1912 г. писал: «Изо дня в день в больнице творятся такие факты, которые понятны и допустимы лишь при взгляде врача Васильева, проповедующего своим сослуживцам, что больных надо не лечить, а уничтожать». Врач не пускает в больницу тяжело больных, чтобы не портить статистику, заботу о пациентах сваливает на фельдшеров и медсестёр, привозит в больницу проституток и устраивает оргии. «Дума должна немедленно назначить ревизию дел больницы и одновременно отстранить Васильева от должности» **[8]**.

Неизвестно, сколько бы ещё неприятностей доставила редактору «Уссурийской окраины» конкурирующая газета «Приморский край»,

если бы не закрылась 11 марта 1912 г. (всего 167 номеров) **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2300. Л. 3)**. В итоге на следующие полтора года (с марта 1912 по ноябрь 1913 г.) Лепин оказался редактором-издателем единственной газеты в городе Никольск-Уссурийском.

Новый раунд борьбы за умы и кошельки никольских читателей настал в 1914 г. После прекращения «Уссурийской окраины» (закрытой постановлением Приамурского генерал-губернатора 28 ноября 1913 г.) два месяца в Никольск-Уссурийском не выходило газет. В отношении самого Лепина было возбуждено несколько т.н. «литературных дел». В январе 1914 г. во Владивостокском окружном суде их рассматривалось целых восемь **[35]**.

1 февраля 1914 г. появилась газета «Уссурийский голос». Редактором-издателем её числился Н.Г. Сикорский, фактически газета издавалась Л.Л. Виноградовой – женой того самого инженера А.А. Виноградова, с которым Лепин враждовал с думских выборов 1911 г.

Возобновившаяся 18 марта 1914 г. под названием «Уссурийский край» «Уссурийская окраина» сразу же начала «давить» нового конкурента. Публикации «Уссурийского голоса» сравнивались Лепиным с «мусором» **[10; 12]**, в качестве единственного достоинства этой газеты называлось то, что она печатается на качественной мягкой бумаге, пригодной к широкому применению по хозяйству **[13]**, редактор обвинялся в клевете **[18]**. В фельетоне «Никольские праведники» подвергался нападкам издатель «Уссурийского голоса»: «...Главный праведник, конечно, г. Виноградов. Для души он издаёт газету, столь прогрессивную и благонамеренную, что грешнику от прочтения её даже тошно становится. Газету редактирует другой праведник, хотя и рангом пониже, но всё же преполезный человек. Больше всего он озабочен тем, чтобы в газету не попала невзначай проза жизни с её греховным налётом...» **[11]**. Конкурирующей газете посвящены и многие другие публикации «Уссурийской окраины»: «Странный случай» **[21]**, «Открытое письмо инженеру А.А. Виноградову» **[2]**, «Урок такта и общественности» **[3]**, «О разбойниках печати и вообще» **[4]** (автор – Н. Арефьев), ««Дворянину» из «Уссурийского голоса»» **[16]** и «Открытое письмо А.А. Виноградову» **[19]** (автор – Лепин). Выдержать такой напор для «Уссурийского голоса» оказалось невозможно – газета просуществовала всего 5 месяцев, её последний номер вышел 6 июля 1914 г. (всего 122 номера).

Пришедшая на смену «Голосу» «Уссурийская мысль» (официальный редактор-издатель В.Ф. Станкевич) «прожила» только 1,5 месяца – с 8 июля по 24 августа (всего 38 номеров). Как потом оказалось, сотрудники этой газеты месяцами не получали причитающееся им жалование, и осенью на страницах «Уссурийского края» неоднократно печатались их жалобы на издателей **[28; 29]**. Прекращение выхода «Уссурийской мысли» в первые недели первой мировой войны снова сделало Карла Ивановича Лепина на почти весь период войны монополистом на газетном рынке Никольск-Уссурийского, потому что вплоть до 1917 г. в городе не выходило ни одной газеты, кроме «Уссурийского края».

Методы, которые использовались редактором Карлом Ивановичем Лепиным в противостоянии с конкурентами, в наши дни могут показаться слегка неправильными, но в то время они не представляли собой ничего необычного. Причиной газетных войн, в которых участвовала и победила «Уссурийская окраина», следует искать не только в конкуренции городских газет за немногочисленного в провинции читателя. В нашем распоряжении нет сведений о тиражах никольск-уссурийских газет начала 1910-х гг., но владивостокские газеты в то время имели от 1000 до 5000 экз. **(РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 28. Л. 25)**. Поскольку население Владивостока составляло около 90 тыс. человек, а Никольск-Ус-

сурийского – 35 тыс., вряд ли в последнем газеты продавались лучше, чем в первом. При стоимости годовой подписки на «Уссурийский край» в 1914 г. в 7 рублей тираж в 1000 экз. давал издателю в лучшем случае 7 тыс. рублей, розничная продажа (5 копеек за номер), конечно, увеличивала эту цифру, но не принципиально.

В этой особенности бюджета газет, по нашему мнению, и скрыта истинная причина газетных войн. Чтобы выжить, провинциальные издания должны были обслуживать интересы тех или иных городских политических или финансовых группировок, предприятий, торговых домов, магазинов и т.п. Так, о хабаровской газете «Приамурье» полиция в 1913 г. сообщала, что она «издаётся на средства Емельянова» и «способствует последнему выгодно устраивать коммерческие дела» **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 19)**, а об издателе другой частной хабаровской газеты, И. Л. Миллере докладывала, что он «явился в край с небольшими сбережениями», а «в настоящее время состояние его исчисляется многими тысячами» **(РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 1368. Л. 20 а)**. Редактора владивостокской «Далёкой окраины» конкуренты обвиняли в том, что он находится на содержании у торгового дома «Кунст и Альберс» и задолжал ему большую сумму денег **[20]**. Из этой же серии выпады Лепина против «пьянковки», как в «Уссурийской окраине» называли газету «Приморский край». И, может быть, не так уж и не прав был А.И. Дыдышко, когда писал, что, если печатать свои объявления только в «Уссурийской окраине» и отдавать свои заказы исключительно типографии Лепина – то это является лучшей защитой «от всякого публичного надругания, травли и инсинуации» в этой газете.

Таким образом, газетные войны не имеют, собственно говоря, отношения к журналистике. Скорее, они представляют собой отразившиеся на газетных страницах дикие нравы тогдашнего российского предпринимательства.

◆

Литература

1. Аргус. Маленький фельетон. На злобу дня // Уссурийская окраина. 1911. 11 августа. С. 3.

2. Арефьев Н. Открытое письмо инженеру А. А. Виноградову // Уссурийский край. 1914. 9 мая. С. 3.

3. Арефьев Н. Урок такта и общественности // Уссурийский край. 1914. 18 мая. С. 3.

4. Ар-в Н. О разбойниках печати и вообще // Уссурийский край. 1914. 12 июня. С. 1.

5. Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никифоров М.М. Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; Под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. – Л.: [ГПБ], 1958–1961.

6. Бомов А. Маленький фельетон. Новая газета // Уссурийская окраина. 1911. № 163. 4 августа. С. 3.

7. Гном. Маленький фельетон. Реклама // Уссурийская окраина. 1911. 14 августа. С. 5.

8. Городская больница // Приморский край. 1912. 29 февраля. С. 2–3.

9. Дыдышко А.И. Несколько слов на прощание К.И. Лепину // Приморский край. 1912. 21 февраля. С. 4.

10. Езоп. Маленький фельетон. Мадам Тэб // Уссурийский край. 1914. 30 марта. С. 2.
11. Езоп. Маленький фельетон. Никольские праведники // Уссурийский край. 1914. 3 мая. С. 2.
12. Езоп. Маленький фельетон. Первый обыватель Никольск-Уссурийска // Уссурийский край. 1914. 19 марта. С. 2.
13. Езоп. Маленький фельетон. Свинская критика // Уссурийский край. 1914. 25 марта. С. 2.
14. Избиратели! // Уссурийская окраина. 1911. 1 января. С. 4.
15. Лепин К. И. Вынужденный ответ «Торговому дню» // Приложение к № 10 газеты Уссурийская окраина. 1911. 14 января.
16. Лепин К. «Дворянину» из «Уссурийского голоса» // Уссурийский край. 1914. 14 июня. С. 2.
17. Лепин К. Мой ответ г. Дыдышко // Уссурийская окраина. 1911. 16 октября. С. 3.
18. Лепин К. Н.Г. Сикорскому из «Уссурийского голоса» // Уссурийский край. 1914. 2 мая. С. 3.
19. Лепин К. Открытое письмо А. А. Виноградову // Уссурийский край. 1914. 6 июля. С. 2.
20. Местная жизнь. Вниманию общества. Ещё об издателе «Далёкой окраины» Пантелееве // Новости дня. 1915. 3 августа. С. 3.
21. Н.Д. Местная жизнь. Странный случай // Уссурийский край. 1914. 6 мая. С. 3.
22. Ольгин А. Из местной жизни. К городским выборам // Уссурийская окраина. 1911. 4 января. С. 3.
23. Ольгин А. Ответ А.А. Виноградову // Уссурийская окраина. 1911. 14 января. С. 2.
24. Омега. Маленький фельетон. «Никольский юмор» // Уссурийская окраина. 1911. 13 октября. С. 3.
25. Петровский Г. Письмо в редакцию // Приморский край. 1912. 21 февраля. С. 3.
26. Письмо в редакцию // Уссурийская окраина. 1911. 16 января. С. 4.
27. Письмо в редакцию // Приложение к № 29 газеты Уссурийская окраина. 1911. 6 февраля.
28. Письмо в редакцию // Уссурийский край. 1914. 1 октября. С. 3.
29. Письмо в редакцию // Уссурийский край. 1914. 4 октября. С. 3.
30. Письмо в редакцию. Дикая расправа // Уссурийская окраина. 1911. 9 октября. С. 3.
31. Редактор и сотрудники. Открытое письмо А. А. Виноградову // Уссурийская окраина. 1911. 6 января. С. 3.
32. Роберт. Открытое письмо Карлу Ивановичу Лепину // Приморский край. 1912. 21 февраля. С. 3.
33. Странный человек. Беспокойный человек // Уссурийская окраина. 1911. 1 января. С. 4.
34. Хроника. Закрытие газеты // Уссурийская окраина. 1911. 18 мая. С. 2.
35. Хроника. Литературное дело // Приморский край. 1914. 12 января. С. 3.
36. Хроника. Новая газета // Уссурийская окраина. 1911. 4 марта. С. 2.
37. Хроника. Телеграмма от собственного корреспондента // Уссурийский край. 1914. 5 июня. С. 3.
38. Хроника. «Успехи Никольских гамзей гамзеевичей» // Уссурийская окраина. 1911. 8 февраля. С. 3.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Argus. Malen'kij fel'eton. Na zlobu dnya // Ussurijskaya okraina. 1911. 11 avgusta. S. 3.
2. Aref'ev N. Otkrytoe pis'mo inzheneru A. A. Vinogradovu // Ussurijskij kraj. 1914. 9 maya. S. 3.
3. Aref'ev N. Urok takta i obshhestvennosti // Ussurijskij kraj. 1914. 18 maya. S. 3.
4. Ar-v N. O razbojnikakh pechati i voobshhe // Ussurijskij kraj. 1914. 12 iyunya. S. 1.
5. Belyaeva L.N., Zinov'eva M.K., Nikiforov M.M. Bibliografiya periodicheskikh izdanij Rossii, 1901–1916 / Gos. publ. b-ka im. M.E. Saltykova-SHHedrina; Pod obshh. red. V.M. Barashenkova, O.D. Golubevoj, N.YA. Morachevskogo. – L.: [GPB], 1958–1961.
6. Bomov A. Malen'kij fel'eton. Novaya gazeta // Ussurijskaya okraina. 1911. № 163. 4 avgusta. S. 3.
7. Gnom. Malen'kij fel'eton. Reklama // Ussurijskaya okraina. 1911. 14 avgusta. S. 5.
8. Gorodskaya bol'nitsa // Primorskij kraj. 1912. 29 fevralya. S. 2–3.
9. Dydyshko A.I. Neskol'ko slov na proshhanie K.I. Lepinu // Primorskij kraj. 1912. 21 fevralya. S. 4.
10. Ezop. Malen'kij fel'eton. Madam Tehb // Ussurijskij kraj. 1914. 30 marta. S. 2.
11. Ezop. Malen'kij fel'eton. Nikol'skie pravedniki // Ussurijskij kraj. 1914. 3 maya. S. 2.
12. Ezop. Malen'kij fel'eton. Pervyj obyvatel' Nikol'sk-Ussurijska // Ussurijskij kraj. 1914. 19 marta. S. 2.
13. Ezop. Malen'kij fel'eton. Svinskaya kritika // Ussurijskij kraj. 1914. 25 marta. S. 2.
14. Izbirateli! // Ussurijskaya okraina. 1911. 1 yanvarya. S. 4.
15. Lepin K. I. Vynuzhdennyj otvet “Torgovomu dnyu” // Prilozhenie k № 10 gazety Ussurijskaya okraina. 1911. 14 yanvarya.
16. Lepin K. “Dvoryaninu” iz “Ussurijskogo golosa” // Ussurijskij kraj. 1914. 14 iyunya. S. 2.
17. Lepin K. Moj otvet g. Dydyshko // Ussurijskaya okraina. 1911. 16 oktyabrya. S. 3.
18. Lepin K. N.G. Sikorskomu iz “Ussurijskogo golosa” // Ussurijskij kraj. 1914. 2 maya. S. 3.
19. Lepin K. Otkrytoe pis'mo A. A. Vinogradovu // Ussurijskij kraj. 1914. 6 iyulya. S. 2.
20. Mestnaya zhizn'. Vnimaniyu obshhestva. Eshhyo ob izdatele «Dalyokoj okrainy» Panteleeve // Novosti dnya. 1915. 3 avgusta. S. 3.
21. N.D. Mestnaya zhizn'. Strannyj sluchaj // Ussurijskij kraj. 1914. 6 maya. S. 3.
22. Ol'gin A. Iz mestnoj zhizni. K gorodskim vyboram // Ussurijskaya okraina. 1911. 4 yanvarya. S. 3.
23. Ol'gin A. Otvet A.A. Vinogradovu // Ussurijskaya okraina. 1911. 14 yanvarya. S. 2.
24. Omega. Malen'kij fel'eton. “Nikol'skij yumor” // Ussurijskaya okraina. 1911. 13 oktyabrya. S. 3.
25. Petrovskij G. Pis'mo v redaktsiyu // Primorskij kraj. 1912. 21 fevralya. S. 3.
26. Pis'mo v redaktsiyu // Ussurijskaya okraina. 1911. 16 yanvarya. S. 4.
27. Pis'mo v redaktsiyu // Prilozhenie k № 29 gazety Ussurijskaya okraina. 1911. 6 fevralya.
28. Pis'mo v redaktsiyu // Ussurijskij kraj. 1914. 1 oktyabrya. S. 3.
29. Pis'mo v redaktsiyu // Ussurijskij kraj. 1914. 4 oktyabrya. S. 3.

30. Pis'mo v redaktsiyu. Dikaya rasprava // Ussurijskaya okraina. 1911. 9 oktyabrya. S. 3.
31. Redaktor i sotrudniki. Otkrytoe pis'mo A. A. Vinogradovu // Ussurijskaya okraina. 1911. 6 yanvarya. S. 3.
32. Robert. Otkrytoe pis'mo Karlu Ivanovichu Lepinu // Primorskij kraj. 1912. 21 fevralya. S. 3.
33. Strannyj chelovek. Bespokojnyj chelovek // Ussurijskaya okraina. 1911. 1 yanvarya. S. 4.
34. KHronika. Zakrytie gazety // Ussurijskaya okraina. 1911. 18 maya. S. 2.
35. KHronika. Literaturnoe delo // Primorskij kraj. 1914. 12 yanvarya. S. 3.
36. KHronika. Novaya gazeta // Ussurijskaya okraina. 1911. 4 marta. S. 2.
37. KHronika. Telegramma ot sobstvennogo korrespondenta // Ussurijskij kraj. 1914. 5 iyunya. S. 3.
38. KHronika. “Uspekhi Nikol'skikh gamzej gamzeevichej” // Ussurijskaya okraina. 1911. 8 fevralya. S. 3.

УДК 316.33
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/95-104

Винокурова А.В.
Vinokurova A.V.

Жизненные стратегии и повседневные практики семей узбекских трудовых мигрантов (на примере Приморского края).

The life strategies and everyday practices of families of Uzbek migrant workers (on the example of Primorye territory)

В настоящее время в Приморье по числу трудовых мигрантов граждане Узбекистана занимают лидирующее положение. В работе рассматриваются жизненные стратегии и повседневные практики семей выходцев из Узбекистана. Результаты проведённого нами исследования позволили выявить направленность их стратегических ориентаций. Также исследование показало, что в семьях узбекских трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных ценностей (приоритет старших поколений, соблюдение национальных обычаев).

Ключевые слова: *социально-экономические развитие региона, Приморский край, миграционные процессы, семьи трудовых мигрантов, выходцы из Узбекистана, жизненные стратегии, повседневные практики*

◆

Currently in Primorye, according to the number of labor migrants are citizens of Uzbekistan takes the leading position. The paper discusses life strategies and everyday practices of families of immigrants from Uzbekistan. The results of our studies revealed a focus of their strategic orientations. The study also showed that in families of Uzbek labor migrants is the preservation of traditional values (the priority of the older generations, respect for national customs).

Key words: *socio-economic development of the region, Primorye territory, migration, families of migrant workers, natives from Uzbekistan, life strategies, everyday practices*

Современный этап развития общества сопровождается кардинальными преобразованиями и чаще всего определяется как социальная трансформация, под которой мы понимаем относительно быстрые, глубокие и качественные изменения во всех областях жизнедеятельности, в том числе и в сфере миграции. Россия, как и многие европейские страны, также столкнулась с этой проблемой, будучи привлекательной для мигрантов, в первую очередь, для выходцев из бывших республик СССР.

Несмотря на то, что основными «магнитами» для трудовых мигрантов являются такие мегаполисы, как Москва, Санкт-Петербург и др.,

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-03-50032 а(ф)

ВИНОКУРОВА Анна Викторовна, к.с.н., доцент департамента социальных и психологических наук ДВФУ *(г. Владивосток).* **E-mail:** vinokurova77@mail.ru

города Дальнего Востока также выступают центрами притяжения. Это связано с реализацией крупных инвестиционных проектов в Дальневосточном федеральном округе (ДФО): освоение нефтегазовых месторождений на Сахалине, месторождений вольфрамовых руд на севере Приморья, нефтепроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан», создание судостроительного комплекса «Звезда», строительство транспортного узла «Находка – Восточный», «Свободный порт Владивосток» и пр.

Приморский край является наиболее благоприятной территорией с точки зрения климатических, экономических и транспортных условий среди всех субъектов, входящих в Дальневосточный федеральный округ. Здесь благоприятный климат (среднегодовая температура +4,6О С), протяжённая береговая линия, множество удобных для заходов судов бухт, включая незамерзающие, часть бухт являются глубоководными. В Приморье имеется мощный экономический потенциал: морские порты с общим объёмом перевалки грузов в 2016 году в 114,3 млн тонн **[12]**, густая железнодорожная сеть, автодорожная сеть с плотностью в 1,5 раза выше среднероссийской **[22]**, развитая электросетевая структура, авиастроительные, судоремонтные, приборостроительные, автосборочные, механические, горнодобывающие предприятия, производства по переработке биологических ресурсов суши и моря, строительных материалов, другие предприятия.

Поэтому вполне закономерно, что Приморье – это самый заселённый дальневосточный регион, где сосредоточены наибольшие демографические ресурсы и трудовой потенциал *(см. табл. 1)*.

Сведения *табл. 1* показывают, что на 1 января 2017 г. численность населения Приморского края составляет около 2 млн чел. В других крупных дальневосточных регионах жителей значительно меньше. Так, в Хабаровском крае население примерно на полмиллиона меньше, а в Якутии – почти на миллион. Несмотря на относительное благополучие на фоне других субъектов ДФО, в Приморье сохраняется негативная демографическая ситуация. За 2016 г. число жителей Приморского края уменьшилось в среднем на 5,5 тыс. чел. **[21].**

Как мы отмечали ранее, при сложившейся в Приморье демографической структуре ожидать существенного роста рождаемости не приходится, поэтому в ближайшей перспективе в качестве основного источника демографического развития Приморского края следует рассматривать именно миграционный прирост **[7, с. 48]**. Начиная с 2010 г., по количеству прибывающих в Приморье мигрантов лидируют граждане Узбекистана **[6].** Это подтверждается и статистическими данными *(см. табл. 2)*[1].

К этому можно добавить, что численность представителей узбекской национальности, постоянно проживающих на территории Приморского края, неуклонно растёт. Об этом свидетельсвуют данные переписей 1989, 2002, 2010 гг. *(см. табл. 3)*.

Таким образом, узбеки относятся к одной из 10 наиболее многочисленных национальностей, проживающих в Приморье – от 2 тыс. чел. и выше. Кроме того, их численность в период 1989–2010 гг. увеличилась практически втрое.

Анализируя специфику поведения трудовых мигрантов из государств Средней Азии, мы, как и многие исследователи **[4; 8; 14; 24]**, делаем акцент на проблемах, связанных с их включенностью в социокультурную среду принимающего сообщества. В частности, можно обозначить сложности во взаимодействии с коренным населением в пло-

[1] Сведения предоставлены информированным источником из Управления по вопросам миграции Управления МВД России по Приморскому краю

Таблица 1. Численность населения в субъектах Дальневосточного федерального округа на 1 января 2017 г. (чел.)

Субъект ДФО	Численность населения (чел.)
Амурская область	801 752
Еврейская автономная область	164 217
Камчатский край	314 729
Магаданская область	145 570
Приморский край	1 923 116
Республика Саха (Якутия)	962 835
Сахалинская область	487 344
Хабаровский край	1 333 294
Чукотский автономный округ	49 822

Источник: [21].

скости «свой – чужой» / «мы – они», жилищно-бытовую неустроенность, сложности в процессе трудоустройства, негативные психологические переживания (тревожность, страхи, агрессия и т.п.), девиантные проявления, трудности некоторой части мигрантов в освоении русского языка.

Другими словами, для большинства мигрантов из стран Средней Азии, в том числе и из Узбекистана, на первый план выдвигается проблема интеграции в принимающем региональном сообществе. Эффективность и позитивное направление этого процесса зависит и от семейных взаимоотношений. В условиях адаптации на новом месте жительства семья для человека остаётся психологическим убежищем, сферой удовлетворения потребностей в общении и эмоциональном контакте, признании и самореализации.

Семья является одним из объектов, активно изучаемым в социологической науке. Так, авторы, придерживающиеся «кризисной» парадигмы, рассматривают семейные изменения как выражение деформации семейного образа жизни **[см. подробнее: 1; 25]**. Несмотря на ряд негативных тенденций, наблюдаемых в сфере семейных отношений, мы разделяем мнение представителей «модернизационной» парадигмы, которые отмечают, что в процессе трансформации современной семьи наблюдаются и позитивные явления **[см. подробнее: 9; 11]**.

Категории, репрезентирующие концепт «жизненные стратегии», исследовались, в той или иной степени, представителями разных направлений. Прежде всего, идея сознательной ориентации поведения человека нашла сове отражение в социологии повседневности. В частности, в феноменологии разработаны концепции субъективности и интерсубъективности поведения личности (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман), стратегического действия и взаимодействия (И. Гофман). В символическом интеракционизме (У. Томас, Ф. Знанецкий, Дж. Мид) рассматривается роль символов и значений в интерпретации людьми жизненной ситуации, конструировании ими действий **[см. подробнее: 5; 10; 17; 26; 27].**

Таблица 2. Основной поток иностранных трудовых мигрантов, въехавших в Приморский край за январь-декабрь 2016 г. (чел.)

Государство	Количество иностранных граждан, прибывших на территорию Приморского края с целью осуществления трудовой деятельности (чел.)
Узбекистан	43 877
КНР	42 702
КНДР	6 937
Кыргызстан	3 997
ВСЕГО:	97 513

Источник: составлено автором.

В отечественной социологии также следует отметить ряд подходов, в которых глубоко анализировались различные аспекты стратегического поведения личности: диспозиционной регуляции социального поведения (В.А. Ядов), целенаправленного поведения (Н.Ф. Наумова), жизненных ценностей (Н.И. Лапин) **[см. подробнее: 16; 19; 28]**. В настоящее время активный научный поиск учёных в области жизненных стратегий личности и групп объективно стимулируется социальной ситуацией, интенсивно и противоречиво изменяющейся в ограниченных временных рамках и, как следствие, преобразующей жизнь людей, их стратегии. Определёнными «вехами» в исследовании жизненных стратегий личности являются работы Ю.М. Резника и Т.Е. Резник. В них интегрируются выводы многих зарубежных и отечественных авторов, определяются специфика, механизм, типы стратегий **[23]**.

В то же время, на наш взгляд, жизненные стратегии семей трудовых мигрантов, проживающих в иноязычной, инокультурной среде принимающего регионального сообщества изучены недостаточно. Существенный вклад в разработку данной тематики внесли С.А. Арутюнов, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, В.И. Мукомель и др. **[см. подробнее: 2; 3; 13; 18]**. Ими было заложено инструментальное понимание этничности, обеспечивающее этническую интеграцию и дифференциацию общества.

Что касается анализа культурных аспектов интеграции трудовых мигрантов в принимающем дальневосточном сообществе, то здесь, в первую очередь, следует отметить коллективную монографию «Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.)» (2014). Особый интерес представляет анализ этномиграционных аспектов социально-политической безопасности на российском Дальнем Востоке **[15].** В то же время обращения дальневосточных авторов к теме жизненных стратегий и повседневных практик мигрантов и переселенцев из мусульманских государств, в том числе и стран Средней Азии (в частности, Узбекистана), с позиций социологии крайне редки.

Именно поэтому нами было проведено исследование, направленное на выявление жизненных стратегий и соответствующих им повседневных практик семей узбекских трудовых мигрантов, проживающих в Приморье. Исследование носило разведывательный характер, пилотаж проводился в апреле 2017 г., основные полевые работы – летом 2017 г. Основной метод сбора информации – неформализованное интервью. В качестве респондентов выступали члены семей выходцев из Узбекиста-

Таблица 3. Национальный состав населения Приморского края

	чел.			в % к указавшим национальную принадлежность		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010
Все население	2256072	2071210	1956497			
в том числе:						
указавшие национальную принадлежность	2255927	2052171	1811570	100	100	100
из них: Русские	1960554	1861808	1675992	86.91	90.72	92.52
Украинцы	185091	94058	49953	8.20	4.58	2.76
Корейцы	8454	17899	18824	0.37	0.87	1.04
Татары	20211	14549	10640	0.90	0.71	0.59
Узбеки	3356	1634	8993	0.15	0.08	0.50
Белорусы	21954	11627	5930	0.97	0.57	0.33
Армяне	2388	5641	5924	0.11	0.27	0.33
Азербайджанцы	2981	4411	3937	0.13	0.21	0.22
Китайцы	159	3840	2857	0.01	0.19	0.16
Мордва	9193	4307	2223	0.41	0.21	0.12
Немцы	4194	3578	2087	0.19	0.17	0.12
Чуваши	5129	3287	1960	0.23	0.16	0.11
Таджики	546	743	1885	0.02	0.04	0.10
Башкиры	2763	2101	1564	0.12	0.10	0.09
Молдаване	3755	2288	1433	0.17	0.11	0.08
Киргизы	707	453	1424	0.03	0.02	0.08
Казахи	2459	1296	1235	0.11	0.06	0.07

Источник: **[20]**.

на в возрасте старше 18 лет, прибывшие в Приморский край не более одного года назад. В ходе проведения эмпирического исследования было получено 24 интервью. Основную часть наших информантов составляют супружеские пары (т.е. их официальный семейный статус может быть обозначен как «женат» или «замужем»), за исключением 2 человек, которые имеют официальный семейный статус как «холост / не замужем», но в ближайшее время планируют вступить в брак. Все респонденты имеют образование не ниже полного (общего) среднего. О своих локациях (городское поселение, сельская местность и т.п.) в стране происхождения информанты говорили неохотно, поэтому объективной картины их распределения по данному критерию нам составить не удалось. Все полу-

ченные в ходе проведения интервью кейсы мы условно разделили на следующие основные группы.

Первую категорию семей узбекских трудовых мигрантов можно обозначить как «разделённую семью». Это означает, что одна часть семьи проживает в данный момент в Приморье, другие же члены этой семьи остались в Узбекистане. *«Мы с женой и маленькими детьми – здесь, а старшая дочь – там… дома… в Узбекистане осталась. Чего её дёргать? Она школу в этом году заканчивает, пусть спокойно доучится…»* (мужчина, узбек, таксист, 42 года). Как выяснилось, за такой непростой жизненной ситуацией стоит вполне рациональная система. *«Здесь детям лучше… В том смысле, что школа, больница… Хотя тяжело было устроить их в школу, но мы смогли...»* (женщина, узбечка, официантка, 37 лет). В целом, наши информанты положительно оценивают свои жизненные перспективы, планируют в дальнейшем остаться в Приморье на постоянное место жительства. Хотят, чтобы старшая дочь получала высшее образование уже в России. В данном кейсе налицо наличие нескольких инновационных элементов жизненного уклада: стремление к накоплению социокультурного капитала (поощрение общения детей-школьников с русскими одноклассниками, поиск возможностей для повышения уровня владения русским языком); изменение социального статуса женщины (желание дать дочери образование, занятость матери вне дома) и др. Жизненная стратегия носит долгосрочный характер в плане закрепления на территории пребывания.

Следующую категорию семей выходцев из Узбекистана мы условно определили как «временный союз». В этом случае речь идёт о том, что мужчина-мигрант имеет в Узбекистане законную семью (жену, детей), но в настоящее время совместно проживает с россиянкой, т.е. этот тип семейных отношений можно обозначить как фактическое сожительство. *«Да, конечно, он деньги им переводит, звонит детям, вот уезжал в Узбекистан… так… ненадолго, на неделю… Но в основном-то, он здесь со мной, я для него больше жена, чем там…»* (женщина, русская, продавец, 31 год). Можно предположить, что жизненный уклад опирается на наличие определённого социального статуса. Для женщины важен статус жены, и для неё не имеет принципиального значения, что брак не зарегистрирован, главное – «быть при мужчине». Для партнёра-мигранта также имеется ряд преимуществ: решение жилищного вопроса, нормальная организация быта и пр. *«Так легче получить более оплачиваемую работу, меньше расходов, вообще во всём проще…»* (мужчина, узбек, строитель, 29 лет). Жизненная стратегия амбивалентная, на первом плане – социально-статусная функция семьи. Но в такой ситуации мужчина-мигрант имеет больше преференций, чем его фактическая жена-россиянка. Женщины, состоящие в подобных союзах, часто подвергаются осуждению со стороны своих родственников, других представителей ближайшего окружения.

К этому можно добавить, что в настоящее время усиливается тенденция и к заключению официальных браков между трудовыми мигрантами – гражданами Узбекистана и россиянками. Вот показательная цитата из интервью с одним из наших информантов *«… Узбекистан не входит в Таможенный союз… Нам сложнее, чем тем же киргизам… Как вариант, можно получить российское гражданство, а затем и работу хорошую… Гражданство сложно получить, но если жениться, то проще… А что такого? Если девушка хорошая, если родители не против, то почему нет?..»* (мужчина, узбек, 24 года, рабочий).

Мы солидарны с мнением Т.И. Барсуковой и Л.А. Часовской. В настоящее время действительно меняется отношение родителей женихов-мусульман к вопросу создания семейного союза с российскими де-

вушками, которые не всегда принадлежат к мусульманскому сообществу. Другими словами, появляется новая социальная практика. Если раньше подобные союзы воспринимались достаточно критично, то сейчас такая реакция стала редкостью. На сегодняшний день браки узбеков с россиянками всё чаще заключаются с благословения родных, которые даже отправляются на свадьбу в Россию и оказывают финансовую помощь в организации торжества **[4, с. 10]**.

Ещё одна категория семей обозначается нами как «циркулирующая семья». В качестве показательного примера можно привести одну из семей наших информантов. Это супружеская пара и их взрослый сын, которые приехали на заработки. *«У старших детей уже свои семьи, дети… А младший с нами… Ему на свадьбу и приехали заработать… Мне проще, я уже бывал в разных российских городах на заработках… Везде земляки помогают, что, куда, где есть работа… Деньги всегда нужны, а сейчас вообще… Много расходов, калым и всё такое…»* (мужчина, узбек, строитель, 57 лет). *«Он у нас младший сын… Родители должны жить с его семьёй вместе… Накопим денег и домой… Там всё же лучше, дом как-никак… Здесь мне очень тяжело…»* (женщина, узбечка, помощница по дому, 52 года). *«Да, деньги нужны, вот и приехали… Но в планах вернуться и жить там…Хотя, кто знает? Часто бывает так, что потом периодически ещё и ещё приезжаешь в Россию на заработки, если дома работы нет…»* (мужчина, узбек, строитель, 23 года).

Таким образом, доминируют традиционные элементы жизненного уклада: стремление в соответствии с обычаем организовать свадьбу, неоднократное указание на то, что младший сын и его семья должны жить вместе с его родителями и т.п. Жизненная стратегия краткосрочная, предполагается возвращение к постоянному месту жительства. Хотя представители более молодого поколения не исключают для себя возможности в будущем повторить опыт трудовой миграции, если нынешний окажется успешным.

В целом, полученные нами результаты показывают, что в семьях узбекских трудовых мигрантов имеет место сохранение традиционных повседневных практик и соответствующих им жизненных стратегий (приоритет старших поколений, многообразные родственные связи, высокие репродуктивные и матримониальные установки, соблюдение национальных обычаев). Но в то же время наблюдается распространение социальных практик, связанных с новациями в жизненных стратегиях. В качестве таковых можно обозначить трансформацию гендерных ролей, включая, в первую очередь, изменение как семейного, так и социального статуса женщины. Изменяются не только межличностные отношения супругов, отношения с родственниками, но и сам облик семей трудовых мигрантов.

Мы полагаем, что сохранение традиционного уклада и привнесение в него новых элементов даёт семьям узбекских трудовых мигрантов больше возможностей для успешной адаптации в условиях принимающего иноязычного, инокультурного регионального сообщества.

◆

Литература

1. Антонов А.И. Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 1 (135). С. 40–43.

2. Арутюнов С.А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М.: ИНФРА-М, 2012. 416 с.

3. Арутюнян Ю.В. Об этнических диаспорах в российской среде // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 34–44.

4. Барсукова Т.И., Часовская Л.А. Трансформация семейно-браного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 9–12.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

6. В гостях как дома. Интервью руководителя УФМС по Приморскому краю М. Белобородова «Российской газете» (дата публикации: 17.10.2013) // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html (дата обращения: 09.10.2017).

7. Винокурова А.В. Динамика развития демографических процессов в Приморском крае: социологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S14. С. 46–50.

8. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. Мигранты в Приморье: мнения, суждения, оценки // Вестник Института социологии. 2016. № 1(16). С. 43–55.

9. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 40–49.

10. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс, 2000. 304 с.

11. Гурко Т. А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4. С. 26–44.

12. Деятельность морских портов России: итоги 2016 года (дата публикации: 13.01.2017) // Портал «SUDOSTROENIE.INFO» [Электронный ресурс]. URL: http://sudostroenie.info/novosti/18060.html (дата обращения: 10.10.2017 г.).

13. Дробижева Л.М. Вариации адаптационного потенциала населения к растущему этническому многообразию // Россия реформирующаяся. 2016. № 14. С. 379–394.

14. Ерохина Е.А. Доминирующее большинство и диаспоры в этническом пространстве сибирского города // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13. № 4. С. 120–126.

15. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): в 2 кн. / под общ. ред. д.и.н. А.С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.

16. Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.

17. Мид Дж. Г. Философия настоящего. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.

18. Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтничные мигранты в Московском мегаполисе // Федерализм. 2015. № 1(77). С. 79–92.

19. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 5–22.

20. О демографических характеристиках населения отдельных национальностей Приморского края (доклад по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года) (дата публикации: 04.09.2012 г.). // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/de9679004cd4dcadb6e0f71cb077b59e/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D

0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%8C%D1%8F+%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F.htm (дата обращения: 12.11.2017 г.).

21. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2017 года и в среднем за 2016 год (дата публикации: 10.03.2017) // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 07.10.2017 г.).

22. Постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 г. № 382-па Об утверждении государственной программы Приморского края «Экономическое развитие и инновационная экономика Приморского края» на 2013-2020 годы. 2012 // Официальный сайт Администрации Приморского края [Электронный ресурс]. URL: http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php (дата обращения: 12.10.2017 г.).

23. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 110–119.

24. Самойлюк Н.В. Незаконная миграция и региональная безопасность // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 3. С. 43–50.

25. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726. С. 1–10.

26. Томас У., Знанецкий Ф. Польский крестьянин в Европе и Америке // Контексты современности. Хрестоматия. Казань : АБАК, 1998. С. 141–225.

27. Шюц А. Возвращающийся домой // Социологические исследования. 1995. № 2. С. 139–142.

28. Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5–19.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Antonov A.I. Krizis familisticheskoj tsivilizatsii v XXI veke // EHkonomicheskie strategii. 2016. T. 18. № 1 (135). S. 40–43.

2. Arutyunov S.A. Siluehty ehtnichnosti na tsivilizatsionnom fone. M.: INFRA-M, 2012. 416 s.

3. Arutyunyan YU.V. Ob ehtnicheskikh diasporakh v rossijskoj srede // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2013. № 7. S. 34–44.

4. Barsukova T.I., CHasovskaya L.A. Transformatsiya semejno-branogo povedeniya trudovykh migrantov // Obshhestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika. 2016. № 7. S. 9–12.

5. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium, 1995. 323 s.

6. V gostyakh kak doma. Interv'yu rukovoditelya UFMS po Primorskomu krayu M. Beloborodova «Rossijskoj gazete» (data publikatsii: 17.10.2013) // Internet-portal «Rossijskoj gazety» [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://rg.ru/2013/10/17/reg-dfo/migranty.html (data obrashheniya: 09.10.2017).

7. Vinokurova A.V. Dinamika razvitiya demograficheskikh protsessov v Primorskom krae: sotsiologicheskij analiz // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № S14. S. 46–50.

8. Vinokurova A.V., Ardal'yanova A.YU. Migranty v Primor'e: mneniya, suzhdeniya, otsenki // Vestnik Instituta sotsiologii. 2016. № 1(16). S. 43–55.

9. Golod S.I. Sotsiologo-demograficheskij analiz sostoyaniya i ehvolyutsii sem'i // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2008. № 1. S. 40–49.

10. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. M.: KANON-press, 2000. 304 s.

11. Gurko T. A. Institut sem'i v postindustrial'nykh obshhestvakh // TSennosti i smysly. 2011. № 4. S. 26–44.

12. Deyatel'nost' morskikh portov Rossii: itogi 2016 goda (data publikatsii: 13.01.2017) // Portal «SUDOSTROENIE.INFO» [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://sudostroenie.info/novosti/18060.html (data obrashheniya: 10.10.2017 g.).

13. Drobizheva L.M. Variatsii adaptatsionnogo potentsiala naseleniya k rastushhemu ehtnicheskomu mnogoobraziyu // Rossiya reformiruyushhayasya. 2016. № 14. S. 379–394.

14. Erokhina E.A. Dominiruyushhee bol'shinstvo i diaspory v ehtnicheskom prostranstve sibirskogo goroda // Sibirskij filosofskij zhurnal. 2015. T. 13. № 4. S. 120–126.

15. Istoricheskie problemy sotsial'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraya polovina XX – nachalo XXI v.): v 2 kn. / pod obshh. red. d.i.n. A.S. Vashhuk. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, 2014. 360 s.

16. Lapin N. I. Funktsional'no-orientiruyushhie klastery bazovykh tsennostej naseleniya Rossii i eyo regionov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 1. S. 28–36.

17. Mid Dzh. G. Filosofiya nastoyashhego. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ehkonomiki, 2014. 272 s.

18. Mukomel' V.I. Svoi «inye»: vnutrirossijskie inoehtnichnye migranty v Moskovskom megapolise // Federalizm. 2015. № 1(77). S. 79–92.

19. Naumova N.F. ZHiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obshhestve // Sotsiologicheskij zhurnal. 1995. № 2. S. 5–22.

20. O demograficheskikh kharakteristikakh naseleniya otdel'nykh natsional'nostej Primorskogo kraya (doklad po itogam Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 goda) (data publikatsii: 04.09.2012 g.). // Ofitsial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Primorskomu krayu [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/de9679004cd4dcadb6e0f71cb077b59e/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9+%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82+%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%8C%D1%8F+%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D1%81%D1%8F.htm (data obrashheniya: 12.11.2017 g.).

21. Otsenka chislennosti postoyannogo naseleniya na 1 yanvarya 2017 goda i v srednem za 2016 god (data publikatsii: 10.03.2017) // Ofitsial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (data obrashheniya: 07.10.2017 g.).

22. Postanovlenie Administratsii Primorskogo kraya ot 07.12.2012 g. № 382-pa Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Primorskogo kraya «EHkonomicheskoe razvitie i innovatsionnaya ehkonomika Primorskogo kraya» na 2013-2020 gody. 2012 // Ofitsial'nyj sajt Administratsii Primorskogo kraya [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/economics/state-programs.php (data obrashheniya: 12.10.2017 g.).

23. Reznik T.E., Reznik YU.M. ZHiznennoe orientirovanie lichnosti: analiz i konsul'tirovanie // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1996. № 6. S. 110–119.

24. Samojlyuk N.V. Nezakonnaya migratsiya i regional'naya bezopasnost' // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2013. № 3. S. 43–50.

25. Sinel'nikov A.B. Brachnost' i rozhdaemost' bez dvojnykh gendernykh standartov // Demoskop Weekly. 2017. № 725–726. S. 1–10.

26. Tomas U., Znanetskij F. Pol'skij krest'yanin v Evrope i Amerike // Konteksty sovremennosti. KHrestomatiya. Kazan' : ABAK, 1998. S. 141–225.

27. SHyuts A. Vozvrashhayushhijsya domoj // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 2. S. 139–142.

28. YAdov V.A. Vozmozhnosti sovmeshheniya teoreticheskikh paradigm v sotsiologii // Sotsiologicheskij zhurnal. 2003. № 3. S. 5–19.

УДК 316.334.5
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/105-123

Казакова А.Ю.
Kazakova A.Yu.

Город как пространство рисков: надёжность оценок личной безопасности

The city as a space of risk: the reliability of personal security estimates

В статье рассматривается релевантность субъективных оценок личной безопасности реальной опасности окружающей среды, отдельных участков физического и социального пространства города; определяется весомость фактора субъективной тревожности личности и способы снижения его влияния при эмпирической диагностике объективной рискогенности городских территорий. За счет сочетания методик контрольных карт и факторного анализа мы оцениваем надёжность суждений респондентов о тех опасностях, рисках, неблагоприятных перспективах, с которыми горожане связывают свою принадлежность к локальным сообществам, проживание в условиях конкретного жилого дома, городского микрорайона и города в целом.

Ключевые слова: *качество городской среды, риск, тревожность, личная безопасность, надежность оценок в опросе*

◆

The article discusses the subjective assessments of personal security relevance to real danger of the environment, individual parts of the physical and social space of the city; determines the weight of the subjective anxiety of the individual and ways to reduce its influence in the empirical diagnosis of objective risks of urban areas. Through a combination of control charts and factor analysis techniques, we estimate the reliability of respondents ' opinions about hazards, risks, adverse perspectives with which citizens associate their identity to the local communities and living in conditions of a specific residential building, urban neighborhood and the city as a whole.

Key words: *urban environment quality, risk, anxiety, personal safety, the reliability of the estimates in the poll*

Введение

Социально-экологический подход к городской проблематике, вызревший на рубеже XIX–XX вв. в Европе в связи с возникновением общественного движения за создание «городов-садов» и утвердившийся благодаря деятельности Чикагской социологической школы **[5, с. 148]**, диктует переориентацию исследователя от рассмотрения города как фи-

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 16-13-40002 – *Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия*

КАЗАКОВА Анна Юрьевна, к.с.н., доцент кафедры философии и социологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского *(г. Калуга)*. **E-mail:** kazakova.a.u@yandex.ru

зического объекта к анализу города как жизненной среды личности, как типа поселенческой общности с её социоструктурными и социокультурными свойствами, которые во многом обусловливают характер индивидуального поведения, межличностных связей и контактов.

Основной методологической посылкой для анализа территориального распределения рисков, опасностей, угроз служит идея Р. Парка о городе как совокупности «естественных зон» – районов, обладающих собственной специфической средой, особой функцией в городской экономике и историей: «Район называется «естественной зоной» потому, что появляется незапланированно и исполняет определённую функцию, хотя эта функция может и противоречить чьим-либо планам (как это бывает в случае с трущобами) /…/ Существование таких естественных зон, каждая из которых исполняет свою особую функцию, указывает на то, чем оказывается город при более подробном анализе – не просто артефактом, как это было принято считать ранее, но в определённом смысле организмом» **[4, с. 7]**.

Рассматривая в рамках работ по гранту РГНФ 2009 г. на тему «Современные городские трущобы: социальный портрет и образ жизни обитателя» процессы ценообразования на рынке малоценного вторичного жилья г. Калуги, мы отметили опосредованное – через формирование представлений о престижности или непрестижности различных зон городского пространства – влияние культурно-символического фактора. Неравный престиж равноудалённых от центра районов при относительно равном качестве жилья можно было бы объяснить неодинаковой обеспеченностью транспортом и объектами инфраструктуры, состоянием дорог, т.е. уровнем «коллективного общественного блага». Действительно, при анализе объявлений о продаже недвижимости в калужских газетах бесплатных объявлений в 2010 г. мы зафиксировали отрицательную корреляцию между средней ценой за квадратный метр жилья в районе и его транспортной доступностью. Но иногда даже соседние улицы, кварталы в рамках одного и того же жилого массива, района обладают неравной мерой престижа. Например, в объявлениях о продаже жилых помещений на ул. Труда мы зафиксировали снижение цены по мере приближения к кладбищу; на улице Николо-Козинской – по мере приближения к «тюрьме» (СИЗО). Более того, выяснилось, что на территориальное поведение горожан (в том числе и на выбор ими места жительства) способны оказывать влияние даже те элементы территориального имиджа, объективные основания которых давно утрачены.

Историческая преемственность представлений горожан о «естественных зонах», сам факт проживания в которых если не предосудителен, то вызывает недоумение, настороженность, объясняется исходя из концепции «современного городского гетто» Л. Вакана, которая в традиции французского структурализма развивает и экологический подход в социологии города. Л. Вакан, ученик П. Бурдье, анализирует один из основных параметров описываемой им «новой городской маргинальности» – территориальную стигматизацию, возникающую потому, что жилищная и социальная политика правительства приводит к небывалой ранее концентрации всех возможных социальных проблем в пределах отдельных городских территорий: «В послевоенные десятилетия промышленного роста бедность в мегаполисах широко распространялась по рабочим кварталам и почти всегда поражала слой неквалифицированных чернорабочих. Напротив, новая маргинальность демонстрирует явную тенденцию к концентрации и сосредоточению вокруг неблагополучных районов, территорий, над которыми городские власти потеряли контроль и где не действуют общие нормы правопорядка. Эти районы чётко определяемы – как самими жителями, так и внешними наблюдателями – как городские гадюшники, полные лишений, безнравственно-

Таблица 1. Субъективные риски собственного жилища, n = 84

Типы ответов (источник страха)	«Особняк»	«Трущоба»
Ничего	69%	25 %
Воровство	19 %	6 %
Пожар	6 %	33 %
Теракт, чрезвычайная ситуация	0 %	8 %
Буйные соседи	0%	3 %
Затопление (аварии водопровода)	0%	6%
Обрушение несущих конструкций (аварийное состояние дома)	0 %	8 %
Пропуски	6%	11%

Источник: составлено автором.

сти и насилия, где могут жить лишь отбросы общества /.../ устоявшиеся кварталы нищеты «сделали себе имя» как скопища всех городских бед и пороков своего времени, мест, которых следует избегать, бояться и презирать. Неважно, что демонизирующий дискурс, обращённый на них, часто очень слабо соотносится с реальностью обыденной жизни в этих местах. Территориальная метка-стигмат глубоко отпечаталась на жителях этих кварталов социально-экономического изгнания, что только усугубляет дурную славу бедности и возрождающиеся предубеждения против этнических меньшинств и иммигрантов. С наступлением территориальной стигматизации резко уменьшается чувство общности, некогда характерное для мест проживания рабочего класса. Теперь родной район больше не защищает от опасностей и давления внешнего мира; он больше не источник разных форм взаимопомощи, не знакомая и безопасная среда, полная коллективных смыслов. Места совместного проживания обращаются в пустое пространство конкуренции и конфликта, преисполненное опасностями поле боя ежедневной гонки на выживание и попыток уехать из этих мест. Такое ослабление территориальных общинных связей в свою очередь подталкивает к уходу в сферу частного потребления и стратегиям дистанцирования («я – не один из них»), которые ещё больше подрывают местную солидарность и подтверждают правоту тех, кто с опаской относится к данному району» **[1]**.

Получается, что стигматизация – уже не отдельных индивидов или социальных групп, а целых территорий – ведёт к появлению современных гетто, для жителей которых конструирование позитивной территориальной идентичности на основе принадлежности к данному локусу становится всё более сложным по мере того, как концентрация проблем усиливается, а старожилы – носители реальной, ещё не «стигматизированной», истории социально-территориальной общности – убывают.

Выехавший бывший житель становится проводником негативной информации и в синхронной, и в диахронной коммуникации. Оставшийся теряет шансы капитализировать жилищный ресурс и желание в него инвестировать. Если органы (само-)управления не предпринимают шагов к рекультивации депрессивных территорий, стигма углубляется и закрепляется. Территория постепенно деградирует: компоненты её материальной среды изнашиваются, что провоцирует технические риски, качество человеческого потенциала падает, что активизирует девиации, медико-демографическое и санитарно-гигиеническое неблагополучие.

Таблица 2. Интенсивность чувства защищенности: итоги однофакторного дисперсионного анализа

Номер ИО	N	Подмножество для альфа = 0,05							
		1	2	3	4	5	6	7	8
10	60	1,2333							
5	63		1,7302						
13	52		1,7885	1,7885					
25	68		1,7941	1,7941					
18	64		1,7969	1,7969					
14	60		1,8000	1,8000					
16	61		1,8033	1,8033					
7	65		1,8308	1,8308	1,8308				
8	60		1,8500	1,8500	1,8500				
17	56		1,8750	1,8750	1,8750				
19	63		1,8889	1,8889	1,8889				
22	54		1,8889	1,8889	1,8889				
3	56		1,9643	1,9643	1,9643	1,9643			
15	61		1,9836	1,9836	1,9836	1,9836			
9	62		2,0161	2,0161	2,0161	2,0161	2,0161		
24	64		2,0313	2,0313	2,0313	2,0313	2,0313		
11	56			2,1071	2,1071	2,1071	2,1071	2,1071	
4	65				2,1538	2,1538	2,1538	2,1538	
6	54					2,2593	2,2593	2,2593	
20	66					2,2727	2,2727	2,2727	
21	63						2,3175	2,3175	2,3175
23	66							2,3485	2,3485
12	62							2,3710	2,3710
1	70							2,3714	2,3714
2	49								2,5918
Знч.		1,000	,082	,065	,054	,060	,063	,110	,081

Источник: составлено автором.

Итогом становится комплексный рост рискогенности стигматизированных территорий. Тот факт, что в определённом пространстве произошло негативное событие, сам по себе означает, что в прошлом некий риск уже реализовался. Какова вероятность его повторной актуализации, неизвестно, но это повторение возможно и ожидаемо. Поэтому стресс может

Таблица 3. Соответствие субъективной защищённости и рискогенности жизненной среды

Риски (дом, район, город)	Защищённость		
	Выше UCL или на границе	Внутри LCL-UCL	Ниже LCL или на границе
Выше UCL или на границе	20,23	9, 15,17, 22, 24	13, 16
Внутри LCL-UCL	2, 6, 21	7,11	14, 25
Ниже LCL или на границе	1, 12	3, 4, 8, 19	5,10,18

Источник: составлено автором.

вызывать простое пребывание в пределах такого потенциально опасного пространства, что составляет важнейший, критериальный атрибут феномена жилищной депривации. Кроме того, повышенный уровень тревожности не только дискомфортен сам по себе, но в свою очередь становится дополнительным фактором риска роста напряжённости социальных отношений (первоначально первичных, в микрогруппах, через них формируя их качество и в широком социуме).

Методика оценки рискогенности пространства

Вопрос о том, в какой мере собственное жильё представляется жителям надёжным, способным выполнять защитную функцию, мы рассматривали в 2011 г. (по гранту РГНФ «Особняк и трущоба: рискогенная жизненная среда как итог и фактор социальной стратификации»), сравнивая данные, полученные нами по направленной выборке от калужан, проживающих в условиях индивидуального жилья повышенной комфортности и ветхого и аварийного многоквартирного («трущоб»). Сочетание ответов на вопросы о том, опасается ли чего-либо респондент, покидая свой дом, и конкретном содержании страхов (приводятся в *табл 1*), показало, что спектр рисков ветхих жилищ и шире, и интенсивней, но и жилище высокого качества не предполагает полной беззаботности.

Неудивительно в связи со сказанным, что среди жителей «трущоб» с высказыванием «Мой дом – моя крепость» полностью согласился 31 % респондентов, тогда как оставшаяся часть категорически утверждала: «Это точно не про меня». В свою очередь, 88 % жителей «особняков» солидаризировались с афоризмом, 12 % затруднялись с ответом, и никто не отверг суждения полностью.

Проведённого в 2011 г. анализа территориального самосохранительного поведения калужан, проживающих в «особняках и трущобах», было достаточно для того, чтобы постулировать различный уровень субъективной личной безопасности как компонента жилищного неравенства. Но для оценки обоснованности страхов, соотношения внутренних (личностных) и внешних (средовых) факторов данные, собранные на основе опроса, не годятся, а метод «предельных случаев» не позволяет ни экстраполировать их на город, ни оценить уровень дифференциации рисков жизненной среды различных жилищных классов.

Если последнее решается за счёт изменения типа и объёма выборки, то первая методическая проблема более сложная, поскольку включает вопрос об уровне личностной тревожности, которая может быть и адекватным объективной ситуации отражением реальных угроз и рисков, и психологической проекцией индивидуальных страхов и дискомфорта на внешнюю среду.

Таблица 4. Номер избирательного участка* Кластерный номер наблюдения_РискиДРГ

Частота Номер избирательного участка	Кластерный номер наблюдения_РискиДРГ		Итого
	1	2	
1	106_a	60_b	166
2	60_a	67_a	127
3	87_a	23_b	110
4	73_a	67_a	140
5	59_a	50_a	109
6	65_a	57_a	122
7	63_a	56_a	119
8	69_a	42_b	111
9	34_a	91_b	125
10	42_a	32_a	74
11	46_a	72_b	118
12	93_a	54_b	147
13	31_a	62_b	93
14	65_a	43_b	108
15	33_a	88_b	121
16	40_a	70_b	110
17	23_a	82_b	105
18	81_a	34_b	115
19	73_a	46_b	119
20	49_a	101_b	150
21	82_a	64_a	146
22	41_a	61_a	102
23	61_a	94_b	155
24	57_a	72_a	129
25	55_a	67_a	122
Итого	1488	1555	3043

* Каждая подстрочная буква обозначает набор Кластерный номер наблюдения_РискиДРГ категорий, для которых пропорции столбцов значимо не различаются между собой на уровне ,05.

Источник: составлено автором.

Таблица 5. Структурная матрица

	Функция			
	1	2	3	4
РискиГорода	0,771	0,327	–0,267	–0,476
РискиРайона	–0,169	0,866	0,437	–0,172
Интенсивность чувства защищенности	0,296	–0,563	0,759	–0,137
РискиДома	0,391	0,429	0,037	0,813

Объединенные внутригрупповые корреляции между дискриминантными переменными и нормированными каноническими дискриминантными функциями.

Переменные упорядочены по абсолютной величине корреляций внутри функции.

* Максимальная по абсолютной величине корреляция между переменными и дискриминантными функциями.

Источник: составлено автором.

Мы полагаем, что устранить её способно применение следующих приёмов.

1) Формирование территориальной стратифицированной выборки, репрезентативной для города в целом, с учётом состава «естественных зон» и характера жилищного фонда внутри них;

2) Контроль над переменными, наиболее тесно связанными с целевыми, которые исследовательская программа включает в число индикаторов рискогенности территорий, с их последующей элиминацией в ходе анализа. Например, путём сравнения величин парных и частных корреляций либо использования в анализе только тех оценок риска, для которых доказано отсутствие статистически значимых связей с индивидуально-психологическими особенностями восприятия среды. К числу таких повышающих тревожность факторов мы относим женский пол, пожилой возраст, недавний переезд, плохое состояние здоровья, замкнутый образ жизни ввиду исключённости из общественного производства, наличие маленьких детей. Если связи данных переменных с анализируемой статистически незначимы, можно считать, что мы нейтрализуем возможную систематическую ошибку искажений оценок субъективной личной безопасности жизненной среды.

3) Применение методик, позволяющих осуществлять одновременно интратерриториальное и интертерриториальное сравнение показателей риска для оценки степени их «нормальности» как в синхронной перспективе (выявление «болевых точек» города – стигматизированных территорий как мест возможной актуализации тех или иных видов риска), так и в перспективе диахронной (выявление дестабилизации ситуации на основе достижения динамическими показателями этих переменных критических значений).

Методикой, отвечающей данным условиям, можно считать карты Шухарта, которые чаще всего применяются в практике управления производственными процессами и оценки качества продукции. Согласно ГОСТ Р 50779.42-99 – Статистические методы. Контрольные карты Шухарта, – она применима прежде всего там, где требуется превентивное вмешательство в процесс для того, чтобы предотвратить появление нежелательного результата (брак на производстве). Для оценки состояния городской и – шире – жизненной среды личности, насколько нам известно, данная методика не применяется **[3]**. Вместе с тем, поскольку личная

Таблица 6. Итоги факторного анализа по участкам со статистически значимыми на уровне 0,05 различиями пропорций кластеров*

ИО	% объяснённой дисперсии	Мера КМО	Критерий Бартлетта	Значимость	Статистически значимые (на уровне 0,05) корреляции с итоговой комплексной переменной Кластерный номер наблюдения_Риски Защищённость				Статистически значимые (на уровне 0,05) корреляции с переменной Интенсивность чувства защищённости		
					Интенсивность чувства защищённости	Риски дома	Риски района	Риски города	Риски дома	Риски района	Риски города
1	*2*	*3*	*4*	*5*	*6*	*7*	*8*	*9*	*10*	*11*	*12*
Все	62,172	0,540	1892,64	0,000	-0,819	0,191	0,154	0,080	-0,173	-0,209	
1	63,883	0,491	79,49	0,000	-0,788						0,266
3	63,034	0,582	79,02	0,000	-0,857		0,348			-0,379	
9	100,000	0,744	121,27	0,000	-0,837	0,546	0,339	0,504	-0,543	-0,353	-0,428
11	65,697	0,474	82,05	0,000	-0,840	0,236			-0,229		
12	81,085	0,494	56,05	0,000	-0,753						
13	91,065	0,636	213,92	0,000	-0,874	0,260					
14	68,603	0,506	89,87	0,000	-0,855						
15	70,408	0,598	90,19	0,000	-0,787	0,332	0,378		-0,363	-0,366	
16	69,111	0,564	102,21	0,000	-0,850			0,438	-0,245		-0,419
17	65,682	0,545	85,38	0,000	-0,840		0,347			-0,417	-0,285
18	71,922	0,680	144,20	0,000	-0,892	0,720			-0,671		
19	69,282	0,603	119,61	0,000	-0,877	0,530		0,226	-0,495	-0,239	
20	82,043	0,499	75,514	0,000	-0,789		0,254			-0,285	
23	78,544	0,462	49,103	0,000	-0,701						

* Пустые ячейки подразумевают отсутствие статистически значимых на уровне 0,05 связей

Источник: составлено автором.

и социальная безопасность являются важными параметрами качества жизни и измеряются в формализуемых показателях, методика применима и для оценки качества городской среды.

Превентивным целям управления рисками соответствует установление двух границ верхнего и нижнего контрольных диапазонов вариативности значений реальных показателей: границ действий (3 сигмы) и предупреждающих границ (2 сигмы). При выходе значений за пределы

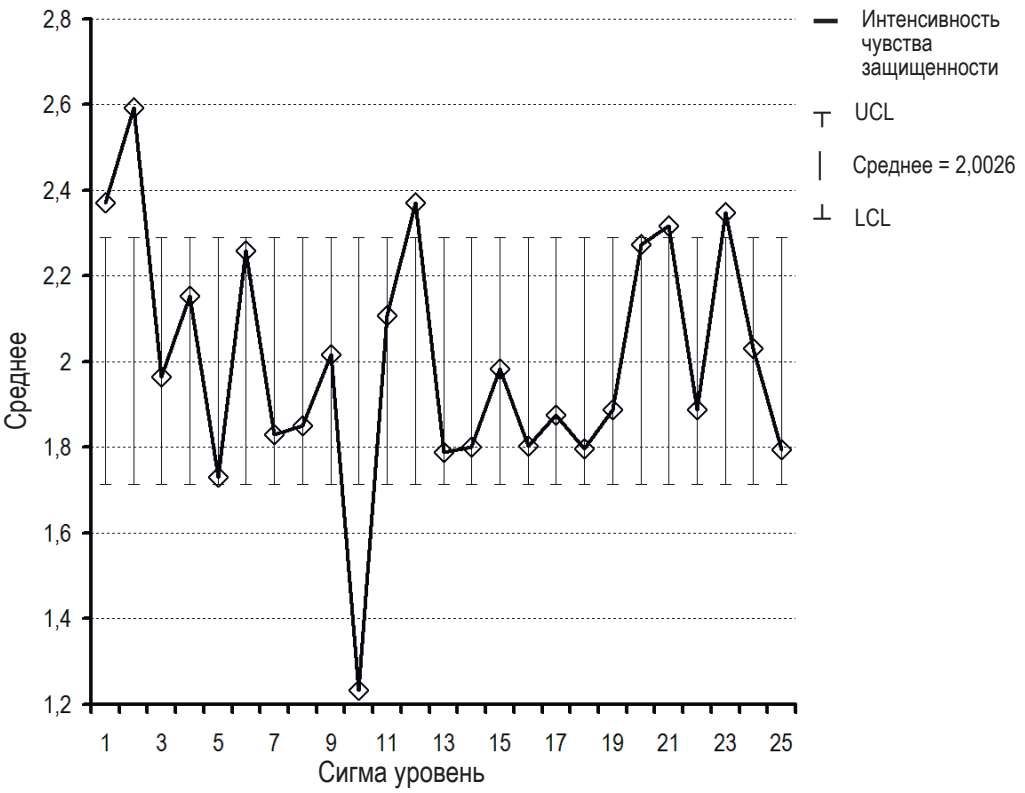


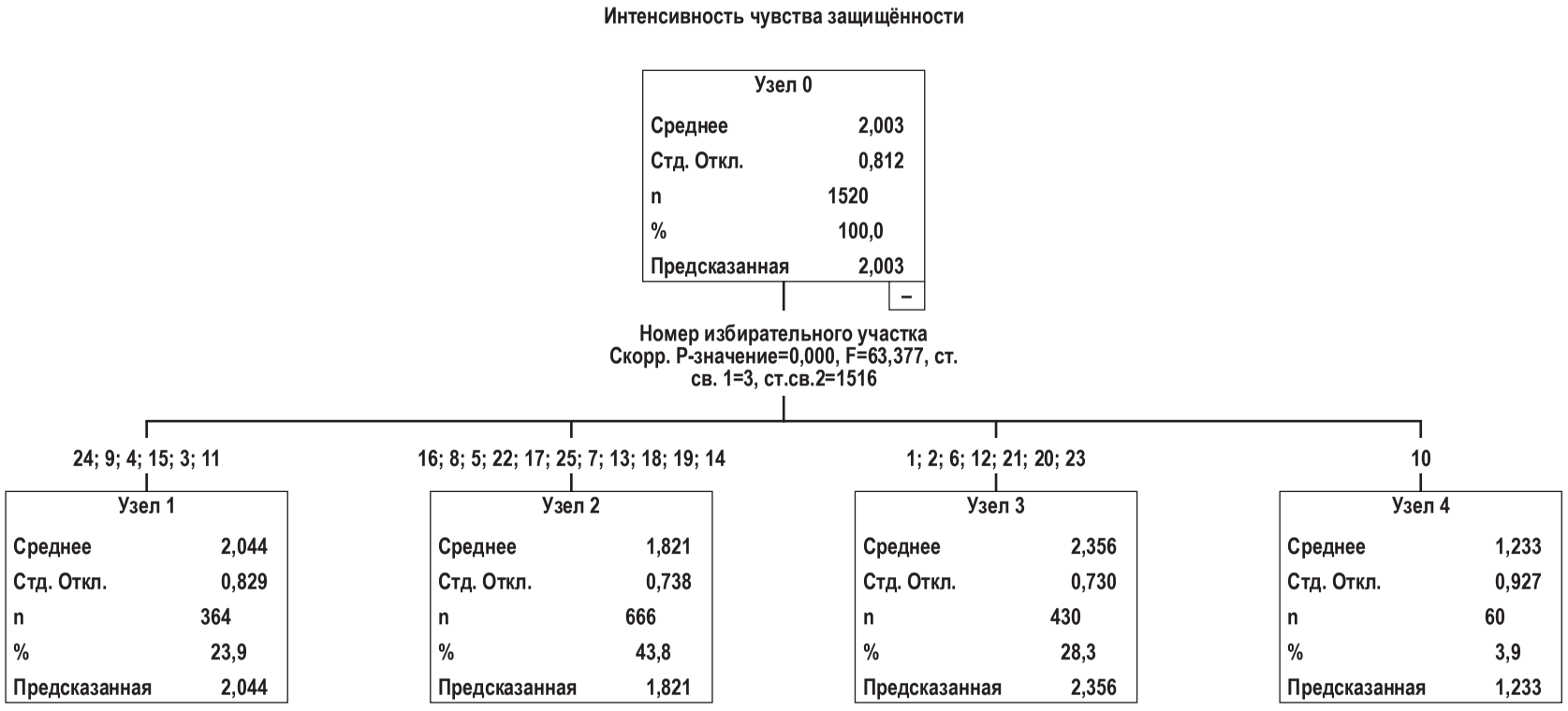
Рисунок 1. Уровень уверенности жителей различных избирательных округов в собственной безопасности: диапазоны средних значений **[6]**.

контрольного диапазона в 2σ следует повысить внимание к объекту/процессу; при выходе значений за пределы контрольного диапазона в 3σ требуется непосредственное вмешательство в ход процесса, который вышел из состояния нормальной для него управляемости **[2]**.

Обращаясь к данным проведённого нами в сентябре 2014 – декабре 2014 г. исследования проблем развития городских и сельских территорий МО «Город Калуга»[1], мы, как и ожидалось, обнаруживаем существенные различия в «поведении» переменных, которые можно отнести к числу характеристик территориальности (сознания и поведения), в пригородах, на окраинах, в молодом и историческом центре, в пределах различных ТОС, границы которых примерно совпадают с конвенциональными границами «естественных зон», даже в отдельных кварталах, образованных различными типами жилой застройки. К числу этих переменных относится и субъективное восприятие рисков окружающего пространства – дома, микрорайона, города в целом.

[1] Использовалась территориальная стратифицированная двуступенчатая выборка объемом 1536 человек, рассчитанная по доле населения избирательных округов МО «Город Калуга» в генеральной совокупности; контролировалось соблюдение половозрастных квот и присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития); сбор данных проведен методом личного маршрутного интервью рядом с жилыми домами, расположенными на улицах района, в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме. В качестве основных методов использовались автоматизированный (IBM SPSS Statisics, 20-я версия) однофакторный дисперсионный, регрессионный, дискриминантный анализ

Рисунок 2. Классификация избирательных округов по субъективной безопасности жителей методом CHAID



Источник: составлено автором.

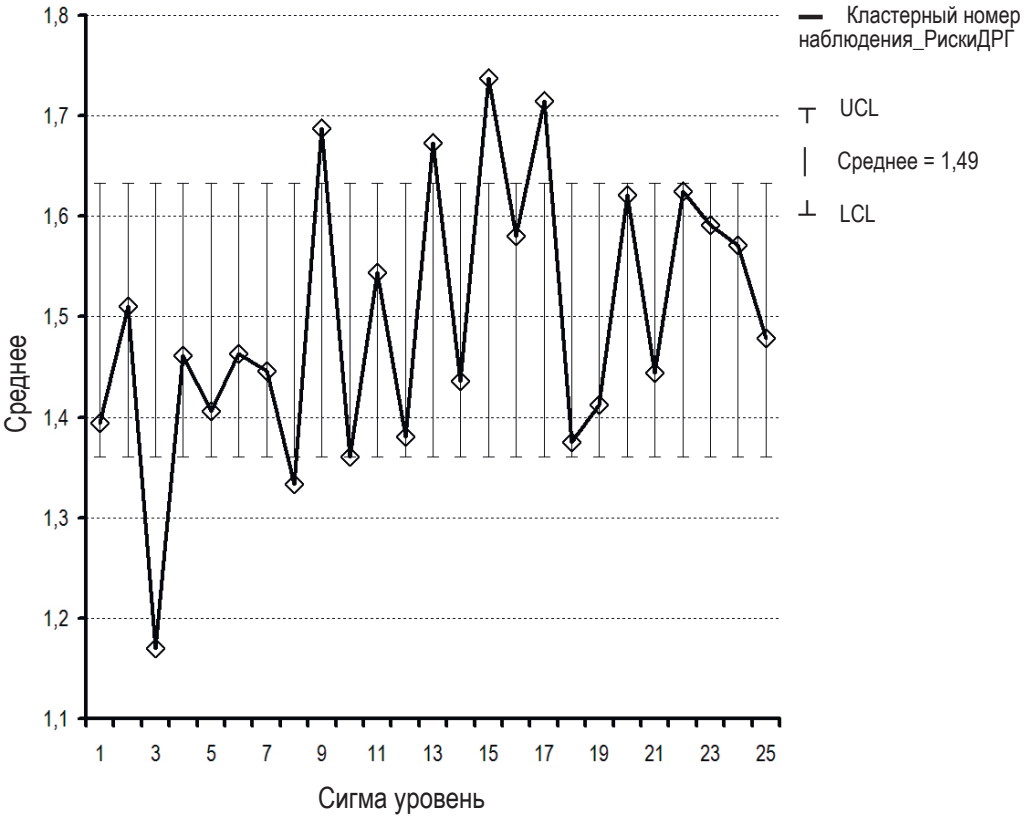
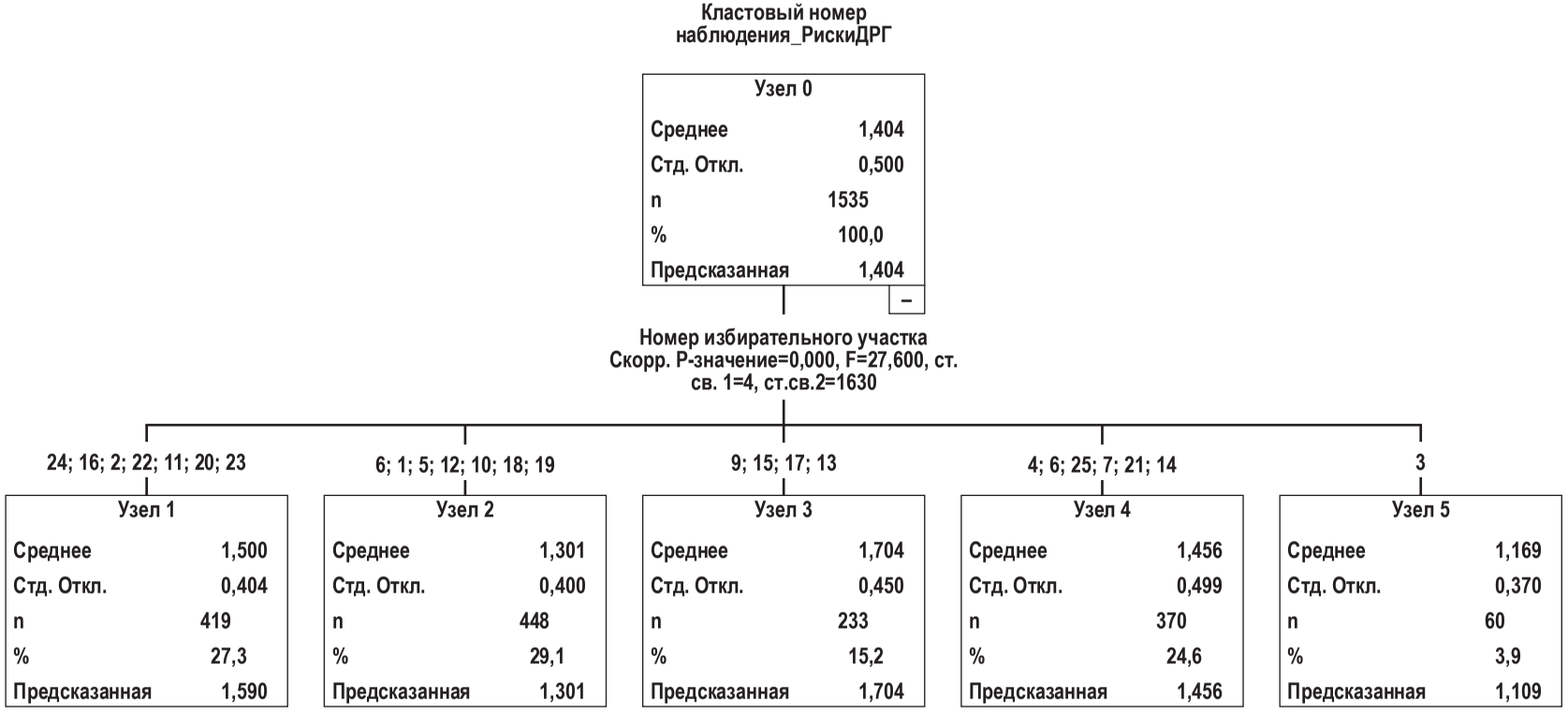


Рисунок 3. Уровень рискогенности жизненной среды избирательных округов: диапазоны средних значений (s-диаграмма) **[6]**.

При сборе данных нами ставился закрытый вопрос «Интенсивность чувства защищённости» о том, в какой мере респонденты чувствуют себя лично защищёнными, живя в Калуге, с градациями: «Никогда и нигде не чувствую себя целиком в безопасности»; «В безопасности чувствую себя крайне редко»; «Почти никогда не испытываю чувства страха»; «Практически всегда и везде чувствую себя в безопасности», которые при внесении в массив кодировались – в порядке нарастания уверенности – в баллах от 0 до 3. Кроме того, использовались три открытых вопроса о характере угроз, опасностей, которые жители считают характерными для своего дома, микрорайона, города в целом. Эти переменные, обозначенные соответственно как «Риски дома», «Риски района», «Риски города», обрабатывались двояко: логико-семантической группировкой в блоки, позволявшие выявить частотность наиболее распространённых угроз, воспринимаемых жителями (текстовые переменные), и оценкой непараметрических распределений альтернативных признаков самого наличия или отсутствия страха, независимо от его содержания (количественные переменные).

Анализ пригодности показывает, что шкалы действительно измеряют различные компоненты образа среды: α Кронбаха для 4 пунктов = -0,156 (нарушение предположения о пригодности модели), тогда как для трёх пунктов субъективного риска окружающего пространства 0,309. Опасности окружающей среды характеризуются на основе памяти о событиях, внешних источников информации, и потому согласованность выше, тогда как чувство защищённости или незащищённости является субъективной характеристикой социального самочувствия.

Рисунок 4. Классификация избирательных округов по субъективной безопасности жителей методом CHAID



Источник: составлено автором.

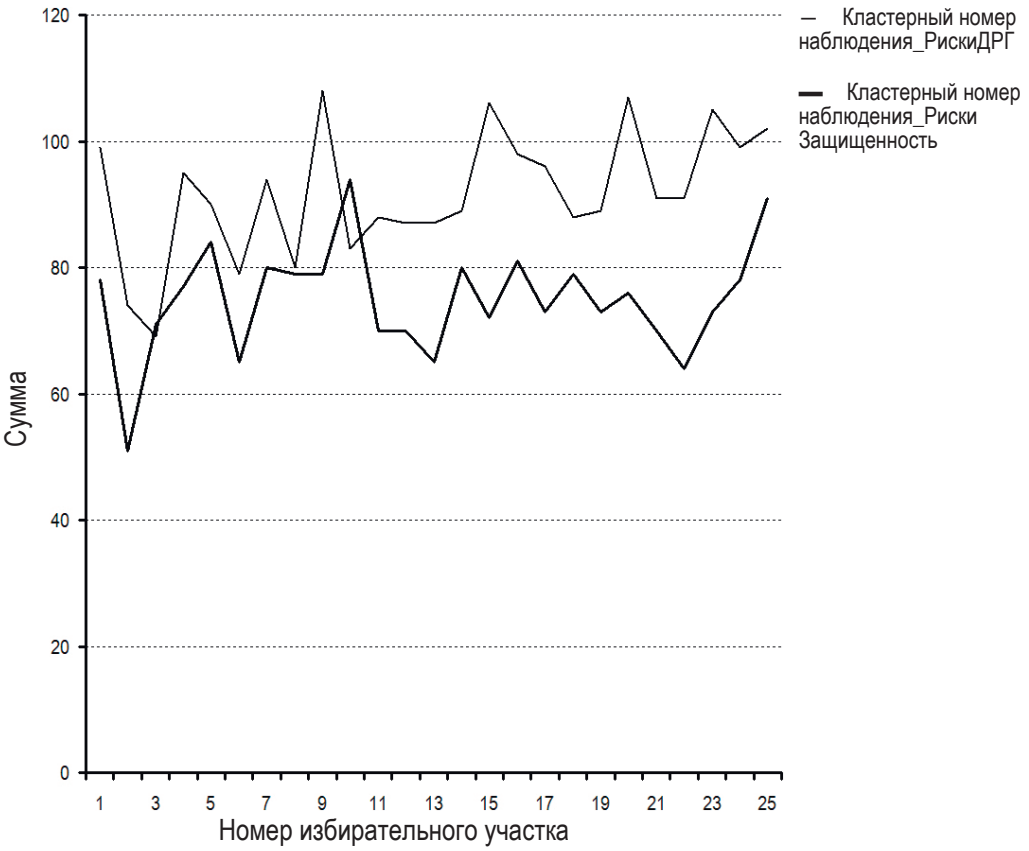


Рисунок 5. Уровень соответствия между оценками риска и оценками риска и личной защищенности **[6]**.

Результаты исследования

Нулевые гипотезы о равной вероятности появления категорий переменной «Интенсивность чувства защищённости» (по одновыборочному критерию χ-квадрат) и нормальном характере распределений значений переменных «Риски дома», «Риски района», «Риски города» (по одновыборочному критерию Колмогорова-Смирнова) отклонены со значимостью 0.000 на уровне значимости 0.05.

Вместе с тем, неслучайными оказались и распределения этих значений, проверенные по критерию независимых выборок Краскалла-Уоллиса для переменных, характеризующих не только среду обитания (наименование конкретного микрорайона и улицы в его пределах; проживание в историческом центре, молодых центральных или окраинных районах города, в сельских населённых пунктах пригородной зоны), но и самого респондента (медико-демографические, социально-экономические характеристики).

Поскольку все стрессоры и источники риска, действующие на выделенных территориях (сгруппированных отчасти искусственно – по административному критерию, отчасти в соответствии с «естественным» зонированием города на исторически формировавшиеся микрорайоны со своей спецификой), даны нам исключительно через восприятие респондентов, возникает необходимость взвешенной оценки перечисляемых респондентами опасностей.

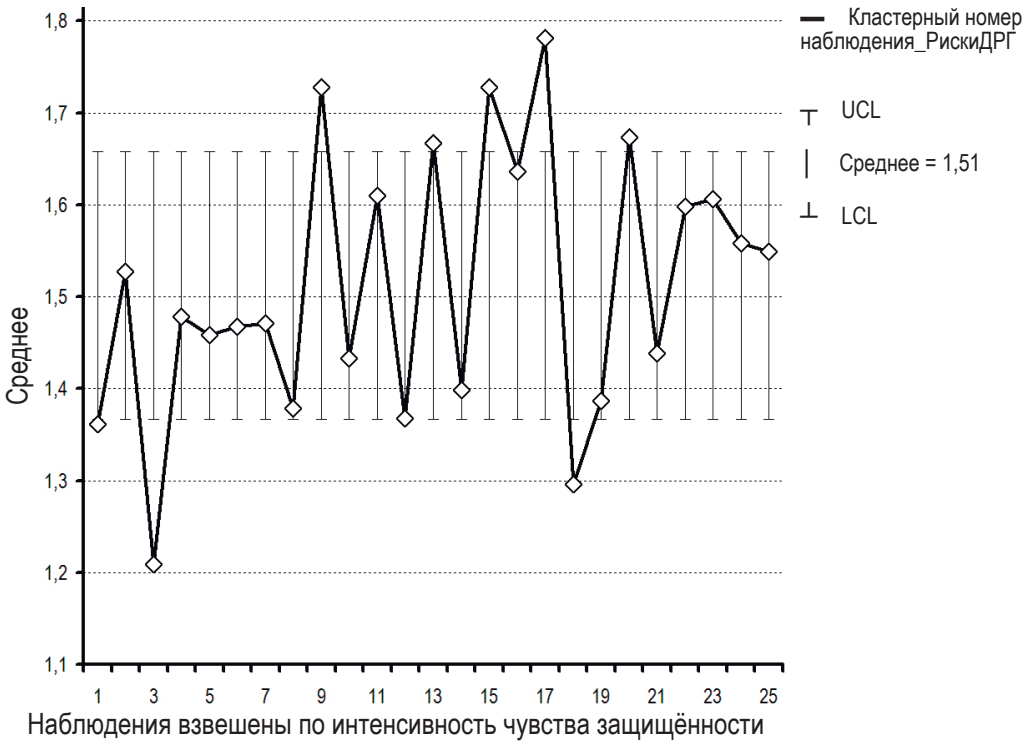


Рисунок 6. Уровень рискогенности жизненной среды избирательных округов: диапазоны средних взвешенных значений (s-диаграмма) **[6]**.

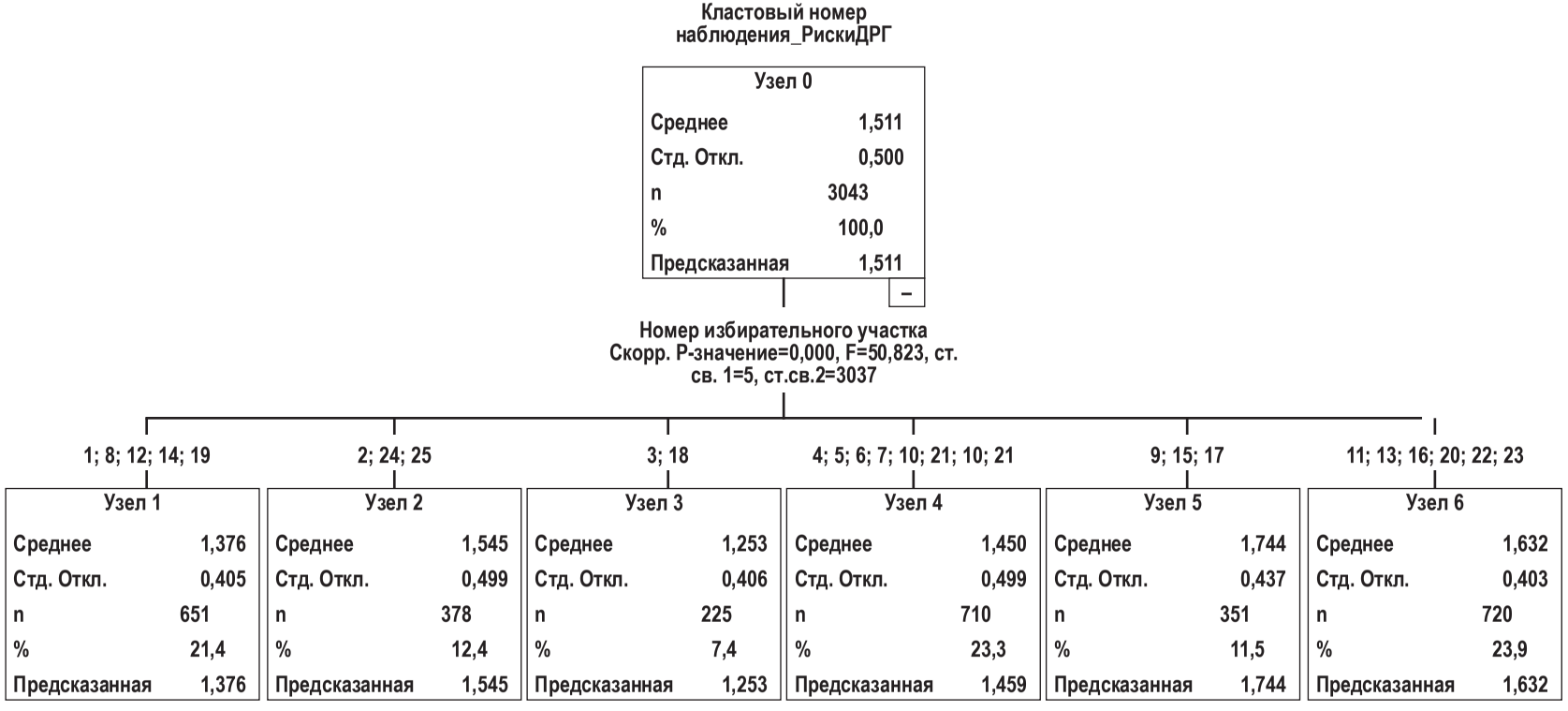
В случае, когда мы сопоставили субъективный (воспринимаемый) риск с объективным (осуществившимся), анализ показал отсутствие статистически значимых корреляций (Пирсона = -0,252 со значимостью 0,121, Спирмена = 0,063 со значимостью 0,703) между переменными «Риск пожара», перекодированной в дихотомию 1/0 («да/нет») из ответов респондентов, содержавших и не содержавших упоминания такой возможности, и «Реальное количество пожаров за 2014 год в пределах ТОС, где находится место жительства респондента», полученной нами на основе дополнительного сплошного анализа сводок МЧС по Калужской области за каждый день 2014 г.

Аналогично не оказалось связи и между озабоченностью респондентов утратой культурного наследия и реальным количеством памятников истории, культуры, архитектуры, расположенных на улице, где проживает респондент: r = 0,014, 2-стор.знач-ть 0,574; ro = 0,083, 2-стор.знач-ть 0,001. Последняя корреляция (Спирмена) статистически значимая, но настолько слабая, что очевидно не исторический ландшафт, а иные факторы определяют заботу жителей о сохранении городом культурного своеобразия.

Но в большинстве случаев для микрорайонов, кварталов, ТОС, других относительно однородных локальных единиц внутри населённого пункта, в отличие от отдельного населённого пункта как целого, мы не располагаем статистическими данными, позволяющими комплексно распределить по выделенным территориям (улица, ТОС, избирательный округ, зона города – пригороды, окраины, молодой и исторический центр) частоту актуализации ожидаемых респондентами рисков и угроз.

Поэтому для того, чтобы оценить релевантность оценок респондентов с точки зрения их соответствия действительному распределению ри-

Рисунок 7. Взвешенная классификация избирательных округов по уровню опасности жизненной среды методом CHAID



Источник: составлено автором.

сков в пространстве города, мы воспользовались сравнением контрольных карт значений переменных, характеризующих тревожность жителей и риски жизненной среды в пределах указанных территорий.

В городском пространстве определились ареалы с высокой частотой ответов, свидетельствующих о тревожности респондентов или объективной опасности самой территории. Распределение средних значений переменной «Интенсивность чувства защищённости» в подвыборках, сгруппированных по избирательным округам областного центра, представлено на *рис. 1*; размах вариации укладывается в границы контрольного диапазона.

Можно ожидать, что ввиду малой дифференциации оценок, связанной с демографическими или экономическими переменными, объективно благоприятными будут являться условия жизни в 1, 2, 6, 12, 20, 21 и 23 округах, а объективно неблагоприятными – условия 5 и 10 округа. Этот единственный округ в самостоятельное внутренне однородное подмножество выделяет и критерий Дункана в рамках однофакторного дисперсионного анализа *(см. табл 2)*, ставя пятый округ на следующее за десятым место по уровню тревожности, но объединяя его с другими округами.

Примерно так же классифицируются выделенные территориальные единицы и методом CHAID *(см. рис. 2)*, но оценка риска неверной классификации высока (0,586 со стандартной ошибкой 0, 021), а добавление к числу классифицирующих переменных зоны города снижает риск лишь до 0,582 с той же ошибкой, поскольку однородной по уровню тревожности (максимальной для города в целом) зоной являются только окраины, тогда как молодой и исторический центр и пригород составляют единое подмножество.

По итогам кластеризации k-средними избирательных округов по переменным рискогенности жизненной среды (дом, микрорайон, город) выделились два кластера равного объёма. В первом риски помещены в городскую среду (город в целом и микрорайон как его часть), а жилище не вызывает опасений; объём кластера – 776 человек (50,6 % от числа валидных наблюдений). Во втором город видится безопасной средой, микрорайон тоже, хоть и в меньшей степени, чем город, но зато жилище предстаёт средоточием разнообразных опасностей и угроз; объём кластера – 779 человек (49,4% от числа валидных наблюдений).

Выбросы средних значений оценки рискогенности жизненной среды представляет *рис 3*; размах вариации и для этой комплексной переменной укладывается в границы контрольного диапазона.

Надёжность классификации методом CHAID *(см. рис. 4)* более высокая, чем для переменной «Интенсивность чувства защищённости»: оценка риска 0,233 со стандартной ошибкой 0,003. Добавление классификационной переменной «Зона города» вновь не меняет оценки риска, поскольку исходя из однофакторного дисперсионного анализа, ни одна из них не может быть выделена в самостоятельное однородное подмножество. Существенно ниже среднего уровня оказываются риски жизненной среды в историческом центре, но и его критерий Дункана объединяет с окраинами, где риски несколько ниже, чем в пригородах и молодых центральных районах.

В отдельный участок (с наименьшим уровнем опасности жизненной среды) вынесен ИО № 3, а максимально неблагополучными предстают округа в узле 3.

Уже из диаграмм на *рис. 2* и *3* видно, что линейной отрицательной связи между двумя переменными нет (то есть, чувство защищённости не растёт пропорционально убыли чувству страха, связанного с потенциальными угрозами, которые представляет для жителей их дом, микрорайон и город в целом). Сочетание обоих показателей для округов представлено в *табл. 3*.

Графически степень их соответствия показывает диаграмма на *рис. 5*. Визуализация позволяет заметить, как при включении в исходный кластер переменных, оценивающих риск жизненной среды (расположенная выше синяя линия), переменной, оценивающей субъективную личную защищённость, уравновешивается восприятие опасности (что отображается в снижении уровня второй – комплексной – переменной по сравнению с первой). Иными словами, в большинстве случаев респонденты переоценивают опасность окружающего их пространства ввиду повышенной тревожности горожан.

Соответственно, расстояние между ними можно рассматривать как меру искажений, которые привносят в оценку рисков оптимизм или пессимизм, тревожность или, напротив, самоуверенность жителей (также социально обусловленные).

Можно выделить участки, где линии смыкаются или почти смыкаются: 3, 5, 8, 10 (в последнем случае присутствует скорее недооценка риска, чем переоценка, как в большинстве случаев), – и участки с большим разрывом средних значений.

В итоге, взвесив наблюдения по переменной «Интенсивность чувства защищённости», мы получаем видоизменённую диаграмму, которая представляет более строгое распределение рискогенности жизненной среды с учётом дифференциации уровня тревожности *(рис. 6)*.

Уточнённая классификация округов по уровням риска представлена на *рис. 7*. Мера риска снижается несущественно (оценка 0,231 со стандартной ошибкой 0,002), но выделяется шесть кластеров вместо пяти. Благодаря этой уточнённой оценке мы можем говорить, что в максимально безопасных, свободных от ряда типичных для урбанизма стрессоров условиях живёт лишь 7,4±5% калужан (узел 3), а в самых неблагоприятных (узел 5) – 11,5±5% жителей.

Таблица сопряжённости 4 показывает, в каких округах взвешенные оценки риска респондентами статистически значимы, а в каких случайны и как взаимодействуют между собой факторы, определяющие в них конфигурацию рисков (большую опасность домашнего или внедомашнего пространства).

Дискриминантный анализ показывает, что переменные рисков жизненной среды и личной безопасности правильно классифицируют 15 % исходных сгруппированных по избирательным округам наблюдений (М Бокса 1622,606 со значимостью 0,000). Иными словами, около 15 % территориальной специфики округов определяются уровнем их «рискогенности».

Максимум различий проявляется в оценках опасности города (см. структурную матрицу в *табл 5*), но на рост тревожности фиксация угроз со стороны городского пространства в целом не оказывает влияния, как показывают коэффициенты корреляций переменной «Интенсивность чувства защищённости» с переменными «Риски дома» (r=-0,173 со значимостью 0,000), «Риски района» (r=-0,209 со значимостью 0,000), «Риски города» (r=-0,030 со значимостью 0,120).

Рассматривая в рамках факторного анализа корреляции этих переменных отдельно для каждого участка, для которого в *табл. 2* отражена статистическая значимость различий между принадлежностью наблюдений к первому и второму кластерам, мы получаем возможность определить, где доминируют субъективные, где объективные факторы.

Как видно из *табл. 6*, на отдельных участках (12,14,23) в пространстве факторов итоговая переменная оказывается связанной только с переменной субъективного чувства защищённости, а та не взаимодействует с наличием или отсутствием рисков, опасностей, которые респонденты считают типичными для условий их жизненной среды в пространстве дома, микрорайона и города.

На других участках (принадлежащих к узлу самых неблагополучных), помимо субъективной тревожности, которая присутствует везде, фиксируются и тесные связи с итоговой переменной того или иного компонента жизненной среды личности, из которых видно, в чём состоят основные проблемы жителей, – в ветхом или неблагоустроенном жилье, как в окраинных рабочих кварталах, входящих в 18 участок, или в экологически неблагоприятном положении вдоль ключевой транспортной магистрали и развязки, как в округе под № 15.

Сравнение же тесноты связей этих переменных с переменной «Интенсивность чувства защищённости» позволяет уточнить и меру искажений, которые привносят в оценку окружающей среды плохое состояние здоровья или трудная экономическая, семейная ситуация личности. Так, например, результаты для ИО 11, включающего в себя окраинный микрорайон и ряд сельских населённых пунктов пригородной зоны, можно интерпретировать следующим образом: жилищные условия населения объективно далеки от высокого качества, жилище действительно способно при определённых обстоятельствах становиться для жителя источником экономического, психологического, экологического, экзистенциального ущерба, и около 23 % вариации в оценке собственной безопасности может объясняться неудовлетворительными жилищными условиями, социальным качеством соседства. При этом, как видно из диаграммы на рисунке 6, что подтверждает и низкое значение статистик КМО и Бартлетта, риски эти умеренной степени или проявляются спорадически, в отличие от участка № 13, где страхи, связанные с жилищем и не связанные с переменной «Интенсивность чувства защищённости», носят обоснованный характер. При этом округ относится к числу наиболее опасных участков городского пространства, хотя опасность эта дополнительно преувеличивается жителями, как видно из диаграммы на *рис. 5*. В третьем округе (исторический центр: кварталы, сосредоточенные вокруг главной, центральной улицы города) объективные риски района обусловливают около 38 % тревожности жителей, тогда как в 17 округе – наоборот: объективные риски среды окраинных микрорайонов/пригородных населённых пунктов проецируются и на восприятие города в целом. В чрезвычайно благополучном округе № 1, включающем в себя кварталы с высокой престижностью, складывается уникальная ситуация отрицательной факторной определённости: воспринимаемые риски городской среды по контрасту не снижают, а повышают чувство защищённости жителей.

Обсуждение и выводы

Таким образом, сочетание методик контрольных карт и факторного анализа позволяет вынести более надёжные суждения о степени релевантности тех опасностей, рисков, неблагоприятных перспектив, с которыми горожане связывают свою принадлежность к локальным сообществам произвольных масштабов (от дома до страны).

В нашем случае, положившись на оценку сопряжённости частот упоминания горожанами рисков, мы сделали бы вывод о том, что 33,2%±5% живут в условиях безопасных, не вызывающих чувства страха, тревоги, унижения, нервозности, подозрительности, поскольку не ответили положительно ни на один из трёх соответствующих открытых вопросов (не упомянули конкретных рисков). Обнаружив с помощью карт Шухарта свойственную большинству горожан тенденцию к преувеличению рисков, мы увеличиваем число горожан, живущих в объективно благоприятных с точки зрения личной безопасности условиях, до 57%±5% (узлы 1 и 3 на *рис. 7*). Вопрос об источниках массовой тревожности, повышенной нервозности и беспокойства жителей в условиях относительно благоприятного окружения, впечатлениях-стрессорах, формирующих неблагопри-

ятный образ будущего и личного ущерба исходя из набора случайных событий, может стать темой отдельного исследования. Вместе с тем, стигматизированные территории в Калуге есть, и вопрос о стратификации рисков и «стратообразующей» роли самих рисков является чрезвычайно актуальным.

Применив к анализу формализованных ответов на открытые вопросы о риске только факторный анализ, мы получили бы описание компонентов опасностей и их взаимосвязей, но не представление об уровнях риска и отличии одной территории от другой в этом отношении. Применив только карты контроля качества, мы получаем отличный диагностический инструмент для определения симптоматики городских бедствий в сравнительной перспективе, но не их глубины и источников, поверхностного или устойчивого характера.

Только после оценки надёжности в случае, если нас интересует не состояние массовой психологии горожан, а состояние городской среды и социальная дифференциация вероятности столкнуться с неблагоприятными и опасными ситуациями или упустить благоприятные возможности, мы можем приступать к собственно анализу содержания рисков, которые приписывают этой среде горожане.

◆

Литература

1. Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // Остров Горн. 2015. № 9 [Электронный ресурс]. URL: http://contrlist.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjacheletija/0-1057(lfnf (дата обращения: 20.03.2016 г.).

2. Мазур И. И. Управление качеством: Учеб. пособие/ Под ред. И.И. Мазура. М.: Высш. шк., 2003. 334 с.

3. Максимова О.В., Адлер Ю.П., Шпер В.Л. Контрольные карты Шухарта в России и за рубежом // Стандарты и качество. 2011. № 7. С. 82–87.

4. Парк Р. Город как социальная лаборатория //Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 3–12.

5. Яницкий О.Н. Социология города // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова, изд. 2. М.: Издательство ИС РАН, 1998. С. 134–145.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Vakan L. Gorodskaya marginal'nost' gryadushhego tysyacheletiya // Ostrov Gorn. 2015. № 9 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://contrlist.ucoz.ru/index/gorodskaja_marginalnost_grjadushhego_tysjacheletija/0-1057(lfnf (data obrashheniya: 20.03.2016 g.).

2. Mazur I. I. Upravlenie kachestvom: Ucheb. posobie/ Pod red. I.I. Mazura. M.: Vyssh. shk., 2003. 334 s.

3. Maksimova O.V., Adler YU.P., SHper V.L. Kontrol'nye karty SHukharta v Rossii i za rubezhom // Standarty i kachestvo. 2011. № 7. S. 82–87.

4. Park R. Gorod kak sotsial'naya laboratoriya //Sotsiologicheskoe obozrenie. 2002. Tom 2. № 3. S. 3–12.

5. YAnitskij O.N. Sotsiologiya goroda // Sotsiologiya v Rossii / Pod red. V.A. YAdova, izd. 2. M.: Izdatel'stvo IS RAN, 1998. S. 134–145.

УДК 316.013
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/124-132

Филипова А.Г., Еськова А.В.
Filipova A.G., Es'kova A.V.

Оценка влияния региональных показателей на здоровье детей

Assessment of regional indicators influence on children's health

Оценка влияния региональных показателей на здоровье детей проведена в несколько этапов. На первом этапе осуществлена кластеризация российских регионов по трём индикаторам – нормализованным значениям детского здоровья, детской инвалидности и детской заболеваемости. Из выделенных пяти кластеров в качестве объекта для дальнейшего анализа был выбран «благополучный» кластер. Далее наряду с целевыми индикаторами были определены 16 управляющих факторов, относящихся к социально-экономической, институциональной, социально-психологической или экологической группам. Построенная регрессионная модель численности детей, относящихся к 1-2 группам здоровья, позволила выявить наиболее значимые региональные управляющие факторы, оценить силу и направленность их воздействия.

Ключевые слова: *дети, здоровье детей, детская инвалидность, регион, региональные факторы, кластерный анализ, корреляции, множественная регрессия*

◆

The impact assessment of regional indices on children's health has carried out in several steps. At the first stage it was realized the clustering of Russian regions on three indicators – the normalized values of children's health, children's disability and children's incidence. From the selected five clusters as an object for the further analysis the "Safe" cluster was selected. Further along with target indicators 16 managing factors relating to social and economic, institutional, social and psychological, ecological groups were defined. The constructed regression model of number of the children belonging to 1-2 groups of health allowed to reveal the most significant regional managers factors, to evaluate force and a directivity of their influence.

Key words: *children, health of children, children's disability, region, regional factors, cluster analysis, correlations, multiple regression*

Состояние детского здоровья является важным показателем регионального развития. Низкие уровни детской заболеваемости и детской инвалидности могут говорить о благоприятной экологической ситуации

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041)

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, д.с.н., профессор департамента социальных и психологических наук ДВФУ (*г. Владивосток*). **E-mail:** alexgen77@list.ru

ЕСЬКОВА Анна Владимировна, к.т.н., заведующий кафедрой информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (*г. Комсомольск-на-Амуре*). **E-mail:** eskann68@gmail.com

Таблица 1. Группировка значений индикаторов детского здоровья

Группы	Диапазон значений		
	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Группа 1	-2,28982; -1,690625707	-2,433794784 -1,799867611	-2,642919784 -1,955090498
Группа 2	-1,690625707; -1,091428499	-1,799867611 -1,165940438	-1,955090498 -1,267261213
Группа 3	-1,091428499; -0,49223129	-1,165940438 -0,532013265	-1,267261213 -0,579431927
Группа 4 (средний уровень)	-0,49223129; 0,106965918	-0,532013265 0,101913908	-0,579431927 0,108397359
Группа 5	0,106965918; 0,706163127	0,101913908 0,735841081	0,108397359 0,796226645
Группа 6	0,706163127; 1,305360335	0,735841081 1,369768254	0,796226645 1,48405593
Группа 7	1,305360335; 1,904557544	1,369768254 2,003695427	1,48405593 2,171885216

Источник: составлено авторами.

в регионе, развитой медицинской инфраструктуре, хороших условиях для занятий спортом и поддержания здорового образа жизни населения.

Российские учёные довольно часто исследуют региональные условия с точки зрения их воздействия на здоровье населения. Медицинскими географами зафиксировано существование «северо-восточного вектора» – «ухудшения здоровья населения, качества и уровня жизни в направлении с юго-запада России на северо-восток» **[1]**.

Система охраны здоровья, в отличие от образа жизни и наследственных заболеваний, поддаётся государственному регулированию **[10]**. Однако в современных условиях российские регионы по-разному решают задачу охраны здоровья населения, поскольку располагают разными ресурсами (финансовыми, кадровыми, технологическими и пр.). Как справедливо отмечают Е.Ю. Костина и Н.А. Орлова, «социальное благополучие населения нельзя рассматривать в отрыве от экономического и социального развития региона» **[5, с. 62]**.

Статистические данные по Российской Федерации демонстрируют ухудшение здоровья каждого последующего поколения. Отечественный исследователь Н. М. Римашевская называет эту ситуацию, когда здоровье последующего поколения оказывается хуже здоровья предыдущего, «социальной воронкой нездоровья» **[8]**. В таких условиях актуализируется задача сохранения и укрепления здоровья детей.

Целью настоящей работы стало выявление региональных факторов, влияющих на здоровье детей, установление силы их воздействия.

В качестве основных методов сбора, обработки и анализа эмпирических данных используются методы кластеризации, корреляционного и регрессионного анализа. Используемые методы многомерного статистического анализа предъявляют определённые требования к эмпирическим данным – они должны иметь количественное выражение, не должно быть пропусков значений, поэтому на данном этапе исследования из рассмотрения пока выпали субъективные оценки (родителей и

Таблица 2. Группировка значений индикаторов детского здоровья

Название региона	Индикатор 1	Индикатор 2	Индикатор 3
Брянская область	1,904558	0,611575	-0,41748
Камчатский край	1,55766	-0,17701	-0,53985
Тамбовская область	1,485488	0,30563	0,542435
Республика Мордовия	1,413394	-0,02407	0,528559
г. Москва	0,880805	-0,01451	0,393817
Тульская область	0,785586	-0,16841	0,243359
Республика Бурятия	0,773038	-0,33722	2,149818
Московская область	0,755564	1,264722	0,30839
Белгородская область	0,62711	-0,17428	0,386461
Воронежская область	0,40685	1,455802	2,171885
Магаданская область	0,319684	1,496192	0,898851
Алтайский край	0,312726	-0,463	-0,1271
Республика Башкортостан	0,257651	0,474603	0,408194
Забайкальский край	0,164121	-0,1308	0,646417
Республика Хакасия	0,158557	0,26314	0,036732
Приморский край	0,84190181	1,164863938	-0,689307435

Источник: составлено авторами.

детей) факторов, влияющих на детское здоровье. Само выделение региональных факторов происходило на основе экспертных оценок учёных, занимающихся вопросами детского здравоохранения, региональных систем здравоохранения и пр.

Статистические данные для изучения были взяты нами из сборников «Регионы России» **[7]**, «Здравоохранение в России» **[3]**, а также из единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) **[2]**. Но данные, представленные в ЕМИСС по группам здоровья детей, оказались не по всем регионам (68 из 85 субъектов РФ), это заставило исключить из рассмотрения регионы Северного Кавказа, Республику Крым и г. Севастополь и ряд других субъектов РФ. Для сравнения данных по разным регионам абсолютные значения были преобразованы в относительные и нормализованы.

В качестве индикаторов (целевых факторов), отражающих ситуацию в российских регионах с детским здоровьем, были выбраны: численность детей 1 и 2 групп здоровья (индикатор 1), численность детей-инвалидов (индикатор 2), количество заболевших детей (индикатор 3). В отношении второго и третьего индикаторов была произведена замена знака для интерпретации в логике «чем выше, тем лучше». С использованием метода группировки значения каждого из трёх индикаторов были разделены на семь групп (три – с высокими и выше среднего значениями, 1 – среднее, 3 – ниже среднего и низкие значения). Границы

Таблица 3. Коэффициент корреляции целевого фактора (y1) и управляющих факторов (x1-x16) кластера «Благополучный»

	y1	x1	x2	x3	x4	x5	x6	x7	x8	x9	xlO	xll	xl2	xl3	xl4	x!5	x!6
y1	1																
x1	-0,06	1,00															
x2	-0,05	-0,92	1														
x3	-0,39	-0,59	0,70	1,00													
x4	0,24	0,24	-0,50	-0,52	1,00												
x5	0,11	0,24	-0,16	-0,54	0,02	1,00											
x6	-0,12	-0,42	0,35	0,15	0,10	0,41	1,00										
x7	-0,17	0,02	-0,13	-0,28	0,51	0,36	0,49	1,00									
x8	-0,09	-0,01	0,00	-0,23	0,13	0,58	0,42	0,76	1,00								
x9	-0,01	0,37	-0,38	-0,55	0,08	0,75	0,21	0,48	0,70	1,00							
xlO	-0,01	0,10	-0,01	-0,22	-0,14	0,74	0,26	0,44	0,82	0,82	1,00						
xll	-0,45	-0,50	0,64	0,73	-0,62	-0,06	0,24	-0,03	0,19	0,02	0,23	1,00					
xl2	-0,16	-0,52	0,47	0,13	0,05	-0,11	0,08	0,34	0,21	-0,03	-0,04	0,41	1,00				
xl3	-0,38	-0,52	0,67	0,94	-0,55	-0,64	-0,10	-0,34	-0,29	-0,61	-0,26	0,64	0,19	1,00			
xl4	-0,57	-0,46	0,37	0,41	-0,05	-0,20	0,41	0,53	0,44	0,06	0,16	0,50	0,56	0,35	1,00		
xl5	0,03	0,22	-0,36	-0,37	0,28	0,29	-0,06	0,18	0,26	0,59	0,47	-0,08	-0,04	-0,38	0,06	1,00	
xl6	-0,14	-0,23	0,22	0,23	0,01	0,14	0,24	0,42	0,75	0,34	0,63	0,42	0,16	0,22	0,49	0,33	1

Источник: составлено авторами.

Таблица 4. Фрагмент результатов регрессионного анализа в MS Excel

	Коэффициенты регрессии	Стандартная ошибка	t-статистика	P-Значение
x2	0,592158	0,148049859	3,99972327	0,00209
x5	-0,40943	0,11903657	-3,4395114	0,00553
x13	-0,62885	0,14878387	-4,2265733	0,00142
x14	-3,02995	0,351874311	-8,6108897	3,2E-06
x16	0,932628	0,369528133	2,52383518	0,02828

Источник: составлено авторами.

групп приведены в *табл. 1*. Для выражения интенсивности признака использована маркировка цветом, симметричная относительно среднего уровня.

Последующее сравнение значений трёх индикаторов по российским регионам, включённым в выборку, позволило выделить пять кластеров – «благополучный», «условно благополучный», «неблагополучный», «условно благополучный с низким уровнем достоверности», «неблагополучный с низким уровнем детской инвалидности».

Первый кластер в целом можно охарактеризовать как благополучный, поскольку в нем сочетаются высокие показатели численности детей, отнесённых к 1 и 2 группам здоровья, с низкими значениями остальных индикаторов. В первый кластер были включены 16 регионов.

Второй кластер характеризуется относительно благополучной ситуацией с детским здоровьем – средние значения численности детей 1–2 групп здоровья сочетаются со средними (в некоторых случаях наблюдаются отклонения как в сторону выше среднего, так и наоборот) значениями двух остальных индикаторов. В данный кластер вошли 16 российских регионов.

Третий кластер противоположен по своим характеристикам первому и назван «неблагополучным». Он включает 7 субъектов РФ.

Четвёртый кластер образован регионами, в которых ситуацию с детским здоровьем можно было бы охарактеризовать как условно благополучную, если бы не высокие значения детской инвалидности (17 регионов).

В пятом кластере низкий уровень здоровья детей сочетается с низкими показателями детской инвалидности и детской заболеваемости. Это, по-видимому, говорит о плохой диагностике серьёзных нарушений детского здоровья (12 регионов).

В данной статье мы ограничимся рассмотрением «благополучного» кластера, поскольку принимаем его показатели за некую идеальную модель на фоне ухудшения общероссийской ситуации с детским здоровьем. В *табл. 2* представлены нормализованные значения по трём целевым индикаторам; использована такая же маркировка цветом, как в *табл. 1*. Как видно из *табл. 2*, наилучшие показатели наблюдаются в Брянской области (преимущественно за счёт высокого удельного веса детей с 1–2 группами здоровья) и Воронежской области – за счёт низких значений числа детей-инвалидов и детских заболеваний. В Приморском крае зафиксировано отклонение ниже среднего значения индикатора 3, но регион было решено оставить в данном кластере в силу высоких показателей 1 и 2 индикаторов.

Для выявления важных региональных условий, влияющих на обеспечение права ребёнка на здоровую среду и медицинскую помощь, на следующем этапе исследования были выделены целевые и управляющие факторы, осуществлён их корреляционный анализ.

В качестве целевых факторов, характеризующих ситуацию с детским здоровьем (нездоровьем) в регионе, были сохранены три выше обозначенных индикатора: численность детей 1 и 2 групп здоровья (y1), численность детей-инвалидов (y2), количество заболевших детей (y3).

Анализ российских публикаций на тему влияния региональных факторов на здоровье населения **[4, 6, 9]** позволил нам обозначить четыре группы управляющих факторов: социально-экономические, характеризующие ситуацию в регионе; институциональные, характеризующие систему охраны здоровья и оказания медицинской помощи в регионе; социально-психологические и экологические.

В итоге был сформирован набор из 16 управляющих факторов:

Группа 1: x1 – отношение среднедушевых доходов населения к величине прожиточного минимума; x2 – численность населения с доходами ниже прожиточного минимума (в процентах к общему числу населения субъекта); x3 – уровень безработицы в процентах; x4 – общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя;

Группа 2: x5 – обеспеченность педиатрами на 10000 населения; x6 – обеспеченность детскими койками на 100 тыс. детского населения; x7 – число оздоровительных учреждений в расчёте на 1 тыс. детей (сюда включены следующие типы учреждений: загородные оздоровительные, санаторно-оздоровительные, оздоровительные с дневным пребыванием); x8 – расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение в расчёте на 1 тыс. человек, млн. руб.;

Группа 3: x9 – удельный вес городского населения в общей численности населения, в процентах; x10 – продажа крепких алкогольных напитков (водка и ликеро-водочные изделия, коньяки, бренди) на душу населения, в литрах; x11 – число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. человек населения; x12 – численность пациентов с психическими расстройствами и расстройствами по поведению, состоящих на учёте в лечебно-профилактических организациях на 100 тыс. человек населения; x13 – число умерших по причине самоубийства в расчёте на 100 тыс. населения;

Группа 4: x14 – выбросы загрязняющих веществ в атмосферу в тыс. тонн, в расчёте на 1 человека; x15 – сброс загрязнённых сточных вод в расчёте на 1 человека, млн. куб. м.; x16 – обеспеченность свежей водой в расчёте на 1 человека, млн. куб. м.

С целью выявления взаимосвязей целевых и управляющих факторов был использован коэффициент линейной корреляции Пирсона, расчёты производились посредством встроенной функции Excel. Полученные данные представлены в *табл. 3*.

Как видно из *табл. 3*, наиболее сильная корреляционная связь (>0,5) обнаружена между целевым фактором (y1) и управляющим фактором четвёртой группы (x14). Остальные корреляционные связи носят умеренный (x3, x11, x13) или слабый (все остальные факторы) характер.

Обращает на себя внимание в данном «благополучном» кластере слабое влияние институциональной группы управляющих факторов, при этом наиболее слабая корреляционная связь отмечена в отношении фактора x8 – «Расходы консолидированных бюджетов на здравоохранение».

Далее был проведён анализ парных коэффициентов корреляции: исследована мультиколлинеарность факторов и исключены факторы линейно связанные между собой (коэффициент больше 0,8), а также

факторы, у которых отсутствует связь с результирующей переменной (коэффициент меньше 0,1). Однако в некоторых случаях управляющие факторы со слабой корреляционной связью с целевым фактором, но сильными корреляционными связями с другими управляющими факторами, в свою очередь сильно коррелирующими с y1, были оставлены для построения регрессионной модели. Также следует заметить, что мы старались сохранить в уравнении регрессии хотя бы по одному фактору из каждой группы управляющих факторов, для того, чтобы в дальнейшем сопоставить группы между собой.

Метод перебора различных уравнений привёл нас к набору из пяти управляющих факторов: x2, x5, x13, x14, x16. Из пяти отобранных факторов два принадлежат к четвёртой (экологической) группе, три оставшиеся – представители социально-экономической, институциональной и социально-психологической групп.

Результаты расчётов, произведённых с помощью пакета анализа MS Excel, показали, что R2=0,775, т.е. 77,5 % общей вариации результативного признака объясняется вариацией обозначенных факторных признаков. Рассчитанный уровень значимости αр = 0,00049 < 0,05, что подтверждает значимость R2. Fвыч=6,9 больше Fкрит=3,33, следовательно, гипотеза об отсутствии связи признаков отклоняется и делается вывод о существенности данной связи. Уравнение регрессии признается статистически значимым.

Предварительный анализ уравнения регрессии показал, что его целесообразно пересчитать без свободного члена a0, который не является статистически значимым.

После пересчёта уравнения регрессии значение R2 увеличилось при сохранении статистической значимости уравнения (αр=0,00049 < 0,050, R2=0,926319), что говорит о правильности принятого решения.

Стандартные ошибки остальных коэффициентов ai больше по модулю своих стандартных ошибок *(см. табл. 4)*. Эти коэффициенты являются также значимыми, значения показателя P-значение меньше заданного уровня значимости α= 0,05.

Таким образом, было получено следующее уравнение регрессии (линейная регрессионная модель):

Y1=0,59*x2-0,41*x5-0,63*x13-3,03*x14+0,93*x16

Так как модель изначально строилась с использованием нормализованных данных, полученные коэффициенты позволяют не только охарактеризовать среднее изменение результата в зависимости от изменения соответствующего фактора на единицу при закреплённом значении других факторов, но и провести сравнительную оценку силы влияния изменения каждого фактора на изменение результативного признака.

Коэффициент a5=0,93 говорит о том, что дополнительное увеличение значения x16 (обеспеченность свежей водой) на 1 условную единицу при фиксированных значениях остальных параметров повлечёт за собой увеличение y1 (количества детей с 1-2 группой здоровья) в среднем на 0,93 условные единицы. Наибольшее влияние на изменение результативного признака оказывает фактор x14 (выбросы загрязняющих веществ в атмосферу). Дополнительное увеличение значения x14 на 1 условную единицу при фиксированных значениях остальных параметров влечёт за собой уменьшение y1 в среднем на 3 условных единицы.

В дальнейшем прояснении нуждаются a1 равный 0,59 и a2, принимающий отрицательное значение (-0,41). Возможно, здесь сказываются погрешности процесса диспансеризации детей: более низкий охват диспансерным наблюдением детей в сельской местности, где ниже уровень обеспеченности педиатрами и большее количество жителей с доходами ниже прожиточного минимума. Также на значения данных коэффици-

ентов могут оказывать влияние скрытые процессы в сфере российского здравоохранения – неформальные практики педиатрического сопровождения детей (родители договариваются с врачом о консультациях напрямую, без посредничества медицинского учреждения), распространение сети частных медицинских организаций, чьи данные не всегда попадают в статистические отчёты и др.

Соотнесение обозначенных в уравнении регрессии управляющих факторов с выделенными ранее четырьмя группами позволяет сделать вывод о ключевой роли четвёртой группы факторов. В регрессионную модель оказались включены два экологических фактора – нормированные значения количества выбросов загрязняющих веществ в атмосферу (в тыс. тонн, в расчёте на 1 человека) и нормированные значения обеспеченности свежей водой (млн. куб. м., в расчёте на 1 человека). Следующим по степени влияния на детское здоровье в регионах «благополучного» кластера оказалась социально-психологическая группа, представленная x13 – нормированным значением числа самоубийств на 100 тысяч населения. Обращает на себя внимание слабое влияние на здоровье детей институциональной группы факторов, которые в нашей модели представлены фактором обеспеченности педиатрами детского населения. Это позволяет сделать заключение о недостаточной реализации первичным звеном системы детского здравоохранения профилактической функции. Врачи, в т.ч. педиатры, имеют дело с детьми, уже утратившими в большей или меньшей степени ресурс здоровья.

◆

Литература

1. Гудинова Ж.В. Оценка качества информации о здоровье детей в России: межрегиональные сравнения и классификация / Ж.В. Гудинова, Г.Н. Жернакова, С.С. Болотова, И.В. Гегечкори // Гигиена и санитария. 2015. № 3. С. 77–82.

2. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 05.09.2017 г.).

3. Здравоохранение в России. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. 174 с.

4. Казанцева Л.К. Влияние загрязнения окружающей среды на здоровье населения регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока / Л.К. Казанцева, Т.О. Тагаева // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014. X Междунар. науч. конгр. и выставка, 8-18 апр. 2014 г., Новосибирск : Междунар. науч. конф. «Экономическое развитие Сибири и Дальнего Востока. Экономика природопользования, землеустройство, лесоустройство, управление недвижимостью»: сб. материалов в 2-х т. / Сиб. гос. геодезич. акад. Новосибирск : СГГА, 2014. Т. 1. С. 175–180.

5. Костина Е.Ю. Социальное благополучие жителей Дальневосточного региона России / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 61–71.

6. Менделевич Б.Д. Оценка влияния региональных показателей на уровень заболеваемости психическими расстройствами детей России / Б.Д. Менделевич, М.П. Шувалова // Вопросы современной педиатрии. 2009. № 8 (5). С. 5–8.

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

8. Римашевская Н.М. Модернизация России: здоровье россиян и демографическая ситуация // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс].

URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php. (дата обращения: 20.09.2017 г.).

9. Рыбакова Д.А. Регионы России: влияние различных факторов на здоровье населения / Д.А. Рыбакова, В.С. Романченко // Вестник международного института экономики и права. 2014. № 4. С. 41–53.

10. Филипова А.Г. Проблема сохранения здоровья детей: институциональные риски и ресурсы. // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 1 (101). С. 28–35.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Gudinova ZH.V. Otsenka kachestva informatsii o zdorov'e detej v Rossii: mezhregional'nye sravneniya i klassifikatsiya / ZH.V. Gudinova, G.N. ZHernakova, S.S. Bolotova, I.V. Gegechkori // Gigiena i sanitariya. 2015. № 3. S. 77–82.

2. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://fedstat.ru (data obrashheniya: 05.09.2017 g.).

3. Zdravookhranenie v Rossii. 2015: Stat. sb. / Rosstat. M., 2015. 174 s.

4. Kazantseva L.K. Vliyanie zagryazneniya okruzhayushhej sredy na zdorov'e naseleniya regionov Urala, Sibiri i Dal'nego Vostoka / L.K. Kazantseva, T.O. Tagaeva // Interehkspo GEO-Sibir'-2014. X Mezhdunar. nauch. kongr. i vystavka, 8-18 apr. 2014 g., Novosibirsk : Mezhdunar. nauch. konf. «EHkonomicheskoe razvitie Sibiri i Dal'nego Vostoka. EHkonomika prirodopol'zovaniya, zemleustrojstvo, lesoustrojstvo, upravlenie nedvizhimost'yu»: sb. materialov v 2-kh t. / Sib. gos. geodezich. akad. Novosibirsk : SGGA, 2014. T. 1. S. 175–180.

5. Kostina E.YU. Sotsial'noe blagopoluchie zhitelej Dal'nevostochnogo regiona Rossii / E.YU. Kostina, N.A. Orlova // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2016. № 2 (37). S. 61–71.

6. Mendelevich B.D. Otsenka vliyaniya regional'nykh pokazatelej na uroven' zabolevaemosti psikhicheskimi rasstrojstvami detej Rossii / B.D. Mendelevich, M.P. SHuvalova // Voprosy sovremennoj pediatrii. 2009. № 8 (5). S. 5–8.

7. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2016: Stat. sb. / Rosstat. M., 2016. 1326 s.

8. Rimashevskaya N.M. Modernizatsiya Rossii: zdorov'e rossiyan i demograficheskaya situatsiya // Demoskop Weekly [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2012/0509/nauka02.php. (data obrashheniya: 20.09.2017 g.).

9. Rybakova D.A. Regiony Rossii: vliyanie razlichnykh faktorov na zdorov'e naseleniya / D.A. Rybakova, V.S. Romanchenko // Vestnik mezhdunarodnogo instituta ehkonomiki i prava. 2014. № 4. S. 41–53.

10. Filipova A.G. Problema sokhraneniya zdorov'ya detej: institutsional'-nye riski i resursy. // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo so-tsial'nogo universiteta. 2012. № 1 (101). S. 28–35.

УДК 327
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/133-150

Киреев А.А.
Kireev A.A.

Сценарии пограничной политики на российском Дальнем Востоке в контексте вариантов развития региона

Scenarios of border policy in the Russian Far East in the context of regional development prospects

В представленной статье даётся ретроспективный анализ и прогноз социально-экономического развития российского Дальнего Востока и его трансграничных экономических и миграционных отношений с Китаем, Японией, Южной Кореей и КНДР. На основе трёх прогнозируемых вариантов развития дальневосточного региона, а также с учётом различных приоритетов государственного управления им, автор описывает два вероятных сценария региональной пограничной политики до 2025 г. – «преемственный» и «модернизационный».

Ключевые слова: *пограничная политика, трансграничные отношения, сценарии, региональное развитие, российский Дальний Восток*

◆

The article gives a retrospective analysis and forecast of the socio-economic development of the Russian Far East and its transborder economic and migratory relations with China, Japan, South Korea and the DPRK. Based on the several projected variants of the development of the Russian Far East, as well as taking into account the various priorities of public administration, the author describes two possible scenarios of the regional border policy until 2025 – the "successive" and the "modernization".

Key words: *border policy, transborder relations, scenarios, regional development, the Russian Far East*

Начиная, по меньшей мере, с 1996 г. программные документы российского правительства, посвящённые Дальнему Востоку, с большей или меньшей настойчивостью связывают достижение планируемых целей развития региона с расширением его взаимодействия со странами АТР. Данный тезис в различных модификациях неоднократно появляется и на страницах последней версии программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» **[2]**. Между тем в индикативной части этой программы (как и предыдущих) трансграничные отношения РДВ в основном обходятся молчанием. Место конкретных целевых показателей этих отношений занимают общие фразы о необходимости их «роста», «повышения», «усиления» и т.п.

При отсутствии каких-либо специальных программ по регулированию трансграничных отношений РДВ (т.е. региональной пограничн-

Публикация выполнена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-03-50119

КИРЕЕВ Антон Александрович, к.полит.н., доцент кафедры политологии ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** antalkir@yandex.ru

ной политике), такой способ целеполагания не может не затруднять планирования в этой сфере. Без количественных целевых ориентиров рациональное определение набора инструментов регулирования, его правовых, организационных, материально-технических, кадровых и финансовых средств, выстраивание пограничной политики (ПП) в регионе как системы невозможно. Если же учесть уровень вовлеченности РДВ в международные связи, особенно высокую степень его зависимости от социально-экономических процессов, происходящих по ту сторону государственных границ, то наличие подобного пробела в официальных планах регионального развития неизбежно вызывает сомнения в их обоснованности и надёжности в целом.

Безусловно, нынешнюю расплывчатость целей дальневосточной ПП нельзя объяснить только «недосмотром» со стороны разработчиков документов стратегического планирования. Внешние и, прежде всего, трансграничные связи региона вообще представляют собой наиболее сложный и рискованный компонент в структуре планов его развития. Международные факторы регионального развития отличаются наиболее высокой неопределённостью и одновременно наименьшей доступностью для управления. Тем не менее, взаимное сопоставление долгосрочных динамик международных и внутренних факторов регионального развития способно уменьшить меру их неопределённости. Опираясь на такое сопоставление, в настоящей работе я попытаюсь выявить количественные значения диапазона возможных вариантов развития трансграничных экономических и социально-демографических отношений РДВ до 2025 г. и наметить вероятные сценарии их политического регулирования.

В основу прогнозирования целевых показателей ПП на РДВ будет положена её концептуальная описательная модель, предложенная автором ранее **[7]**. Исходя из состава включённых в неё основных факторов системы ПП, прогнозное исследование будет состоять из следующих этапов: 1) ретроспективный сравнительный анализ тенденций динамики трансграничных отношений РДВ, а также общественных потенциалов РДВ и его важнейших контрагентов – КНР, Японии, РК и КНДР – в период с 1991 по 2015 гг.; 2) сравнительный анализ поисковых прогнозов динамики тех же факторов в период с 2016 по 2025 гг.; 3) сравнение нормативных прогнозов, отражающих различные цели федеральной политики развития ДФО до 2025 г., и определение вероятных в их контексте сценариев ПП в регионе.

Трансграничные отношения РДВ в постсоветский период имели сложный состав и могут рассматриваться по различным показателям. Для анализа трансграничных экономических отношений региона наиболее значимы объёмы его торговли (прежде всего, экспорта) и поступления прямых иностранных инвестиций. Анализ трансграничных социально-демографических отношений РДВ требует приоритетного внимания к количеству принимаемых им иностранных трудовых мигрантов и туристов. Динамику трансграничных отношений в 1991–2015 гг. нагляднее всего характеризуют среднегодовые темпы роста значений названных показателей, агрегированные по пятилетним этапам. Такая группировка позволяет охватить весь изучаемый период, не упуская, вместе с тем, из виду его внутренней неоднородности. В целях сопоставления, в том же разрезе – среднегодовых темпов роста по пятилетиям – была проанализирована динамика общественных потенциалов РДВ и стран СВА (Китая, Японии, Южной Кореи и КНДР). Общественные потенциалы сторон трансграничного взаимодействия в первом приближении были выражены в показателях ВВП/ВРП и населения.

Таблица 1. Темпы роста экономических потенциалов стран СВА, России и РДВ и трансграничных экономических отношений РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
ВВП Китая*	112,2	108,6	109,8	111,3	107,8
ВВП Японии	101,6	101,1	101,2	100,1	101
ВВП РК	107,9	105,2	104,7	104,1	102,8
ВВП России	90,9	101,6	106,1	103,5	101,2
ВРП РДВ	н/д	95,7	104	107,2	100,4
Экспорт РДВ	92,3	114,4	102,4	104,4	106,4
Импорт РДВ	105	87	131	96	98,6
Поступление ПИИ на РДВ	н/д	127,1	142,8	70,7	149,2

* Стоимостные показатели, использованные в данной работе, были переведены в доллары 2011 г. по ППС.

Источники: рассчитано автором на основе: **[4, с. 556; 5; 11; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 52]**.

Как показывает *табл. 1*, динамика экономических потенциалов выделенных стран СВА (кроме Японии) в 1991–2015 гг. характеризовалась значительным, но постепенно замедляющимся ростом. На протяжении большинства этапов этот рост опережал динамику экономических потенциалов РДВ и России в целом. Кроме того, *табл. 1* фиксирует особый ритм увеличения и сокращения ВРП РДВ, отличный от колебаний ВВП России. Можно предположить, что эта специфика во многом является следствием трансграничных отношений РДВ. В этой связи, показательна устойчивая положительная динамика экспорта региона, сохранявшаяся в течение четырёх этапов рассматриваемого периода, включая кризисные 1990-е и рецессию первой половины 2010-х гг. Статистика темпов роста экспорта вполне подтверждает его уже отмечавшуюся в литературе **[10, с. 96]** важную стабилизирующую роль для региональной экономики. Напротив, резкой неустойчивостью, как видно из *табл. 1*, и отсутствием какой-либо корреляции с другими показателями РДВ и его среды отличалась динамика поступления в регион ПИИ.

Судя по данным *табл. 2*, сходные тенденции в 1991–2015 гг. были свойственны и социально-демографическим потенциалам РДВ и его восточноазиатских контрагентов. Темпы роста населения РК, КНДР и КНР постоянно превосходили соответствующие показатели России и РДВ. При этом население РДВ на всем протяжении изучаемого периода имело отрицательную динамику. С подобным соотношением социально-демографических потенциалов с очевидностью связаны высокие темпы роста количества иностранных трудовых мигрантов на РДВ в 2001–2010 гг., во время экономического подъёма в регионе. Неполнота данных затрудняет ретроспективный анализ динамики туристической миграции, однако нельзя не отметить стремительного подъёма иностранного туризма на РДВ в 2011–2015 гг., когда регион находился в состоянии экономической рецессии.

Сопоставление показателей, представленных в *табл. 1* и *2*, приводит к выводу, что, при относительно стабильной динамике ВВП и населения стран СВА, заметно более выраженные колебания ВРП, на-

Таблица 2. Темпы роста социально-демографических потенциалов стран СВА, России и РДВ и трансграничных миграционных отношений РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Население Китая	101,2	100,9	100,6	100,5	100,5
Население Японии	100,3	100,2	100,1	100	99,9
Население РК	101	100,8	100,4	100,5	100,6
Население КНДР	101,5	100,9	100,8	100,6	100,5
Население России	100	99,8	99,6	99,9	100,2
Население РДВ	98,9	98	99	99,5	99,2
Иностранные труд. мигранты на РДВ	н/д	97,2	124,3	114	88,8
Иностранные туристы на РДВ	н/д	н/д	н/д	86,5	162,9

Источники: рассчитано автором на основе: **[5; 8, с. 197; 24; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 46; 47; 52]**.

селения и большинства показателей трансграничных отношений РДВ могут быть результатом действия промежуточных, как внешних, так и внутрироссийских, факторов. Для того чтобы проверить это предположение и уточнить механизм обусловленности динамики трансграничных отношений РДВ, рассмотрим ряд дополнительных, более специальных показателей общественных потенциалов региона и его партнёров. Так, промежуточными переменными, связывающими экономические потенциалы и торгово-инвестиционные отношения сторон, могут быть показатели спроса и предложения товаров и капиталов. Такими же переменными, связывающими их социально-демографические потенциалы и миграционные отношения, могут служить показатели спроса и предложения трудовых и туристических ресурсов.

С начала 2000-х гг. наиболее весомый компонент дальневосточного экспорта (от одной до двух третей в разные годы) составляла продукция ТЭК. Поэтому особую значимость для объяснения динамики экспортной торговли РДВ имеют показатели потребления первичных энергоресурсов КНР, Японией и РК, полностью или в основном зависящими в этом отношении от внешних поставок **[9, с. 62–63]**. Как показывает *табл. 3*, тенденции потребления первичных энергоресурсов странами СВА сходны с динамикой их ВВП, но демонстрируют в целом меньшие темпы роста, с более быстрым замедлением. В период с 2001 по 2015 гг. отстающие (относительно темпов роста потребления КНР и РК) темпы роста экспорта РДВ сменились на опережающие, что связано с огромными абсолютными объёмами потребления и геополитической привлекательностью дальневосточных поставок для КНР.

На протяжении последней четверти века страны СВА продолжали укреплять своё положение в качестве центров вывоза капитала. Отношение потока ПИИ за границу к ВВП у КНР, Японии и РК в это время росло очень высокими темпами, и, в отличие от других их экономических индикаторов, эти темпы не имели устойчивой тенденции к снижению. Однако следует учитывать, что влияние растущего потока ПИИ из стран СВА на их поступление на РДВ в рассматриваемый период было минимальным. Вплоть до последних лет большая часть ПИИ на РДВ

Таблица 3. Темпы роста потребления первичных энергоресурсов странами СВА и экспорта РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Потребление Китая	105,4	102,5	112,3	106,7	103,8
Потребление Японии	102,5	100,8	100,3	99	97,9
Потребление РК	110,4	105,2	103,1	102,9	101,9
Экспорт РДВ	92,3	114,4	102,4	104,4	106,4

Источники: рассчитано автором на основе: **[4, с. 556; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 50]**.

поступала из ЕС и офшоров. Ощутимое расширение участия стран СВА (прежде всего, Японии) в притоке в дальневосточный регион ПИИ произошло лишь в первой половине 2010-х гг.

Изменения в объёме рабочей силы, как правило, тесно связаны с общей динамикой населения страны или региона. Однако в некоторых случаях им могут быть присущи и собственные, отклоняющиеся тенденции. Так, рабочая сила РДВ в изучаемый период сокращалась менее быстрыми темпами, чем население региона. Для большинства же стран СВА (РК, КНДР и до сер. 2000-х гг. КНР) были характерны опережающие темпы роста рабочей силы по отношению к росту населения *(табл. 5)*. Объективные предпосылки к постепенному повышению спроса на труд, с одной стороны, и сохранению высокого уровня его предложения, с другой, хорошо объясняют значительные темпы роста иностранной трудовой миграции на РДВ в 2001–2010 гг. Вместе с тем, заметное сокращение притока иностранных работников в регион в 2011–2015 гг. свидетельствует о влиянии на эту разновидность трансграничных потоков и других, экономических и, возможно, политических факторов, имеющих внутрироссийское происхождение.

Доступным показателем для оценки динамики туристического потенциала стран СВА могут служить темпы роста выезда туристов из этих стран за рубеж. По данным *табл. 6*, с 1996 по 2015 гг. в двух из трёх рассматриваемых по этому индикатору стран СВА (КНР и РК) темпы роста исходящего турпотока имели очень высокие значения, причём со стабильно большим отрывом лидировал Китай. Именно такие темпы роста в сочетании с колоссальными абсолютными объёмами выезда китайских туристов стали основой взрывного увеличения иностранного турпотока на РДВ в 2011–2015 гг. Вместе с тем, как показывает сравнение с этапом 2006–2010 гг., это увеличение явилось также результатом изменившейся экономической конъюнктуры (падение курса рубля) и, в определённой мере, поощрительной политики российской стороны.

Среди рассмотренных выше весьма различных как по объективным социально-экономическим тенденциям, так и по государственной политике в отношении РДВ, пяти этапов периода 1991–2015 гг., предпочтительной базой для прогнозирования региона является, с моей точки зрения, этап 2006–2010 гг. Это связано не только с тем, что, данный этап, предшествующий мировой рецессии, выступает естественным ориентиром для ожидаемого вслед за ней на глобальном и национальном уровнях восстановления. Выбор в пользу этапа 2006–2010 гг. обусловлен также его особым местом в новейшей истории РДВ. На вторую половину 2000-х гг. приходится завершение продолжавшегося в течение постсоветского периода процесса складывания экспортно-сырьевой специали-

Таблица 4. Темпы роста отношения прямых инвестиций за границу к ВВП стран СВА и объёма ПИИ на РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Прямые инвестиции за границу к ВВП Китая	116,6	98,9	101,6	116,1	113,3
Прямые инвестиции за границу к ВВП Японии	92,6	105,4	107,3	112,4	113,9
Прямые инвестиции за границу к ВВП РК	123,7	109,9	102,4	125	109,4
Поступление ПИИ на РДВ	н/д	127,1	142,8	70,7	149,2

Источники: рассчитано автором на основе: **[15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 52]**.

зации РДВ. Эта специализация, формировавшаяся первоначально под действием стихийных рыночных сил, в 2006–2010 гг. была поддержана и усилена возобновившейся государственной политикой программированного развития региона. Результатом такой политики стало закрепление определённой отраслевой структуры экономики и конфигурации внешнеторговых связей, их воплощение в инфраструктурных (трубопроводных и иных транспортных) проектах и международных соглашениях. Оформившиеся в эти годы важнейшие структурные особенности социально-экономической системы РДВ сохраняются до сих пор.

В довольно тесной связи с общей региональной политикой федерального центра в 2006–2010 гг. менялась и ПП на РДВ, эволюционировавшая в направлении селективной либерализации. Целью этих изменений в ПП было создание более благоприятных правовых и административных условий для расширения сырьевого экспорта, увеличения обеспечивавших его инвестиционных и миграционных потоков, при одновременном сдерживании импорта (главным образом, потребительского). Хотя под влиянием мирового экономического кризиса уже на рубеже 2000-х – 2010-х гг. идеология такой модели ПП (и стоящей за ней модели экономики) подверглась ревизии, а с 2014 г. эта ревизия распространилась и на её практику **[2; 48]**, тем не менее, говорить об отказе от данной модели было бы преждевременным. Опирающаяся на интересы влиятельных кругов федеральной бюрократии и корпораций, а также их зарубежных партнёров, ПП, сложившаяся на РДВ в 2006–2010 гг., обладает значительным инерционным потенциалом.

Существование внутренних и внешних предпосылок для инерционного развития РДВ и его трансграничных отношений с соседями отражено в экстраполяционном поисковом прогнозе на 2016–2025 гг., количественные параметры которого представлены в *табл. 7*. Описание инерционного варианта развития основано на предположении о сохранении тех среднегодовых темпов роста общественных потенциалов стран СВА и РДВ, а также экономического и миграционного взаимодействия между ними, которые наблюдались в 2006–2010 гг. Исключение при построении прогноза было сделано только для темпов роста поступления на РДВ ПИИ и приёма регионом иностранных туристов. Темпы роста этих двух показателей были рассчитаны как средние для двух этапов – 2006–2010 и 2011–2015 гг. Это обусловлено необходимостью учесть резкую смену на рубеже 2000–2010-х гг. трендов динамики притока ПИИ и туристов, которая стала результатом не только конъюнктурных колебаний, но и корректировки дальневосточной ПП.

Таблица 5. Темпы роста рабочей силы стран СВА и РВД и трудовой миграции на РДВ в 1991–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1991–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Рабочая сила Китая	101,3	101,3	100,8	100,4	100,5
Рабочая сила Японии	100,9	100,2	99,7	100	99,7
Рабочая сила РК	102,2	101,1	101,1	100,9	101,2
Рабочая сила КНДР	101,3	101	100,8	100,8	100,7
Рабочая сила РДВ	н/д	98,6	99	99,9	99,6
Иностранные труд. мигранты на РДВ	н/д	97,2	124,3	114	88,8

Источники: рассчитано автором на основе: **[8, с. 197; 24; 26; 27; 42; 43; 46; 47; 49; 52]**.

Согласно инерционному варианту развития (который можно назвать «консервативно-оптимистическим»), к 2015 г. ВРП РДВ удвоится, его экспорт увеличится более чем в 1,5 раза, а поступление ПИИ в регион возрастёт на 30,5%. Количество работающих на РДВ иностранных трудовых мигрантов превысит показатель 2016 г. в 3,7 раза, а принятых регионом интуристов – в 5,5 раза. При этом население РДВ по данным экстраполяционного прогноза в 2025 г. может составить лишь 95,1% от уровня 2015 г.

Весьма высокие ориентиры развития РДВ по консервативно-оптимистическому варианту вплоть до апреля 2014 г. рассматривались в программных документах федеральной региональной политики не только как вполне достижимые, но и не предельные **[3; 44]**. Заявления о возможности удвоения ВРП РДВ к 2025 г. периодически делались правительственными чиновниками и позднее **[6]**. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание, что независимо от целей федеральной политики в ДФО, вероятность его развития по консервативно-оптимистическому варианту основана на допущении о сохранении темпов роста общественных потенциалов стран СВА, имевших место в 2006–2010 гг. Однако прогнозы социально-экономической динамики соседей РДВ, как правило, предсказывают её более или менее значительное торможение.

Ожидаемые тенденции снижения динамики КНР, Японии, РК и КНДР положены в основу консервативно-умеренного и консервативно-пессимистического вариантов развития РДВ и его трансграничных отношений, описанных соответственно в *табл. 8* и *табл. 9*. При этом, консервативно-умеренный вариант базируется на основном варианте прогноза мировой экономики, разработанного Минэкономразвития, «высоком» варианте энергетического прогноза USEIA и «среднем» варианте демографического прогноза ООН, а консервативно-пессимистический вариант – на варианте А прогноза Минэкономразвития, «низком» варианте прогноза USEIA и «низком» варианте прогноза ООН. Из указанных прогнозов были извлечены значения темпов роста ВВП и населения КНР, Японии, РК и КНДР в 2016–2025 гг. Что же касается темпов роста остальных показателей общественных потенциалов стран СВА, показателей трансграничных отношений и общественного потенциала РДВ, то они были получены на основе коэффициентов эластичности для названных показателей, рассчитанных по их средним значениям в 2006–2010 гг. Таким образом, и консервативно-умеренный, и консервативно-пессимистический варианты поискового прогноза исходят из ста-

Таблица 6. Темпы роста выезда туристов из стран СВА и приёма иностранных туристов на РДВ в 1996–2015 гг. (средние по пятилетиям, %)

Показатели	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
Выезд туристов из Китая	118,2	124,2	113,1	115,3
Выезд туристов из Японии	103,1	99,5	99,1	99,5
Выезд туристов из РК	107,6	112,8	104,4	109,1
Иностранные туристы на РДВ	н/д	н/д	86,5	162,9

Источники: рассчитано автором на основе: **[5; 52]**.

бильности структурных характеристик взаимодействующих социально-экономических систем РДВ и его соседей и предполагают в перспективе до 2025 г. лишь их количественные изменения.

Как следует из *табл. 8* и *9*, итоги развития РДВ и его трансграничных отношений по консервативно-умеренному и консервативно-пессимистическому вариантам в целом значительно уступают его результатам по консервативно-оптимистическому варианту. Реализация консервативно-умеренного прогноза к 2025 г. приведёт к росту ВРП РДВ до 150,8 %, экспорта – до 128,6 % , и ПИИ – до 116,6 % к уровню 2015 г. Осуществление консервативно-пессимистического варианта развития к концу того же периода увеличит ВРП РДВ до 138,3 %, экспорта – до 121,9 %, а притока ПИИ – до 113 % к уровню 2015 г. При этом темпы сокращения населения РДВ по двум названным вариантам также уменьшатся, что в первом случае сохранит к 2025 г. в регионе 97 %, а во втором – 98 % от численности его населения в 2015 г. Такое относительное «улучшение» демографической динамики в условиях экономического торможения, на мой взгляд, можно объяснить связанным с последним замедлением роста доли в дальневосточной экономике ТЭК, гипертрофия которого ведёт к уменьшению количества новых и привлекательных для жителей региона рабочих мест.

Примечательна также прогнозная динамика количества в регионе иностранных работников и туристов. Согласно консервативно-умеренному прогнозу, к 2025 г. количество работающих на РДВ иностранцев увеличится на 254 %, а иностранных туристов – на 214,7 %. Согласно консервативно-пессимистическому прогнозу, эти показатели соответственно будут составлять 138,3 и 82,8 % от уровня 2015 г.

Поисковые прогнозы развития РДВ и его трансграничных отношений, основанные на ретроспективном анализе социально-экономических тенденций, задаваемых, прежде всего, восточноазиатскими соседями региона, позволяют наметить рамки его наиболее вероятного будущего, с которыми так или иначе должно считаться любого рода стратегическое целеполагание и планирование. Важнейшим плановым документом для дальневосточного региона на сегодня является программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (2014–2025 гг.) (далее: Программа 2014 г.) **[2]**. За последнее десятилетие документы регионального стратегического планирования неоднократно подвергались пересмотру. Такой пересмотр мог сопровождаться не только корректировкой значений программных индикаторов, но и изменением их набора, что нарушало системность и прогнозную обоснованность программы в целом. Именно на это указывает сравнение действующей Программы 2014 г. с её предшествующей версией, утверждённой в марте 2013 г. (Программа 2013 г.). Основанная на форсированном (целевом) варианте прогноза российской экономики, подготовленного Ми-

Таблица 7. Консервативно-оптимистический поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	2015 (абс. значения)	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	153683,1	107,2	307980,9	200,4
Экспорт РДВ (млн. долл.)	54556,1	104,4	83907,3	153,8
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	18712,1	102,7	24419,3	130,5
Население РДВ (тыс. чел.)	6211	99,5	5906,7	95,1
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	83,8	114	310,6	370,7
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	529,8	118,7	2941,9	555,3

Источники: рассчитано автором на основе: **[5; 15; 42; 43; 49]**.

нэкономразвития, Программа 2013 г. устанавливала самые высокие в новейшей истории РДВ значения индикаторов его развития. При этом целевые индикаторы Программы 2013 г. охватывали все важнейшие сферы социально-экономического развития региона, включая внешнеэкономическую **[3]**. Программа 2014 г. существенно понизила значения общерегиональных (агрегированных) индикаторов, одновременно резко ограничив их количество. Её основное содержание было выражено в специализированных показателях, характеризующих выполнение вновь поставленных задач (подпрограмм) в сферах инвестиций и занятости, и не являвшихся ранее предметом статистического учёта. Обращает на себя внимание и отсутствие в Программе 2014 г. ссылок на какие-либо прогнозы.

В Программе 2014 г., как уже отмечалось, не выделены индикаторы, непосредственно описывающие трансграничные отношения РДВ. Тем не менее, опираясь на зафиксированные в ней целевые значения ВРП и населения РДВ и используя соотношения (коэффициенты эластичности) темпов роста региональных показателей, полученные для этапа 2006–2010 гг., в *табл. 10* я реконструирую вероятную перспективную динамику значений этих показателей в 2016–2025 гг.

В части темпов роста ВРП, экспорта и ПИИ программный нормативный прогноз указывает даже несколько более низкие ориентиры, чем консервативно-пессимистический вариант развития региона. Однако следует учитывать, что экономические показатели реконструированного программного прогноза не исчерпывают всего экономического содержания Программы 2014 г. Так, Программа 2014 г. предусматривает увеличение к 2025 г. накопленного объёма частных инвестиций в дальневосточные ТОРы до 2 351,7 млрд. руб. Поскольку значительную часть этих инвестиций должны составить вложения иностранных инвесторов, то это не может не повысить величину прироста ПИИ в регион.

В части социально-демографических показателей программный прогноз не соответствует ни одному из ранее описанных вариантов развития, по существу выходя за рамки очерченного ими диапазона вероятного будущего региона. Для достижения указанного в Программе 2014 г.

Таблица 8. Консервативно-умеренный поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	104,2	231751,6	150,8
Экспорт РДВ (млн. долл.)	102,5	70156,7	128,6
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101,5	21825,8	116,6
Население РДВ (тыс. чел.)	99,7	6026,1	97
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	109,8	212,9	254
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	107,9	1137	214,7

Источники: рассчитано автором на основе: **[13; 51; 53]**.

целевого значения в 6 496 тыс. жителей темп роста населения региона в 2016–2025 гг. должен составлять 100,4 % в год. Принимая во внимание устойчивую тенденцию сокращения населения ДФО и планируемое в той же Программе замедление динамики ВРП, возможность перехода к таким темпам демографического роста вызывает сомнения. Неясность связи планируемых динамик экономических и социально-демографических показателей РДВ говорит, по меньшей мере, о неполноте, если не о внутренней противоречивости действующей Программы.

Рассогласованность экономической и демографической составляющих Программы 2014 г., на мой взгляд, – это одно из проявлений механического совмещения в ней консервативного и инновационного подходов к развитию региона. При чем, если консервативное описание макроэкономической динамики РДВ исходит из реалистичной оценки ухудшающихся условий его среды, то демографический прогноз базируется, по-видимому, на ожиданиях взрывного роста инвестиций, технологических новшеств и занятости в результате создания в регионе ТОРов. Однако учреждение зон со льготными правовыми режимами само по себе не является гарантией позитивного инновационного и социально-демографического эффекта. В неблагоприятной, ригидной среде функционирование ТОРов будет, скорее всего, подчинено запросам «старой», сырьевой экономики, и присущим ей тенденциям.

Различия последствий применения в управлении развитием РДВ консервативного и инновационного подходов наглядно продемонстрированы в нормативном прогнозе на 2010–2050 гг., разработанном на рубеже 2000–2010-х гг. дальневосточными экономистами **[1; 45]**. Конкретные значения первого варианта этого прогноза, который базировался на старой программе развития РДВ, в настоящее время уже утратили свою актуальность. Следует лишь отметить, что, согласно этому более высокому варианту программного прогноза, после 2030 г. экономика РДВ должна войти в длительную фазу торможения **[1, с. 11]**.

Второй (назовём его «альтернативным») вариант данного прогноза исходит из осуществления концепции «новой индустриализации» РДВ. По прогнозируемым параметрам ВРП он близок к консервативно-оптимистическому варианту будущего региона *(табл. 11)*. Однако в данном случае двукратный экономический рост имеет иную, инноваци-

Таблица 9. Консервативно-пессимистический поисковый прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	103,3	212540	138,3
Экспорт РДВ (млн. долл.)	102	66493,8	121,9
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101,2	21144,1	113
Население РДВ (тыс. чел.)	99,8	6087,4	98
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	103,3	115,9	138,3
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	98,1	438,7	82,8

Источники: рассчитано автором на основе: **[13; 51; 53]**.

онную структурно-технологическую основу. Он увязан с повышением отраслевой дифференциации дальневосточной экономики и изменением соотношения добывающей и обрабатывающей промышленности в ней в пользу последней. Это предполагает расширение ассортимента продукции региона и более активные, в сравнении с консервативно-оптимистическим прогнозом, темпы роста его экспорта. Кроме того, альтернативный вариант нормативного прогноза включает в себя ускоренный рост среднедушевого показателя ВРП РДВ, существенно опережающий общероссийский **[1, с. 10–14]**, что должно обеспечить выполнение поставленной в программном прогнозе задачи по прекращению оттока населения региона.

Несмотря на то, что альтернативный нормативный прогноз не даёт достаточно определённой картины развития трансграничных отношений РДВ, его сопоставление с программным, а также с поисковыми прогнозами позволяет охарактеризовать основные особенности вероятных сценариев ПП в регионе. Исходя из различий программного и альтернативного нормативных прогнозов и стоящих за ними стратегических приоритетов в развитии дальневосточного региона, спектр таких сценариев можно свести к двум важнейшим.

Первый из этих сценариев («преемственный») построен на представлении о том, что в обозримой перспективе, – до 2025 г. и даже далее, вплоть до 2035 г., – РДВ сохранит свою преимущественную специализацию экспортёра топливно-энергетических ресурсов. При этом, как следует не только из Программы 2014 г., но и проекта Энергетической стратегии РФ до 2035 г. **[14]**, учитывая ожидаемое прогрессирующее снижение потребления энергоресурсов странами СВА, эта концепция предполагает относительно низкие и замедляющиеся темпы экономического роста РДВ. Вместе с тем, понимание недостаточности таких темпов развития для поддержания социально-экономической безопасности региона, и прежде всего его демографической стабилизации, побуждает сторонников данной концепции к принятию компенсирующих мер, направленных на привлечение в ДФО дополнительных частных, и в т. ч. иностранных, инвестиций.

Таблица 10. Программный нормативный прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	102,6	199539	129,8
Экспорт РДВ (млн. долл.)	101,6	61489,8	120,3
Поступление ПИИ на РДВ (млн. долл.)	101	31839,5	111,9
Население РДВ (тыс. чел.)	100,4	6496	104,6
Иностранные труд. мигранты на РДВ (тыс. чел.)	88,8	25,5	30,4
Иностранные туристы на РДВ (тыс. чел.)	85,04	104,9	19,8

Источники: рассчитано автором на основе: **[2]**.

Такие компенсирующие меры, воплощением которых является распространение режимов ТОРов и СвП, по сути своей не могут сформировать на РДВ нового технологического уклада и привести к существенному ускорению роста экономики и приросту населения. Скорее, эти институты будут, в конечном счёте, адаптированы к структуре уже сложившейся социально-экономической системы. На это указывает целевая аморфность институтов развития, отсутствие у ТОРов и СвП чёткой связи с территориальными и отраслевыми «точками роста», а также большой удельный вес среди их инвесторов компаний ТЭК, предпочитающих вкладывать деньги в профильные или смежные для них проекты **[12]**. В этих условиях развитие региона будет оставаться высоко зависимым от потребностей и состояния стран СВА. Темпы роста трансграничных отношений РДВ будут находиться в рамках, намеченных программным и консервативно-пессимистическим прогнозами: экспорт – от 101,6 до 102 %, поступление ПИИ – от 101 до 101,2 % в год. При сохранении отрицательной динамики населения, трудовая миграция может показать некоторый рост (до 103,3 % в год), а въездной турпоток, после всплеска 2011–2015 гг., сократится.

Основной целью ПП на РДВ в этом сценарии станет разносторонняя поддержка топливно-сырьевого экспорта. Это подразумевает меры по строительству и расширению пропускной способности транспортной и собственно пограничной инфраструктуры, активизации привлечения в добывающие отрасли иностранных инвестиций и технологий. Эти меры, сокращающие издержки пересечения границы, по существу являются продолжением работы, начатой ещё в середине 2000-х гг., реализацией (при меньшем бюджетном финансировании) проектов и международных соглашений, появившихся ранее. Их общее стимулирующее воздействие на динамику топливно-сырьевого экспорта, потенциал увеличения спроса на который неуклонно сокращается, а возможности либерализации практически исчерпаны, не может быть значительным.

Второй сценарий ПП («модернизационный») исходит из недопустимости консервации социально-экономической системы, сложившейся на РДВ в постсоветский период. Концепция «новой индустриализации» предполагает структурно-технологическую модернизацию дальневосточной экономики, одним из инструментов которой должна стать реги-

Таблица 11. Альтернативный нормативный прогноз (2016–2025 гг.)

Показатели	Среднегодовые темпы роста, %	2025 (абс. значения)	2025 к 2015, рост, %
ВРП РДВ (млн. долл.)	107,2	307897,3	200,3
Экспорт РДВ (млн. долл.)	106,9	106310,8	194,8

Источники: рассчитано автором на основе: **[45, с. 498]**.

ональная ПП. Ядро «новой индустриализации» состоит в технико-технологическом перевооружении комплекса отраслей обрабатывающей промышленности, которое позволит развернуть широкий экспорт готовой продукции. Этому процессу будет сопутствовать оживление в других секторах региональной экономики (включая сектор услуг), увеличение притока в регион инвестиций, рост занятости и положительная демографическая динамика. Темпы роста трансграничных экономических отношений РДВ в этом сценарии будут близки к значениям, зафиксированным в альтернативном и консервативно-оптимистическом прогнозах: рост экспорта будет находиться в пределах от 104,4 до106,9 %, а рост поступления ПИИ может превысить 102,7 % в год. Соединение быстрого подъёма ВРП с предполагаемым программным прогнозом улучшением демографической ситуации может позволить превысить темпы роста иностранного туризма, предусмотренные консервативно-оптимистическим прогнозом (118,7 %), но, по-видимому, снизит намеченные в нем темпы увеличения трудовой миграции (114 %).

Цель дальневосточной ПП в рамках модернизационного сценария будет заключаться в том, чтобы наиболее эффективным образом связать новые ведущие отрасли РДВ с внешними рынками товаров и услуг, капитала и труда. Борьба за ещё не осваивавшиеся рынки (и создание ещё не существующих), выстраивание новой структуры трансграничных связей, поддержка малого и среднего бизнеса и высокорисковых инновационных проектов потребует от государства больших (в сравнении с преемственным сценарием) усилий и затрат. Однако эти усилия и затраты должны быть связаны не столько с капитальными и инфраструктурными вложениями, сколько с улучшением нематериальных условий трансграничного взаимодействия, его либерализацией и дебарьеризацией, с селективным распределением среди его участников информации и услуг, льгот и субсидий. Модернизационная ПП в регионе должна сделать трансграничные отношения максимально удобными и выгодными именно для тех субъектов, производителей и потребителей, чья активность в наибольшей степени содействует качественному, стадиальному обновлению социально-экономической системы РДВ. Для этого необходимо, чтобы применяемые данной политикой особые правовые режимы (территориальные или экстерриториальные) предоставлялись гораздо более адресно, чем это происходит сейчас. В частности, эффективность ТОРов и СвП в контексте модернизационного сценария следует оценивать, прежде всего, не по количеству и стоимости зарегистрированных инвестиционных проектов, а по их отраслевой и продуктовой специализации, по ожидаемому воздействию на структуру экспорта и импортозамещения, по долгосрочному технологическому и социальному влиянию на развитие региона.

Не устраняя зависимости РДВ от внешней среды, модернизационная ПП делает её значительно более гибкой и стимулирующей, путём диверсификации селективности регулирования трансграничных отношений. Если реализация преемственного сценария будет только

наращивать вес в трансграничных отношениях РДВ топливно-энергетического экспорта, нацеленного, прежде всего, на рынок КНР, то модернизационный сценарий уже в ближайшее десятилетие может значительно увеличить долю в их структуре вывоза сельскохозяйственной, пищевой и машиностроительной продукции, въездного туризма, импорта технологий и капитала, а также расширить круг основных партнёров региона (в т. ч. за счёт стран АСЕАН и Индии).

По всей видимости, реальная ПП на РДВ второй половины 2010-х – первой половины 2020-х гг. будет формироваться в процессе поиска компромисса между преемственным и модернизационным сценариями. Попытки их комбинирования объективно обусловлены перспективой длительного сосуществования в экономике региона «старого» и «нового» индустриального укладов. Важно, однако, чтобы этот вероятный компромисс нашёл в итоге своевременное и исторически правильное завершение.

◆

Литература

1. Власюк Л.И., Минакир П.А. Долгосрочный региональный прогноз: синтез технологического и экономического подходов // Проблемы прогнозирования. 2013. № 2. С. 3–14.

2. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf (дата обращения: 11.03.2017).

3. Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 466-р) // Система Гарант. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70351168/ (дата обращения: 13.12.2016).

4. Дальний Восток России: экономический потенциал. Владивосток: Дальнаука, 1999.

5. Единая межведомственная информационно-статистическая система. Государственная статистика. [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 10.07.2017).

6. Заседание итоговой коллегии «Об итогах деятельности Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока в 2013 году и первой половине 2014 года» // Минвостокразвития России. [Электронный ресурс]. URL: http://old.minvr.ru›upload/kollegiya-DV.pdf (дата обращения: 10.07.2017).

7. Киреев А.А. Модель пограничной политики на РДВ: факторы и механизмы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2017. № 3. С. 74-85.

8. Красова Е.В. Иностранная рабочая сила в мировой и региональной экономике: современные аспекты государственного регулирования. Владивосток: ВГУЭС, 2012. 212 с.

9. Меламед И.И., Дягилев А.А., Авдеев М.А. Основные подходы к развитию Дальнего Востока и Прибайкалья. М.: Современная экономика и право, 2010. 176 с.

10. Минакир П.А., Прокапало О.М. Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.

11. Национальные счета России в 1994-2001 гг. / Госкомстат России. М., 2002.
12. Объем частных инвестиций в дальневосточные проекты до 2025 года составит 3 трлн рублей // Rambler News Service. [Электронный ресурс]. URL: https://rns.online/regions/Obem-chastnih-investitsii-v-dalnevostochnie-proekti-do-2025-goda-sostavit-3-trln-rublei--2017-02-20/ (дата обращения: 11.06.2017).
13. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. // Система Гарант. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/70309010/ (дата обращения: 15.05.2017).
14. Проект Энергетической стратегии России на период до 2035 г. // Институт энергетической стратегии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.energystrategy.ru/Docs/ES-2035_1.pdf (дата обращения: 19.06.2017).
15. Прямые инвестиции в РФ. Операции по субъектам, в которых зарегистрированы резиденты // Центральный банк РФ. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs (дата обращения: 12.07.2017).
16. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 1997.
17. Регионы России. В 2-х т. Т.2 / Госкомстат России. М., 2001.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
19. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.
20. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004 / Росстат. М., 2004.
22. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 / Росстат. М., 2006.
23. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007 / Росстат. М., 2007.
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012 / Росстат. М., 2012.
25. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013 / Росстат. М., 2013.
26. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014 / Росстат. М., 2014.
27. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 / Росстат. М., 2015.
28. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1994.
29. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1997.
30. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 1998.
31. Российский статистический ежегодник / Госкомстат России. М., 2000.
32. Российский статистический ежегодник. 2001 / Госкомстат России. М., 2001.
33. Российский статистический ежегодник. 2002 / Госкомстат России. М., 2002.
34. Российский статистический ежегодник. 2003 / Госкомстат России. М., 2003.
35. Российский статистический ежегодник. 2004 / Росстат. М., 2004.
36. Российский статистический ежегодник. 2005 / Росстат. М., 2005.
37. Российский статистический ежегодник. 2007 / Росстат. М., 2007.
38. Российский статистический ежегодник. 2009 / Росстат. М., 2009.
39. Российский статистический ежегодник. 2011 / Росстат. М., 2011.
40. Российский статистический ежегодник. 2014 / Росстат. М., 2014.
41. Российский статистический ежегодник. 2015 / Росстат. М., 2015.
42. Социально-экономическое положение ДФО в 2015 г. // Росстат. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm (дата обращения: 3.06.2017).

43. Социально-экономическое положение ДФО в 2016 г. // Росстат. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (дата обращения: 13.02.2017).

44. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р) // Правительство России. [Электронный ресурс]. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 10.12.2016).

45. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 560 с.

46. Труд и занятость в России 2003 / Госкомстат. М., 2003.

47. Труд и занятость в России 2005 / Росстат. М., 2006.

48. Федеральный закон от 29.12.2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в РФ» // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39279 (дата обращения: 11.09.2016).

49. Численность рабочей силы по субъектам РФ // Росстат. 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (дата обращения: 11.07.2017).

50. BP Statistical Review of World Energy June 2017 // BP Global. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html (дата обращения: 12.07.2017).

51. International Energy Outlook 2016 with Projections to 2040. May 2016 // U.S. Energy Information Administration. [Электронный ресурс]. URL: www.eia.gov/forecasts/ieo (дата обращения: 10.07.2017).

52. World Development Indicators (April 2017) // The World Bank: Data. [Электронный ресурс]. URL: http://data.worldbank.org/products/wdi (дата обращения: 4.07.2017).

53. World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables / United Nations. Working Paper No. ESA/P/WP/248.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Vlasyuk L.I., Minakir P.A. Dolgosrochnyj regional'nyj prognoz: sintez tekhnologicheskogo i ehkonomicheskogo podkhodov // Problemy prognozirovaniya. 2013. № 2. S. 3–14.

2. Gosudarstvennaya programma RF «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» (utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 308) // Pravitel'stvo Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://government.ru/media/files/RoWSHHM7NUM.pdf (data obrashheniya: 11.03.2017).

3. Gosudarstvennaya programma RF «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona» (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29 marta 2013 g. № 466-r) // Sistema Garant. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://base.garant.ru/70351168/ (data obrashheniya: 13.12.2016).

4. Dal'nij Vostok Rossii: ehkonomicheskij potentsial. Vladivostok: Dal'nauka, 1999.

5. Edinaya mezhvedomstvennaya informatsionno-statisticheskaya sistema. Gosudarstvennaya statistika. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://fedstat.ru/ (data obrashheniya: 10.07.2017).

6. Zasedanie itogovoj kollegii «Ob itogakh deyatel'nosti Ministerstva Rossijskoj Federatsii po razvitiyu Dal'nego Vostoka v 2013 godu i pervoj polovine 2014 goda» // Minvostokrazvitiya Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://old.minvr.ru›upload/kollegiya-DV.pdf (data obrashheniya: 10.07.2017).

7. Kireev A.A. Model' pogranichnoj politiki na RDV: faktory i mekhanizmy // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2017. № 3. C. 74-85.

8. Krasova E.V. Inostrannaya rabochaya sila v mirovoj i regional'noj ehkonomike: sovremennye aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya. Vladivostok: VGUEHS, 2012. 212 s.
9. Melamed I.I., Dyagilev A.A., Avdeev M.A. Osnovnye podkhody k razvitiyu Dal'nego Vostoka i Pribajkal'ya. M.: Sovremennaya ehkonomika i pravo, 2010. 176 s.
10. Minakir P.A., Prokapalo O.M. Regional'naya ehkonomicheskaya dinamika. Dal'nij Vostok. KHabarovsk: DVO RAN, 2010. 304 c.
11. Natsional'nye scheta Rossii v 1994-2001 gg. / Goskomstat Rossii. M., 2002.
12. Ob"em chastnykh investitsij v dal'nevostochnye proekty do 2025 goda sostavit 3 trln rublej // Rambler News Service. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://rns.online/regions/Obem-chastnih-investitsii-v-dalnevostochnie-proekti-do-2025-goda-sostavit-3-trln-rublei--2017-02-20/ (data obrashheniya: 11.06.2017).
13. Prognoz dolgosrochnogo sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya RF na period do 2030 g. // Sistema Garant. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://base.garant.ru/70309010/ (data obrashheniya: 15.05.2017).
14. Proekt EHnergeticheskoj strategii Rossii na period do 2035 g. // Institut ehnergeticheskoj strategii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.energystrategy.ru/Docs/ES-2035_1.pdf (data obrashheniya: 19.06.2017).
15. Pryamye investitsii v RF. Operatsii po sub"ektam, v kotorykh zaregistrirovany rezidenty // TSentral'nyj bank RF. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs (data obrashheniya: 12.07.2017).
16. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 1997.
17. Regiony Rossii. V 2-kh t. T.2 / Goskomstat Rossii. M., 2001.
18. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2001 / Goskomstat Rossii. M., 2001.
19. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2002 / Goskomstat Rossii. M., 2002.
20. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2003 / Goskomstat Rossii. M., 2003.
21. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2004 / Rosstat. M., 2004.
22. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2005 / Rosstat. M., 2006.
23. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2007 / Rosstat. M., 2007.
24. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2012 / Rosstat. M., 2012.
25. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2013 / Rosstat. M., 2013.
26. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2014 / Rosstat. M., 2014.
27. Regiony Rossii. Sotsial'no-ehkonomicheskie pokazateli. 2015 / Rosstat. M., 2015.
28. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1994.
29. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1997.
30. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 1998.
31. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik / Goskomstat Rossii. M., 2000.
32. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2001 / Goskomstat Rossii. M., 2001.
33. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2002 / Goskomstat Rossii. M., 2002.
34. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2003 / Goskomstat Rossii. M., 2003.
35. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2004 / Rosstat. M., 2004.
36. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2005 / Rosstat. M., 2005.
37. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2007 / Rosstat. M., 2007.
38. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2009 / Rosstat. M., 2009.
39. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2011 / Rosstat. M., 2011.
40. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2014 / Rosstat. M., 2014.

41. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2015 / Rosstat. M., 2015.
42. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie DFO v 2015 g. // Rosstat. 2016. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_20/Main.htm (data obrashheniya: 3.06.2017).
43. Sotsial'no-ehkonomicheskoe polozhenie DFO v 2016 g. // Rosstat. 2017. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_20/Main.htm (data obrashheniya: 13.02.2017).
44. Strategiya sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona na period do 2025 g. (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2009 g. № 2094-r) // Pravitel'stvo Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (data obrashheniya: 10.12.2016).
45. Tikhookeanskaya Rossiya – 2030: stsenarnoe prognozirovanie regional'nogo razvitiya / pod red. P.A. Minakira. KHabarovsk: DVO RAN, 2010. 560 c.
46. Trud i zanyatost' v Rossii 2003 / Goskomstat. M., 2003.
47. Trud i zanyatost' v Rossii 2005 / Rosstat. M., 2006.
48. Federal'nyj zakon ot 29.12.2014 g. № 473-FZ «O territoriyakh operezhayushhego sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya v RF» // Prezident Rossii. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/39279 (data obrashheniya: 11.09.2016).
49. CHislennost' rabochej sily po sub"ektam RF // Rosstat. 2017. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (data obrashheniya: 11.07.2017).
50. BP Statistical Review of World Energy June 2017 // BP Global. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html (data obrashheniya: 12.07.2017).
51. International Energy Outlook 2016 with Projections to 2040. May 2016 // U.S. Energy Information Administration. [Ehlektronnyj resurs]. URL: www.eia.gov/forecasts/ieo (data obrashheniya: 10.07.2017).
52. World Development Indicators (April 2017) // The World Bank: Data. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://data.worldbank.org/products/wdi (data obrashheniya: 4.07.2017).
53. World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables / United Nations. Working Paper No. ESA/P/WP/248.

УДК 327
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/151-165

Золотухин И.Н.
Zolotukhin I.N.

Филиппины на пути к «независимой внешней политике» через призму отношений с региональными державами

The Philippines' turn to «independent foreign policy» through the lenses of the relations with the regional powers

Статья является продолжением проблемного вопроса, посвящённого особенностям внешнеполитического курса Филиппин, в том числе изменениям, произошедшим в нём с приходом к власти президента Родриго Дутерте. Помимо готовности идти на сближение с Китаем и Россией, Дутерте провозгласил необходимость развивать сотрудничество с державами, не относящимися к традиционным партнёрам Филиппин. В работе освещены отношения Филиппин с нетрадиционными партнёрами, являющимися региональными державами: Японией, Австралией, Индией – с фокусом на анализ характера взаимодействия, ключевые направления сотрудничества, а также оценку проблемных сторон. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов, документов по исследуемой проблеме.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море, внешняя политика, Япония, Австралия, Индия, сотрудничество, безопасность*

◆

The article is a continuation of the problematic issue, dedicated to the peculiarities of the Philippines' foreign policy, including the changes made by Rodrigo Duterte, the President of the state. In addition to readiness for moving closer to China and Russia, Duterte proclaimed the necessity to develop cooperation with the powers not belonging to the traditional partners of the Philippines. The paper highlights the relations of the Philippines with non-traditional partners, which are the regional powers: Japan, Australia, and India and focuses on the analysis of the features of interactions, the key areas of cooperation, as well as the assessment of the issues. The article is based on the analysis of the researches and findings of Russian and foreign authors as well as the data and documents on focused problem.

Key words*: The Philippines, Asia-Pacific, Southeast Asia, South China Sea, foreign policy, Japan, Australia, India, cooperation, security*

Введение

Обозначенные в апреле 2017 г. приоритеты «независимой внешней политики» Филиппин, краеугольным камнем которой стала заявленная переориентация от следования в русле традиционных особых отношений с Вашингтоном, показали заинтересованность Манилы в

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** zolivnik@mail.ru

расширении диапазона международных контактов. Внешнеполитический курс Дутерте, при всей неоднозначности фигуры филиппинского президента, направлен на усиление позиций государства-архипелага на мировой арене, прежде всего в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), где определяющим фактором для развития страны является Китай. В то же время, осознавая риски и последствия следования в русле китайских интересов, филиппинское руководство отстаивает необходимость созидания устойчивых связей с державами, которые, не обладая колоссальным военным и стратегическим потенциалом, в то же время выражают особую обеспокоенность в создании благоприятных условий развития и обеспечении безопасной международной среды в самом динамично развивающемся регионе планеты. В связи с этим особый интерес представляют отношения Филиппин с Японией, Австралией, Индией, которые за последние годы становятся всё более значимыми игроками в Пацифике.

Несмотря на активное участие Японии, Австралии, Индии в структурах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), в том числе в формате полномасштабного диалогового партнёрства, а также их опыт двусторонних связей с членами «десятки», для Манилы они по прежнему остаются нетрадиционными партнёрами, контакты с которыми на протяжении десятилетий носили второстепенный характер и выглядят асимметрично по сравнению с филиппино-американским и филиппино-китайским бэкграундом внешних сношений. Обозначив одним из ключевых элементов «независимой внешней политики» улучшение отношений с нетрадиционными партнёрами, Дутерте, тем самым, показал важность задачи углубить двустороннее сотрудничество с ними, определив ведущие сферы взаимодействия.

Япония: самый традиционный из нетрадиционных партнёров

Взаимоотношения с Японией занимают особое место в ракурсе внешнеполитического курса Дутерте, что обусловлено не только пониманием со стороны филиппинского президента важности сотрудничества с четвёртой экономикой мира, но также отсутствием острых противоречий и нерешённых проблем между Манилой и Токио и схожестью целей со стороны архипелажных государств в достижении стабильности, процветания и безопасной среды в АТР. Несмотря на то, что более чем 400-летняя история отношений двух стран, берущая начало с культурных и торговых контактов, содержит позорные страницы злодеяний японских интервентов в годы войны на Тихом океане, в дальнейшем обе стороны продемонстрировали беспрецедентный успех в преодолении проблем прошлого и достижении дружбы и взаимопонимания.

На протяжении десятилетий филиппино-японское сотрудничество поступательно развивалось в разных сферах, достигнув уровня стратегического партнёрства, чему немало способствовали союзнические отношения обеих стран с Вашингтоном. В то же время даже охлаждение отношений с США не повлияло на траекторию взаимодействия Филиппин с главным американским союзником в АТР, напротив, амплитуда двусторонних отношений не показала резких колебаний; в свою очередь и характер развития японо-филиппинского сотрудничества по прежнему определяется заданным четверть века назад вектором внешнеполитического курса Токио, направленным на сближение и укрепление разноформатных связей с членами АСЕАН, в том числе по линии оборонных ведомств.

На пике своих одиозных заявлений в адрес США Дутерте совершил визит в Японию, результаты которого назвал плодотворными для отношений двух стран в области безопасности, обороны и сотрудничества.

Встреча филиппинского лидера с премьер-министром Японии Синдзо Абэ завершилась подписанием совместного заявления, в котором значительное место было уделено вопросам безопасности, прежде всего морской **[24]**. В ходе филиппино-японского саммита в январе 2017 г. была достигнута договорённость о предоставлении Филиппинам со стороны Японии патрульных катеров и авиации с целью укрепления военно-морских сил страны, а также о сотрудничестве в сфере военных технологий и проведении совместных военно-морских учений **[16]**.

Тенденция на расширение сотрудничества в сфере обороны и безопасности является одним из ключевых аспектов филиппино-японских отношений. Она отражает заинтересованность двух стран в необходимости противодействия существующим угрозам и фокусируется вокруг следующих моментов, обозначенных в совместной японо-филиппинской декларации об укрепление стратегического партнёрства для продвижения общих принципов и целей мира, безопасности и роста в регионе и за его пределами: расширение диалога по вопросам безопасности; передача Филиппинам оборудования и технологий оборонного значения; укрепление двустороннего сотрудничества между военными структурами и ведомствами обеих стран и участие Сил самообороны Японии в мероприятиях по оказанию гуманитарной помощи в случае катастроф и стихийных бедствий; расширение двусторонних и многосторонних контактов по направлениям, обозначенным Меморандумом о сотрудничестве в сфере обороны; проведение совместных военных учений и операций **[15]**.

После принятия в 2015 г. «Хартии сотрудничества в области развития» у Страны восходящего солнца появилась возможность оказывать поддержку непосредственно вооружённым силам стран, которые являются основными получателями японской официальной помощи развития (ОПР). Во многом благодаря этому в марте 2016 г. Япония и подписала соглашение с Филиппинами о передаче военной техники и технологий **[11]**.

Япония отводит особое внимание обеспечению морской безопасности стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), демонстрируя ответственный подход за состояние дел в регионе и выражая озабоченность изменением ландшафта международной безопасности, прежде всего актуализацией территориальных морских конфликтов в Южно-Китайском море (ЮКМ). Подобный интерес со стороны Токио вызван обеспокоенностью защиты морских транзитных маршрутов, от которых зависит экономическое развитие Японии, и которые она не способна контролировать напрямую. Кроме того, Японии претит усиление Китая в ЮКМ, что связано не только с рисками поставок углеводородов в Страну Восходящего солнца, но также с наличием проблемы в отношении островов Сенкаку/Дяоюйдао.

Помимо укрепления военно-морского сотрудничества с Филиппинами, ориентированного как на превентивные меры, так и на координацию действий в случае возникновения реальной опасности, Япония планирует создание органа по линии японской береговой охраны, который будет способствовать повышению морской безопасности стран ЮВА, в том числе в решении вопроса о территориальных претензиях Китая в ЮКМ **[2]**.

Японские морские силы самообороны участвуют в совместных учениях с ВМФ Филиппин. В мае 2017 г. в ЮКМ прошли манёвры крупнейшего японского эсминца-вертолётоносца «Идзумо», посетившего порт Субик-бэй. Президент Филиппин стал первым главой иностранного государства, побывавшим на борту этого венца японской оборонной промышленности **[12]**. Япония является флагманом в противодействии нетрадиционным угрозам морской безопасности, став инициатором создания межправительственного соглашения о Региональном сотрудниче-

стве по борьбе с пиратством и вооружённым разбоем против судов в Азии (ReCAAP).

Ещё одной ключевой проблемой в плоскости целенаправленного стратегического взаимодействия двух стран остаётся борьба с терроризмом, в том числе противоборство филиппинского правительства с радикальными вооружёнными повстанческими силами на юге Филиппин (о. Минданао). Оказывая военную и гуманитарную поддержку Маниле, Япония заинтересована в разрешении затяжного конфликта и улучшении обстановки на Минданао, в том числе и в целях постепенного превращения этой территории в зону реализации долгосрочных экономических проектов с участием японского капитала.

За последние годы японское правительство осуществляет акцентированные действия, направленные на преодоление кризисной ситуации в Марави (Минданао), где продолжаются столкновения филиппинской армии с боевиками группировки Мауте, связанной с Исламским государством (ИГ) (террористической организацией, запрещённой в РФ). 28 июля 2017 г. Япония приняла решение о продлении чрезвычайной помощи в размере 2 млн. $ через Всемирную продовольственную программу и Детский фонд (ЮНИСЕФ) ООН для перемещённых лиц из районов боевых действий **[10]**.

Сотрудничество с Филиппинами в сфере обороны отвечает японской концепции «проактивного содействия миру», одной из стратегических задач которой является достижение стабильности и обеспечение мира в Тихоокеанской Азии. В свою очередь, для филиппинского лидера Япония представляет хороший пример внешнеполитического партнёра, развитие отношений с которым призвано сбалансировать международное положение Филиппин, в том числе, чтобы не оказаться в тени Китая и иметь как минимум символическую поддержку в щекотливых вопросах, касающихся спора в ЮКМ.

Немаловажным звеном филиппино-японского сотрудничества является экономика. Обе стороны рассматривают эту сферу как основу стратегического партнёрства и многообещающих перспектив. В 2006 г. между странами было подписано соглашение об экономическом партнёрстве **[3]**. Япония является вторым по величине торговым партнёром Филиппин (объёмы двусторонней торговли превышают 19 млрд. $ *(см. график 1)* и одним из ведущих иностранных инвесторов страны. Филиппины обошли по привлекательности традиционные для японских инвесторов страны ЮВА – Таиланд и Вьетнам и стали важным элементом японской стратегии «Китай+1», направленной на расширение ППИ (прямых иностранных инвестиций) Страны восходящего солнца **[20]**.

Огромное значение для активизации экономического взаимодействия двух стран может сыграть провозглашённая Дутерте политика грандиозных социально-экономических преобразований с целью превращения Филиппин в экономически развитое государство к 2022 г. (концу президентского срока) и получившая название «дутертеномика» **[28]**.

Отличительной особенностью данной политики является её направленность на реализацию крупных инфраструктурных проектов. Провозглашая «золотой век инфраструктуры», администрация президента определила расходы на развитие системы коммуникаций в размере 5,2 % ВВП ежегодно. Таким образом, запланированная сумма затрат на реализацию более 50 проектов с 2017 по 2022 гг. составит 9 трлн. песо (174 млрд. $) **[8]**. Филиппинское правительство намерено не только модернизировать существующую и создать суперсовременную транспортную систему, но и существенно увеличить энергетические мощности страны, возлагая надежды на солидные инвестиционные потоки из-за

рубежа, ведь на осуществление энергетических проектов необходимо 135 млрд. $ **[32]**.

Большое значение для реализации планов в рамках политики «дутертеномики» отводится японским инвестициям и кредитам, тем более что Филиппины и Япония уже имеют опыт взаимодействия в создании инфраструктурных объектов. В ноябре 2015 г. Японское агентство по международному сотрудничеству (JICA) и правительство Филиппин подписали соглашение на сумму 2 млрд. $ для финансирования строительства железной дороги Тутубан-Малолос **[9]**.

В ходе своего визита на Филиппины Синдзо Абэ заявил о выделении 1 трлн. иен (9 млрд. $) на инвестиции в экономику страны. В рамках совместного филиппино-японского комитета по развитию инфраструктуры и экономическому сотрудничеству определены приоритетные для финансирования проекты, такие как строительство метро Mega Manila, скоростной магистрали Малолос-Тутубан, линии пригородных поездов Тутубан-Лос-Баньос **[30]**. Японские инвестиции в развитие филиппинской инфраструктуры могут стать серьёзным стимулом активизации двухсторонних торгово-экономических отношений в целом.

Японо-филиппинские отношения остаются достаточно прочными, их не коснулось похолодание политического климата по линии Манила-Вашингтон, чему способствуют как экономические связи сторон, так и их общие интересы в сфере региональной безопасности, в том числе схожесть позиций в восприятии угроз и вызовов в АТР. Япония стремится укрепить механизм доверительного партнёрства, в свою очередь, филиппинский лидер готов идти на диалог по широкому спектру вопросов. Дутерте импонирует последовательный послевоенный путь Японии как миролюбивой нации и её вклад в глобальное процветание. Обе стороны готовы к выстраиванию прочного фундамента двустороннего сотрудничества и углубления отношений, делая ставку на их взаимовыгодный характер.

Terra Notum[1]: австралийский вектор филиппинской внешней политики

Официальные отношения между Филиппинами и Австралией уже более 70 лет носят устойчивый характер. Манила и Канберра разделяют универсальные принципы международного права и заинтересованы в поддержании безопасности и стабильности в АТР. В 2015 г. Филиппины и Австралия подписали декларацию о всеобъемлющем партнёрстве, ставшую основой для углубления двусторонних отношений и развития сотрудничества в сферах экономики, политики, безопасности **[17]**.

Несмотря на приоритетный характер экономического направления филиппино-австралийских отношений, Австралия не является ведущим торговым и инвестиционным партнёром Филиппин, хотя объём двустороннего товарооборота возрос на 65 % с момента вступления в силу Соглашения о свободной торговле АСЕАН-Австралия-Новая Зеландия *(см. график 2)*. В то же время Австралия является вторым по величине источником грантовых программ для Филиппин после США **[19]**.

Немаловажную роль для укрепления социально-экономических связей двух стран играет австралийская программа официальной помощи развитию (ОПР), предоставляющая Маниле многомиллионные транши для активизации двусторонней торговли, создания привлекательных условий для австралийских инвестиций, борьбы с бедностью,

[1] Terra Notum (лат.) – «земля известная». Как противопоставление выражению Terra Incognita Australia.

содействию достижения мира на юге Филиппин **[29]**. В 2014 г. ОПР составила 170 млн $ **[29]**, в 2015/16 гг. превысила 80 млн **[4]**.

Другим значимым элементом двусторонних отношений остаётся сфера безопасности, которой за последние годы уделяется особое внимание. Подписанный в 1995 г. меморандум о взаимопонимании в области оборонного сотрудничества был подкреплён достигнутым в 2007 г. соглашением о приглашённых вооружённых силах. Австралия становится вторым после США партнёром Филиппин, принявшим подобный документ. Двустороннее сотрудничество в сфере безопасности активизировалось с 2005 г., когда австралийское правительство выразило заинтересованность в оказании помощи Филиппинам в борьбе с терроризмом. Австралия участвует в совместных с Филиппинами военных учениях, в том числе и в «Баликатан» с 2014 г.. Австралия оказывает финансовую помощь по обеспечению мира на территории Минданао, а также поставляет филиппинскому правительству морскую и авиационную технику двойного назначения. В марте 2016 г. Манила получила три боевых тяжёлых десантных корабля класса «Баликпапан» **[22]**, а в июле 2017 г. два военных самолёта AP-3C Orion для обеспечения поддержки с воздуха филиппинских вооружённых сил в борьбе против группировки Мауте в Марави **[31]**.

Канберра поддержала позицию Филиппин касательно ситуации в ЮКМ и постановления Гаагского арбитражного трибунала в 2016 г., выражая обеспокоенность нагнетанием обстановки в водах, через которые осуществляются австралийские поставки в Восточную Азию. В то же время Канберра не пошла на установление с Филиппинами стратегического партнёрства, опасаясь напряжённости в отношениях с Китаем и

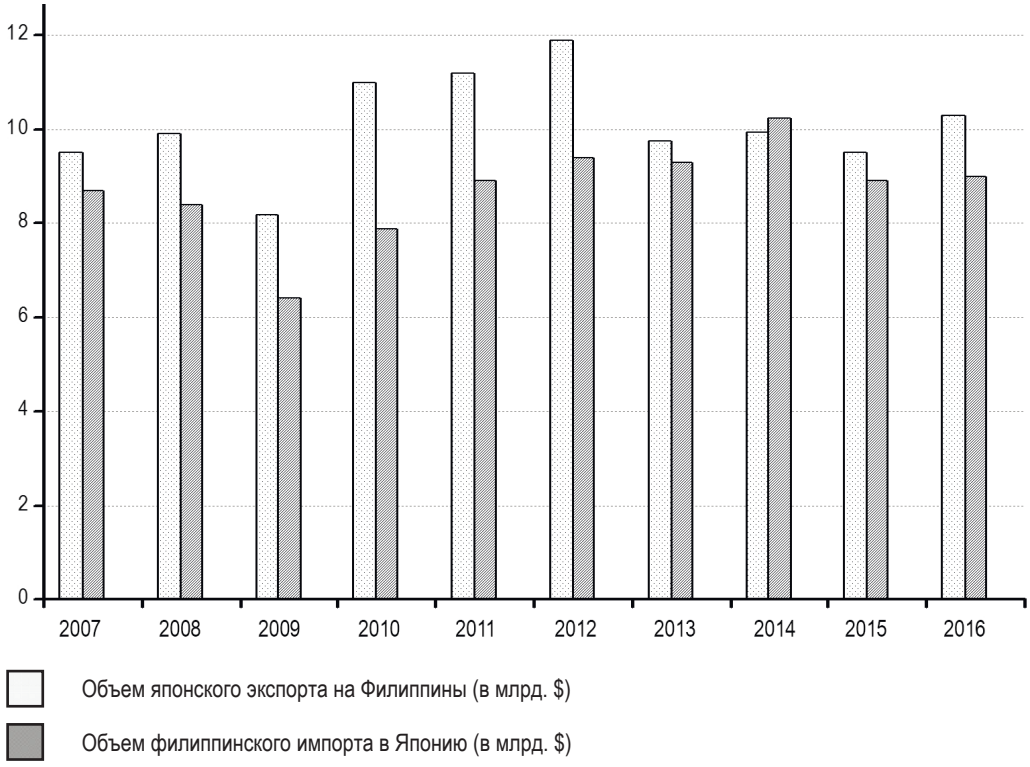


График 1. Товарооборот между Японией и Филиппинами **[14]**.

неготовности жёстко реагировать на действия своего ведущего торгового партнёра.

Австралия придерживается баланса между военно-политическими обязательствами союзнических отношений с США и прагматизмом экономических интересов. Понимая значимость своего положения в «устойчивой (принципиальной) сети безопасности»[1] в АТР, в то же время Канберра осознает ответственность за участие в региональных делах, в том числе в решении застарелых конфликтов. Путём установления тесных связей с государствами ЮВА Австралия стремится нюансировать риски региональной нестабильности и обеспечить себе дополнительные козыри, в том числе в случае отказа американцев от руководящей роли в АТР при параллельном усилении китайских амбиций.

Вместе с тем серьёзный крен Дутерте в сторону Китая, способный существенно изменить конфигурацию сил в регионе, вряд ли вызовет симпатии со стороны австралийского руководства. Канберру не могут не тревожить «заморозки» в филиппино-американских отношениях, повлиявшие, в том числе на понижение статуса военных учений «Баликатан» в 2017 г. до проведения операций гуманитарного характера **[21]**.

С другой стороны, если «независимая внешняя политика» Филиппин пойдёт по пути прагматизма, то с учётом фундамента прошлых достижений, перспективы углубления взаимовыгодного партнёрства в отношениях двух стран кажутся более вероятным сценарием, нежели кризис, что выгодно как для Австралии, придерживающейся принципа «золотой середины» между США и КНР, так и для Филиппин, нацеленных на укрепление связей с региональными державами.

Индия и Филиппины: на пути углубления двустороннего партнёрства

Не являясь географически государством АТР, Индия исторически поддерживает со странами ЮВА культурные, экономические и политические связи, хотя в годы холодной войны, в рамках политики неприсоединения, Дели не стремился интенсифицировать контакты с субрегионом. Процесс вовлечения Индии в региональные процессы в ЮВА начинается в нач. 1990-х с провозглашением Нарасимхом Рао политики Look East **[5]**.

В 1992 г. Индия становится секторальным, а в 1995 г. полноправным партнёром по диалогу АСЕАН. С 2010 г. между Индией и АСЕАН достигнуто соглашение о создании ЗСТ. Страны ЮВА имеют для Индии приоритетное значение в контексте активизации её присутствия в АТР и на фоне превращения в ведущую мировую державу. Правительство Нарендра Моди делает ставку на всеобъемлющие отношения с АСЕАН, провозглашая политику Act East **[23]**, в которой особое значение играет стратегическое взаимодействие Индии с партнёрами по Ассоциации. Страны ЮВА воспринимают Индию в качестве вероятного гаранта безопасности и потенциального союзника, а также выгодного экономического партнёра, в том числе в совместном освоении месторождений в ЮКМ.

В то же время среди АСЕАНовской десятки Филиппины трудно назвать ведущим партнёром Индии. История филиппино-индийских отношений начинается с 1952 г., когда стороны подписали Договор о дружбе. Перипетии биполярного противостояния, определившие государства

[1] Идея, высказанная главой Пентагона Эштоном Картером на Диалоге «Шангри Ла» в июне 2016 г. и подразумевающая обеспечение стабильности и процветания в АТР посредством создания сложной сети двух, трёх и многосторонних партнерств в сфере безопасности. По сути, предполагает расширение и модернизацию отношений между США и их союзниками, в том числе возлагание на них большей самостоятельности за решение проблем региональной безопасности **[6]**.

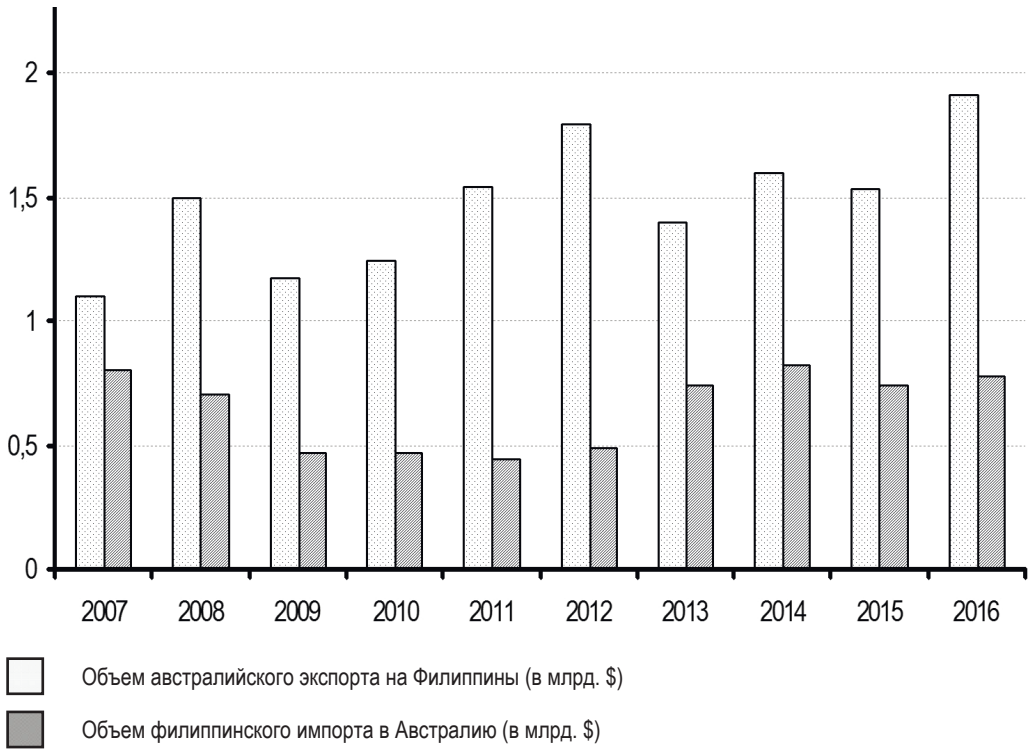


График 2. Товарооборот между Австралией и Филиппинами **[14]**.

по разным лагерям, более чем на 20 лет затормозили развитие двустороннего диалога, активизировавшегося при Фердинанде Маркосе, благодаря созданию совместных предприятий, в частности, Indo-Philippine Textile Mills, Inc, повлиявших на увеличение объёма двусторонней торговли. Создание при Глории Макапагал Арройо совместной комиссии по вопросам двустороннего сотрудничества было направлено на дальнейшее укрепление и координацию сотрудничества в областях экономики, науки и техники. Особое внимание уделяется увеличению индийских инвестиций в такие сектора филиппинской промышленности, как текстильная, фармацевтическая, сельскохозяйственная отрасли, автомобилестроение, туризм, возобновляемые источники энергии **[26]**.

Значимым для совместных экономических проектов является наличие на Филиппинах представительной индийской диаспоры **[1, с. 152]**, благодаря которой в стране действует ряд крупных транснациональных корпораций индийского происхождения, таких как Бирла, Далмиа, Кирлоскар. Широкие возможности для торгово-экономического сотрудничества двух стран открывает индийская программа «Делай в Индии», расширяющая поле деятельности филиппинских инвесторов и бизнесменов. С другой стороны, данная программа снижает возможности экспортировать в Индию готовую продукцию филиппинских предприятий. В настоящее время развитие экономического сотрудничества двух стран идёт не столь интенсивно, несмотря на рост двустороннего товарооборота *(см. график 3)*, который, вместе с тем, значительно уступает объёму торговли Индии с Индонезией, Сингапуром, Малайзией, Таиландом, Вьетнамом.

Экономическое сотрудничество с Индией рассматривается Манилой в контексте расширения двустороннего взаимодействия в других на-

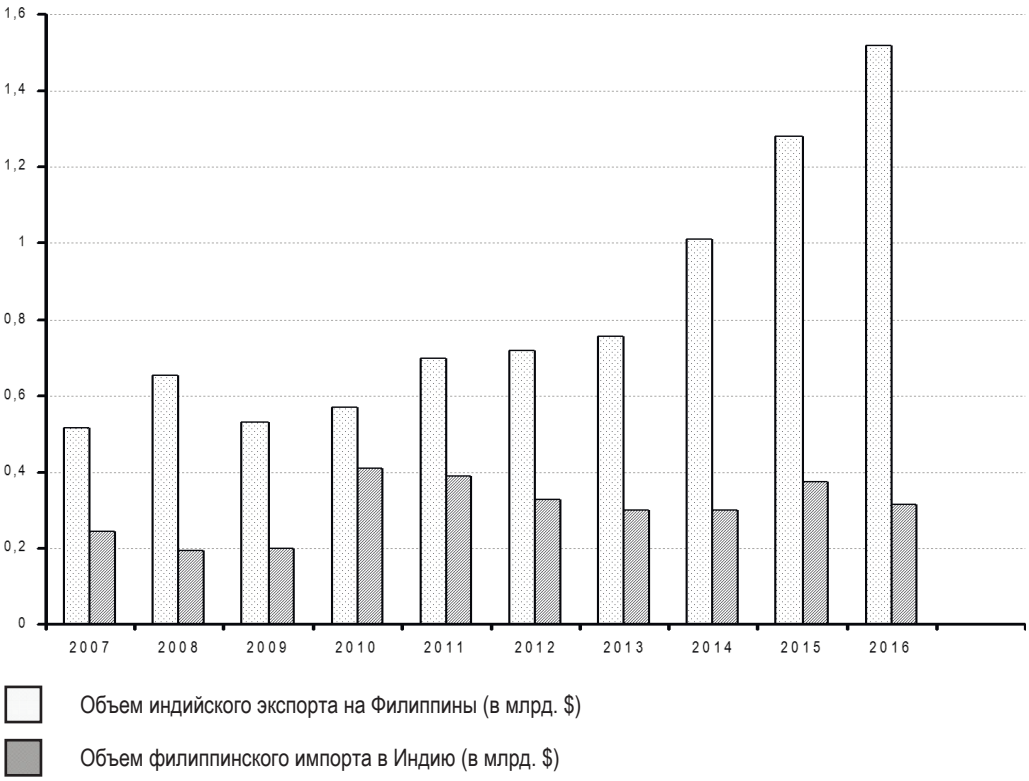


График 3. Товарооборот между Австралией и Филиппинами **[14]**.

правлениях, прежде всего, в сфере безопасности. Начиная с 2004 г. между сторонами действует диалоговый формат, на котором обсуждаются традиционные и нетрадиционные угрозы международным отношениям в АТР. Основой для двустороннего сотрудничества в области обороны и безопасности стал Меморандум 2006 г. Борьба с терроризмом является ключевым фактором, сближающим государства, которые сами сталкиваются с террористическими актами и деятельностью радикальных антиправительственных группировок сепаратистского толка. В то же время индийскому правительству удаётся противодействовать исламистским террористическим организациям, в том числе благодаря деятельности спецслужб и проведению программ дерадикализации среди мусульманских общин **[27]**.

Страна, где проживает более 150 млн. мусульман, с тревогой наблюдает за глобализацией исламского терроризма, прилагая усилия по укреплению межгосударственного сотрудничества по борьбе с этим явлением и оказывая помощь в проведении контртеррористических операций за пределами Индии, в том числе на Филиппинах. Недавно Нью-Дели выделил полмиллиона $ на реабилитационные мероприятия для жителей Марави, пострадавших в ходе боевых действий филиппинской армии против группировки Мауте **[13]**. Расширение антитеррористического сотрудничества двух стран носит обоюдовыгодный характер: Филиппины получают индийский опыт противодействия радикальному исламизму, Индия, в свою очередь, усиливает позиции в ЮВА.

Не теряет актуальности филиппино-индийское сотрудничество в сфере морской безопасности. Обладая пятым по величине морским флотом в мире, Индия заинтересована в существенном расширении своего присутствия в акватории Мирового океана, а также в контроле морских

транспортных коммуникаций. Индия обеспокоена созданием китайских военных баз на пространстве Индийского океана и старается балансировать его появлением своих военных кораблей в ЮКМ, попутно рассматривая варианты укрепления ВМС стран ЮВА. В частности в прошлом году индийская государственная компания Garden Reach Shipbuilders & Engineers Ltd предложила Филиппинам 2 фрегата на сумму 300 млн $ **[25]**.

Стратегическое взаимодействие Индии с партнёрами по АСЕАН является одним из возможных условий недопущения эскалации конфликта по поводу территориальных споров в ЮКМ, что выгодно для Филиппин, не обладающих потенциалом сдерживания китайских амбиций. Несмотря на нежелание филиппинского руководства идти на обострение отношений с Китаем, очевидно, что стратегическое партнёрство с Индией способно обеспечить стране передовые военные технологии, разведывательную информацию, активизацию военно-морских учений, совместного патрулирования и сотрудничества в борьбе с пиратством **[18]**.

В целом индийское направление филиппинской внешней политики носит перспективный характер; отсутствие между Манилой и Нью-Дели серьёзных противоречий даёт возможности для расширения двустороннего диалога и перехода отношений на уровень стратегического партнёрства. Между тем прошлое и настоящее филиппино-индийских отношений не позволяет делать долгосрочные прогнозы об их развитии в фарватере бесконфликтного взаимодействия, особенно, принимая во внимание усиление международных амбиций Индии параллельно её превращению в мировую державу. Особую остроту для Филиппин в данном аспекте приобретёт противостояние Нью-Дели и Пекина.

Заключение

Развитие отношений с нетрадиционными партнёрами в целом является отражением прагматической линии поведения филиппинского руководства. Диверсифицируя диапазон внешнеполитических связей, Манила расширяет возможности для успешной реализации совместных проектов, взаимовыгодного сотрудничества и решения наболевших проблем. Взаимопонимание и отсутствие принципиальных противоречий Филиппин с Японией, Австралией, Индией способствуют выстраиванию с этими государствами долгосрочных эффективных связей в экономике, политике, обороне и др.

Немаловажное значение для сближения Филиппин с вышеназванным трио играет «китайский фактор», а именно, обеспокоенность действиями Пекина в ЮКМ. Ключевыми аспектами отношений остаётся противодействие традиционным и нетрадиционным угрозам. Внешнеполитические ориентиры Манилы тем самым подтверждают заинтересованность правительства в необходимости тесного взаимодействия с внерегиональными партнёрами АСЕАН; в отношениях с ними Филиппины рассматривают вызовы безопасности как приоритетное направление, игнорируя которое невозможно обеспечить стабильность и процветание в масштабах АТР.

Поддержание устойчивых отношений с нетрадиционными партнёрами даёт Филиппинам дополнительные возможности для упрочнения позиций на международной арене, что само по себе может стать показателем успешности реализации «независимой внешней политики».

◆

Литература

1. Кузнецов А.М. Этнополитическая история Азиатско-Тихоокеанского региона в XX – начале XXI вв.: монография /А.М. Кузнецов, И.Н. Золотухин. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 224 с.

2. Япония создаст организацию для повышения безопасности мореплавания [Электронный ресурс]. URL: http://rossaprimavera.ru/news/yaponiya-sozdast-organizaciyu-dlya-povysheniya-bezopasnosti (дата обращения: 17.07.17 г.).

3. Agreement Between Japan and the Republic of the Philippines for an Economic Partnership [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/philippine/epa0609/index.html (дата обращения: 22.07.17

4. Aid Investment Plan the Philippines: 2015-16 to 2017-18 [Электронный ресурс]. URL: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Pages/aid-investment-plan-aip-the-philippines-2015-16-to-2017-18.aspx (дата обращения: 14.08.17 г.).

5. Bajpaee Chietigj. India rediscovers East Asia [Электронный ресурс]. URL: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/IJ31Df01.html (дата обращения: 1.09.17 г.).

6. Carter Ashton. Meeting Asia's Complex Security Callenges [Электронный ресурс]// International Institute for Strategic Studies (IISS). The 15th Shangri-La Dialogue. June 4, 2016// URL: https://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2016-4a4b/plenary1-ab09/carter-1610 (дата обращения: 29.08.17 г.).

7. Country Comparison: GDP (Purchasing Power Parity) [Электронный ресурс]// CIA Factbook// URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html#ja (дата обращения: 10.08.17 г.).

8. De Vera Ben O. 'Dutertenomics' seen to usher in 'golden age of infrastructure' [Электронный ресурс]// Philippine Daily Inquirer. April 17, 2017// http://newsinfo.inquirer.net/889571/dutertenomics-seen-to-usher-in-golden-age-of-infrastructure (дата обращения: 18.08.17 г.).

9. De Vera Ben O. PH, Japan agency sign $2-B railway loan [Электронный ресурс]// Inquirer.Net. November 28, 2015// URL: http://business.inquirer.net/203360/ph-japan-agency-sign-2-b-railway-loan (дата обращения: 18.08.17 г.).

10. Emergency Grant Aid to the Philippines in response to the evacuees from the armed conflict in Mindanao [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001673.html (дата обращения: 13.08.17 г.).

11. Gady Franz-Stefan. Japan and Philippines Sign Defense Agreement Amid Growing Tensions in South China Sea [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2016/03/japan-and-philippines-sign-defense-agreement-amid-growing-tensions-in-south-china-sea/ (дата обращения: 28.08.17 г.).

12. Gady Franz-Stefan. Philippines' Duterte First Head of State to Visit Japan's Largest Warship [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2017/06/philippines-duterte-first-head-of-state-to-visit-japans-largest-warship/ (дата обращения: 28.08.17 г.).

13. India Increases Counter Terrorism Cooperation with the Philippines [Электронный ресурс]. URL: http://www.thephdefense.com/2017/07/india-increases-counter-terrorism-cooperation-with-the-philippines/ (дата обращения: 19.08.17 г.).

14. International trade statistics 2001-2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/ (дата обращения: 27.08.2017 г.).

15. Japan-Philippines Joint Declaration. A Strengthened Strategic Partnership for Advancing the Shared Principles and Goals of Peace, Security, and Growth in the Region and Beyond [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/page4e_000280.html (дата обращения: 31.07.2017 г.).

16. Japan-Philippines Summit Meeting [Электронный ресурс]. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/page3e_000646.html (дата обращения: 24.07.2017 г.).

17. Joint Declaration on Australia–the Philippines Comprehensive Partnership [Электронный ресурс]. URL: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/joint-declaration-on-australia-the-philippines-comprehensive-partnership.pdf (дата обращения: 4.08.2017 г.).

18. Joint Doctrine Indian Armed Forces [Электронный ресурс]. URL: http://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (дата обращения: 26.08.2017 г.).

19. Manhit Dindo. Philippines can follow Australia's balancing act [Электронный ресурс]. URL: http://www.philstar.com/news-feature/2017/03/16/1681696/philippines-can-follow-australias-balancing-act (дата обращения: 27.08.2017 г.).

20. Mercurio Richmond. Trails only China in Asia: Philippines leads Japanese list of investment destinations [Электронный ресурс]// The Philippine Star. February 9, 2016]// URL: http://www.philstar.com/business/2016/02/09/1551047/trails-only-china-asia-philippines-leads-japanese-list-investment (дата обращения: 27.07.2017 г.).

21. Murdoch Lindsay. Australian soldiers pour concrete as Philippines military exercises downgraded [Электронный ресурс]// The Sydney Morning Herald. May 8, 2017// URL: http://www.smh.com.au/national/australian-soldiers-pour-concrete-as-philippines-military-exercises-downgraded-20170508-gw015k.html (дата обращения: 25.07.2017 г.).

22. Parameswaran Prashanth. Australia Gives the Philippines Another Military Boost Manila takes delivery of three more ex-Australian landing craft heavy vessels in a boost for its sealift capability [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2016/03/australia-gives-the-philippines-another-military-boost/ (дата обращения: 15.08.2017 г.).

23. Parameswaran Prashanth. Modi Unveils India's 'Act East Policy' to ASEAN in Myanmar [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2014/11/modi-unveils-indias-act-east-policy-to-asean-in-myanmar/ (дата обращения: 15.08.2017 г.).

24. Ranada Pia. Duterte, Abe affirm defense cooperation, peaceful solution to sea row [Электронный ресурс]// Rappler. October 26, 2016// URL: https://www.rappler.com/nation/150419-duterte-abe-defense-cooperation-peaceful-solution-maritime-dispute (дата обращения: 16.07.2017 г.).

25. Romero Alexis. Indian firm offers lowest bid for P16-B Navy frigates project [Электронный ресурс]// Philstar. April 1, 2016// URL: http://www.philstar.com/headlines/2016/04/01/1568301/indian-firm-offers-lowest-bid-p16-b-navy-frigates-project (дата обращения: 21.08.2017 г.).

26. Second Philippines- India Joint Commission on Bilateral Cooperation 21 October 2013, Manila [Электронный ресурс]. URL: https://dfa.gov.ph/dfa-releases/1073-2nd-philippines-india-joint-commission-on-bilateral-cooperation (дата обращения: 15.08.2017 г.).

27. Siyech Mohammed Sinan. India-Philippines Counterterrorism Cooperation [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2017/07/india-philippines-counterterrorism-cooperation/ (дата обращения: 18.08.2017 г.).

28. Timeline for Duterte's economic agenda [Электронный ресурс]. URL: http://www.manilatimes.net/timeline-dutertes-economic-agenda/329785/ (дата обращения: 28.07.2017 г.).

29. Tweddell Bill. Australia and the Philippines: A long history of cooperation [Электронный ресурс]//The Philippine Star. March 13, 2014 // URL: http://www.philstar.com/opinion/2014/03/13/1300266/australia-and-philippines-long-history-cooperation (дата обращения: 12.08.2017 г.).

30. Valencia Czeriza. Trade, investments to be included in Philippines, Japan cooperation [Электронный ресурс]// The Philippine Star. April 3, 2017// URL: http://

www.philstar.com/business/2017/04/03/1687018/trade-investments-be-included-philippines-japan-cooperation (дата обращения: 12.07.2017 г.).

31. Williams Jacqueline, Villamor Felipe. Australia to Send Spy Planes to Help Philippines Recapture Marawi [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2017/06/23/world/asia/australia-philippines-planes-marawi.html (дата обращения: 25.08.2017 г.).

32. Yap Ceciliya, Batino Clarissa. Philippines courts Japan, China to invest in $135 billion power project [Электронный ресурс]// Bloomberg. Auguat 17, 2017// URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2017/08/18/business/philippines-courts-japan-china-invest-135-billion-power-project/#.WadiXz5JaUk (дата обращения: 25.07.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Kuznetsov A.M. Ehtnopoliticheskaya istoriya Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v XX – nachale XXI vv.: monografiya /A.M. Kuznetsov, I.N. Zolotukhin. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. feder. un-ta, 2011. 224 s.

2. Yaponiya sozdast organizatsiyu dlya povysheniya bezopasnosti moreplavaniya [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://rossaprimavera.ru/news/yaponiya-sozdast-organizaciyu-dlya-povysheniya-bezopasnosti (data obrashheniya: 17.07.17 g.).

3. Agreement Between Japan and the Republic of the Philippines for an Economic Partnership [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/philippine/epa0609/index.html (data obrashheniya: 22.07.17

4. Aid Investment Plan the Philippines: 2015-16 to 2017-18 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Pages/aid-investment-plan-aip-the-philippines-2015-16-to-2017-18.aspx (data obrashheniya: 14.08.17 g.).

5. Bajpaee Chietigj. India rediscovers East Asia [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/IJ31Df01.html (data obrashheniya: 1.09.17 g.).

6. Carter Ashton. Meeting Asia's Complex Security Callenges [Ehlektronnyj resurs]// International Institute for Strategic Studies (IISS). The 15th Shangri-La Dialogue. June 4, 2016// URL: https://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2016-4a4b/plenary1-ab09/carter-1610 (data obrashheniya: 29.08.17 g.).

7. Country Comparison: GDP (Purchasing Power Parity) [Ehlektronnyj resurs]// CIA Factbook// URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2001rank.html#ja (data obrashheniya: 10.08.17 g.).

8. De Vera Ben O. 'Dutertenomics' seen to usher in 'golden age of infrastructure' [Ehlektronnyj resurs]// Philippine Daily Inquirer. April 17, 2017// http://newsinfo.inquirer.net/889571/dutertenomics-seen-to-usher-in-golden-age-of-infrastructure (data obrashheniya: 18.08.17 g.).

9. De Vera Ben O. PH, Japan agency sign $2-B railway loan [Ehlektronnyj resurs]// Inquirer.Net. November 28, 2015// URL: http://business.inquirer.net/203360/ph-japan-agency-sign-2-b-railway-loan (data obrashheniya: 18.08.17 g.).

10. Emergency Grant Aid to the Philippines in response to the evacuees from the armed conflict in Mindanao [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001673.html (data obrashheniya: 13.08.17 g.).

11. Gady Franz-Stefan. Japan and Philippines Sign Defense Agreement Amid Growing Tensions in South China Sea [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2016/03/japan-and-philippines-sign-defense-agreement-amid-growing-tensions-in-south-china-sea/ (data obrashheniya: 28.08.17 g.).

12. Gady Franz-Stefan. Philippines' Duterte First Head of State to Visit Japan's Largest Warship [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2017/06/philippines-duterte-first-head-of-state-to-visit-japans-largest-warship/ (data obrashheniya: 28.08.17 g.).

13. India Increases Counter Terrorism Cooperation with the Philippines [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.thephdefense.com/2017/07/india-increases-counter-terrorism-cooperation-with-the-philippines/ (data obrashheniya: 19.08.17 g.).

14. International trade statistics 2001-2016 [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/ (data obrashheniya: 27.08.2017 g.).

15. Japan-Philippines Joint Declaration. A Strengthened Strategic Partnership for Advancing the Shared Principles and Goals of Peace, Security, and Growth in the Region and Beyond [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/page4e_000280.html (data obrashheniya: 31.07.2017 g.).

16. Japan-Philippines Summit Meeting [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sea2/ph/page3e_000646.html (data obrashheniya: 24.07.2017 g.).

17. Joint Declaration on Australia–the Philippines Comprehensive Partnership [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/joint-declaration-on-australia-the-philippines-comprehensive-partnership.pdf (data obrashheniya: 4.08.2017 g.).

18. Joint Doctrine Indian Armed Forces [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://bharatshakti.in/wp-content/uploads/2015/09/Joint_Doctrine_Indian_Armed_Forces.pdf (data obrashheniya: 26.08.2017 g.).

19. Manhit Dindo. Philippines can follow Australia's balancing act [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.philstar.com/news-feature/2017/03/16/1681696/philippines-can-follow-australias-balancing-act (data obrashheniya: 27.08.2017 g.).

20. Mercurio Richmond. Trails only China in Asia: Philippines leads Japanese list of investment destinations [Ehlektronnyj resurs]// The Philippine Star. February 9, 2016]// URL: http://www.philstar.com/business/2016/02/09/1551047/trails-only-china-asia-philippines-leads-japanese-list-investment (data obrashheniya: 27.07.2017 g.).

21. Murdoch Lindsay. Australian soldiers pour concrete as Philippines military exercises downgraded [Ehlektronnyj resurs]// The Sydney Morning Herald. May 8, 2017// URL: http://www.smh.com.au/national/australian-soldiers-pour-concrete-as-philippines-military-exercises-downgraded-20170508-gw015k.html (data obrashheniya: 25.07.2017 g.).

22. Parameswaran Prashanth. Australia Gives the Philippines Another Military Boost Manila takes delivery of three more ex-Australian landing craft heavy vessels in a boost for its sealift capability [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2016/03/australia-gives-the-philippines-another-military-boost/ (data obrashheniya: 15.08.2017 g.).

23. Parameswaran Prashanth. Modi Unveils India's 'Act East Policy' to ASEAN in Myanmar [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2014/11/modi-unveils-indias-act-east-policy-to-asean-in-myanmar/ (data obrashheniya: 15.08.2017 g.).

24. Ranada Pia. Duterte, Abe affirm defense cooperation, peaceful solution to sea row [Ehlektronnyj resurs]// Rappler. October 26, 2016// URL: https://www.rappler.com/nation/150419-duterte-abe-defense-cooperation-peaceful-solution-maritime-dispute (data obrashheniya: 16.07.2017 g.).

25. Romero Alexis. Indian firm offers lowest bid for P16-B Navy frigates project [Ehlektronnyj resurs]// Philstar. April 1, 2016// URL: http://www.philstar.com/headlines/2016/04/01/1568301/indian-firm-offers-lowest-bid-p16-b-navy-frigates-project (data obrashheniya: 21.08.2017 g.).

26. Second Philippines- India Joint Commission on Bilateral Cooperation 21 October 2013, Manila [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://dfa.gov.ph/dfa-releases/1073-2nd-philippines-india-joint-commission-on-bilateral-cooperation (data obrashheniya: 15.08.2017 g.).

27. Siyech Mohammed Sinan. India-Philippines Counterterrorism Cooperation [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2017/07/india-philippines-counterterrorism-cooperation/ (data obrashheniya: 18.08.2017 g.).

28. Timeline for Duterte's economic agenda [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.manilatimes.net/timeline-dutertes-economic-agenda/329785/ (data obrashheniya: 28.07.2017 g.).

29. Tweddell Bill. Australia and the Philippines: A long history of cooperation [Ehlektronnyj resurs]//The Philippine Star. March 13, 2014 // URL: http://www.philstar.com/opinion/2014/03/13/1300266/australia-and-philippines-long-history-cooperation (data obrashheniya: 12.08.2017 g.).

30. Valencia Czeriza. Trade, investments to be included in Philippines, Japan cooperation [Ehlektronnyj resurs]// The Philippine Star. April 3, 2017// URL: http://www.philstar.com/business/2017/04/03/1687018/trade-investments-be-included-philippines-japan-cooperation (data obrashheniya: 12.07.2017 g.).

31. Williams Jacqueline, Villamor Felipe. Australia to Send Spy Planes to Help Philippines Recapture Marawi [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.nytimes.com/2017/06/23/world/asia/australia-philippines-planes-marawi.html (data obrashheniya: 25.08.2017 g.).

32. Yap Ceciliya, Batino Clarissa. Philippines courts Japan, China to invest in $135 billion power project [Ehlektronnyj resurs]// Bloomberg. Auguat 17, 2017// URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2017/08/18/business/philippines-courts-japan-china-invest-135-billion-power-project/#.WadiXz5JaUk (data obrashheniya: 25.07.2017 g.).

УДК 327
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/166-177

Севастьянов С.В.
Sevast'yanov S.V.

Новые тенденции азиатско-тихоокеанского регионализма: изоляционизм США и (вынужденное?) лидерство Китая

New tendencies of the Asia-Pacific regionalism: American isolationism and (reluctant?) Chinese leadership

Основными исследовательскими задачами статьи являются изучение моделей азиатско-тихоокеанского регионализма ведущих акторов (США и Китая) и оценка их трансформации под воздействием глобализации и политико-экономического возвышения Китая. Ключевыми методами исследования стали сравнительный, исторический и институциональный. Охарактеризованы интеграционные проекты президента Си Цзиньпина и созданные для их обеспечения международные институты, что позволило сформировать прокитайскую модель интеграции для борьбы с США за лидерство в АТР. Дана оценка возможных изменений порядка в АТР и новых вызовов для Пекина, вызванных приходом к власти объявившего курс США на изоляционизм Д. Трампа.

Ключевые слова: *модели интеграции, Азиатско-Тихоокеанский регион, Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли, Транс-Тихоокеанскон партнерство, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, «Азиатско-Тихоокеанская мечта», изоляционизм США*

◆

The main research tasks of this article are to study the Asia-Pacific integration models advanced by the leading regional actors (USA and China) and to evaluate their transformation under the influence of globalization, and political and economic rise of China. The key research methods are: comparative, historical and institutional. The author characterizes integration projects launched by President Xi Jinping and international institutions formed to support them. Overall that helped to form proChinese integration model to compete with the U.S. for leadership in the APR. However, new President D. Trump declared isolationism as American course, and the author evaluates possible changes in the APR regional order and new challenges for Beijing caused by that.

Key words: *integration models, Asia-Pacific Region, Free Trade Area of the Asia-Pacific, Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, "Asia-Pacific dream", American isolationism*

За прошедшие несколько лет наиболее знаковыми для мирового порядка стали несколько событий, произошедшие в трёх основных мировых центрах политической и экономической силы. В условиях слабого экономического роста и нарастания внешне- и внутриполитических вызовов, в двух из них (Северная Америка и ЕС) проявились кризисные явления схожего порядка, вызванные нежеланием наиболее сильных и

СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич, д.полит.н., профессор кафедры международных отношений ДВФУ *(г. Владивосток)* **E-mail:** sevastyanov.sv@dvfu.ru

богатых государств (США, Великобритания) и отдельных субъектов (Каталония, Испания; Венето и Ломбардия, Италия и др.) жертвовать своими политическими правами и экономическими благами во имя общечеловеческих, региональных и прочих ценностей.

В то же время в последние пять дет «первую скрипку» в выдвижении новых и поддержке ранее действовавших экономических интеграционных инициатив и международных проектов в таких знаковых регионах мира, как АТР и Евразия, играл Китай. В данной статье в качестве основных исследовательских задач автор ставит такие: дать характеристику достижений и трудностей Китая в реализации этих инициатив и проектов и попытаться оценить, какое влияние на их дальнейшее продвижение может оказать новый изоляционистский экономический курс США.

В первой декаде XXI в. Китай стремился к лидерству в интеграционных процессах в рамках компактного региона Восточной Азии в формате АСЕАН Плюс Три (АПТ). Однако с приходом к власти в 2012 г. нового поколения лидеров Пекин инициировал несколько знаковых интеграционных проектов как трансрегионального масштаба (в АТР и в Евразии), так и на региональном уровне (в Восточной Азии) **[2]**.

Китай «выступает за многополярный мир, за центральную роль ООН в международных делах и против господства одной или нескольких стран» **[1]**. Время от времени Пекин и Вашингтон прибегают к жёсткой риторике при оценке действий друг друга, например, во время обострения отношений Китая с Японией и странами Юго-Восточной Азии из-за территориальных споров в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Но при этом глубокие экономические связи (США – крупнейший торговый партнёр Китая) остаются важнейшим стабилизирующим фактором двусторонних политических отношений, препятствующим их резкому обострению.

Для Москвы «момент истины» наступил весной 2014 г., когда при поддержке Запада была сделана попытка решить судьбу Украины путём организации очередной «цветной революции» без учёта интересов России. Решительные действия Кремля, высоко поднявшего ставки в этом геополитическом конфликте, оказались неожиданностью для Запада. Таким образом, Китай выступает против гегемонии США в мире и АТР, но, по сравнению с РФ, делает это более осторожно. Такое схожее в целом видение Пекином и Москвой современного мирового порядка следует учитывать при оценке перспектив его трансформации.

Недавно этот тезис нашёл ещё одно подтверждение, когда президент РФ Путин в телефонном разговоре с президентом Китая дал высокую оценку результатов завершившегося в октябре 2017 г. в Пекине XIX съезда КПК, в том числе отметил особую важность официальной канонизации идей Си Цзиньпина о «социализме с китайской спецификой для новой эры». Президент Си, в свою очередь, заявил, что РФ является важнейшим стратегическим партнёром КНР, и, какие бы изменения ни происходили на мировой арене, Пекин не утратит решимости на дальнейшее углубление отношений с Москвой **[5]**.

Наконец, большое значение для исследования имеют американские подходы к формированию мирового и регионального порядков. С приходом в начале 2017 г. к власти Д. Трампа они кардинально изменились, что инициировало трансформацию регионального порядка в АТР. В то же время логично начать рассмотрение темы статьи с периода нахождения у власти в США президента Б. Обамы (2008–2016 гг.). Подходы к интеграции в АТР его администрации следует охарактеризовать как классические для глобалистски настроенного американского

истэблишмента и направленные на удержание лидирующих позиций в регионе.

Американские подходы к азиатской интеграции периода президента Барака Обамы

В 2011 г. администрация президента Обамы, стремясь сдержать растущее влияние Китая в АТР, заявила о начале реализации новой комплексной стратегии «поворота» в Азию. В экономической сфере её главным компонентом стало продвижение проекта Транстихоокеанского партнёрства (ТТП), представшего собой выгодную (с точки зрения администрации Обамы) для США модель торгово-экономической интеграции со странами АТР и оставляющего за своими рамками Китай – крупнейшего участника азиатской торговли. Несмотря на сложности, в октябре 2015 г. переговоры по формированию ТТП, охватывающего 12 стран АТР, успешно завершились.

В рамках «поворота» в Азию Вашингтон декларировал амбициозные цели и в сфере безопасности, и намерение укрепить военное присутствие в регионе. При этом в США широко интерпретировали новую оборонную стратегию, делая основную ставку на укрепление военно-политических альянсов с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом, а также двусторонних партнёрств с Индией, Индонезией и другими государствами. Серьёзная значимость придавалось вступлению США в 2011 г. совместно с РФ в Восточноазиатский саммит. При этом регулярное участие в его работе президента Обамы страны ЮВА оценивали как доказательство возросшего внимания США к региону.

В период президентства Б. Обамы в качестве ценного актива своего «поворота» в Азию Вашингтон также указывал «устойчивую поддержку демократии и прав человека». Но в этом случае зачастую имела место выдача желаемого за действительное. Так, одним из ключевых в программном выступлении бывшей в то время Госсекретарём США Х. Клинтон в Центре «Восток-Запад» (Гонолулу) в январе 2010 г. стал тезис о том, что формировать архитектуру сотрудничества в безопасности и экономике АТР Вашингтон будет на базе универсальных (а не азиатских) ценностей и при своём безоговорочном лидерстве **[6]**. В результате США попытались начать «дипломатическое наступление» в АТР, опираясь на следующие подходы:

♦ жёсткая борьба за смену силовых полюсов в многостороннем сотрудничестве: от АТЭС к ТТП и от Регионального Форума АСЕАН (АРФ) к Саммиту Восточной Азии (ВАС), с последующим выходом США на лидерские позиции в ТТП и ВАС;

♦ радикальное изменение базовых принципов сотрудничества в АТР: от «пути АСЕАН» к опоре на европейский интеграционный опыт и западные универсальные ценности **[3]**.

Предложенные подходы, недостаточно учитывавшие позиции государств региона, вызвали негативную реакцию большинства стран АСЕАН, уверенных в том, что именно эта организация должна сохранить лидерство в формировании региональной архитектуры сотрудничества на принципах «пути АСЕАН».

В сложившейся ситуации Вашингтон отказался от публичного продвижения наиболее радикальных элементов «дипломатического наступления» (опора на универсальные ценности, безусловное американское лидерство в ВАС и др.). Так, выступая на саммите в Шангри Ла, Сингапур, в июне 2012 г. министр обороны Леон Панетта в качестве стратегической цели США в АТР вместо “pivot” применил более обтекаемый термин – “rebalance toward the Asia-Pacific”. Его перевод возможен в

широком диапазоне: от «привести в необходимое равновесие отношения с АТР» до «выстроить приоритетные партнёрские отношения с регионом». В речи министра универсальные ценности не упоминались, американское лидерство не акцентировалось, а упор был сделан на тезис о том, что новая американская стратегия в АТР будет реализовываться с учётом пожеланий стран региона и максимально опираться на расширение с ними партнёрских отношений. Именно эта интерпретация стратегического курса Вашингтона в АТР в дальнейшем и была принята за основу **[3]**. В итоге в период второго срока президентства Б. Обамы (2012–2016 гг.) американские интересы в АТР продвигались на основе более сбалансированных принципов и риторики, и в целом были с пониманием восприняты многими странами региона.

Усиливающийся китайский вектор азиатского регионализма

В 2012 г. на фоне продолжающегося в стране экономического роста к власти в КНР пришло более амбициозное политическое руководство во главе с Си Цзиньпином, которое выдвинуло ряд новых политических и экономических проектов. Так, Пекин взял на себя лидерство и выступил со знаковыми инициативами как на основных трансрегиональных площадках (в области безопасности в «Большой Восточной Азии» и в торгово-экономической сфере в АТР), так и на региональных форумах Восточной Азии. В результате основное соперничество в сфере продвижения и поддержки моделей восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма развернулось между Китаем и США, а Токио утратил лидирующие позиции, лавируя между Пекином и Вашингтоном.

В 2014 г. Пекин придал «новое дыхание» двум знаковым форматам, которые были давно инициированы другими государствами, но в последние годы стагнировали. Речь идёт, в первую очередь, о Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) и базовом проекте АТЭС по формированию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), основными инициаторами которых были Казахстан и США. У первого не хватает политических ресурсов, чтобы успешно продвигать инициативы СВМДА, а вторые перенесли фокус на другой проект – ТТП **[2]**.

В 2014 г. Китай провёл саммиты СВМДА и АТЭС, где выдвинул новые знаковые инициативы. Так, выступая на саммите СВМДА в Шанхае, председатель КНР Си Цзиньпин предложил создать на его базе переговорную платформу для постоянного диалога в сфере безопасности в Азии, постепенно институализировать СВМДА и т.д. В дальнейшем на этой платформе предлагается выстраивать единую архитектуру региональной безопасности **[10]**. В представлении Пекина она должна носить универсальный характер, быть равной и исключать доминирование какой-то одной страны. В этом же выступлении председатель КНР заявил, что именно жители Азии должны решать проблемы и поддерживать безопасность в Азии, посылая откровенный сигнал внерегиональным игрокам (в первую очередь, США).

Что касается торгово-экономической либерализации на пространстве АТР, то в ноябре 2014 г. Китай добился принятия участниками саммита АТЭС пекинской «дорожной карты» по содействию продвижению к АТЗСТ и её формированию не позднее 2025 г. на основе всех имеющихся региональных интеграционных инициатив. При продвижении восточноазиатского регионализма Пекин поддерживает оба основных формата: АСЕАН Плюс Три (АПТ) и АСЕАН Плюс Шесть. Первый из них отражает китайское видение так называемого «ядра» Восточной Азии, а второй – инициированный Японией расширенный вариант региона с подключением Индии, Австралии и Новой Зеландии. Формат АПТ яв-

ляется ключевым в финансовой сфере, так как именно члены АПТ сформировали Азиатский валютный фонд, в 2012 г. нарастив его объем до 240 млрд. долл. (основными донорами в равных долях являются Китай и Япония).

В 2011 г. в формате АСЕАН Плюс Шесть был запущен переговорный процесс подготовки соглашения по Всеобъемлющему региональному экономическому партнёрству (ВРЭП). В случае его подписания на 16 государств-участников будет приходиться свыше 30 % мирового торгового оборота, что сделает его одним из крупнейших в мире. Разрабатываемый при активном участии стран АСЕАН формат ВРЭП принял мягкий, «азиатский» подход либерализации, и менее развитыми странами оно рассматривается как более привлекательная альтернатива ТТП, предъявляющему к участникам высокие требования уровня «ВТО плюс». Выход США из ТТП способен косвенно способствовать концентрации усилий стран АСЕАН на модели интеграции на базе соглашения о ВРЭП под эгидой Китая. В то же время темпы его подписания будут замедлены такими ограничителями, как позиция Японии, для которой ВРЭП не является приоритетом, а также сложными правилами ведения переговоров стран АСЕАН с будущими партнёрами по ВРЭП.

Теоретически достижение прогресса в переговорах по ВРЭП не должно быть большой проблемой, так как страны «плюс шесть» (Китай, Япония, РК, Индия, Австралия и Новая Зеландия) уже подписали соглашения о свободной торговле с АСЕАН в формате АСЕАН+1. Однако, в отличие от ЕС, для согласования членства во ВРЭП страны АСЕАН должны индивидуально вести торговые переговоры с каждой их стран «плюс шесть». После 20 раундов таких переговоров (последний состоялся в октябре 2017 г. в РК) страны-участники достигли соглашения преимущественно в сферах экономического и технологического сотрудничества. Что касается снятия торговых барьеров, то сроки окончательного завершения переговоров сильно отстают от графика (планировалось до конца 2016 г.) из-за принципиальных различий в приоритетах и подходах участников, хотя для наименее развитых экономически государств АСЕАН и предусмотрены более благоприятные условия вхождения во ВРЭП.

Рассмотрев политическую и экономическую проблематику восточноазиатского регионализма, уместно обратиться к ещё одному фактору – идейному содержанию предлагаемых потенциальным лидером стратегий. Признание Китая в качестве регионального лидера во многом будет обусловлено тем, захотят ли и смогут ли высшие руководители страны начать реформу политической системы и построить демократию «с китайской спецификой».

С приходом к руководству Си Цзиньпина вопросам улучшения имиджа Китая и его позиционированию как предсказуемого государства-лидера стало уделяться больше внимания, в том числе с помощью образовательных и культурных программ через институты Конфуция. В то же время события 2014 г. (выступления в защиту демократии в Гонконге и поражение на выборах прокитайской партии «Гоминдан» на Тайване) свидетельствуют о том, что даже в ближайшем географическом окружении китайская модель государственного устройства вызывает вопросы. Это значит, что одних обещаний реализовать «Азиатско-тихоокеанскую мечту» недостаточно для получения поддержки стремления Пекина стать лидером. При воплощении своих глобальных планов в Евразии Пекин столкнётся с противодействием ряда крупных акторов, например, Индии и Вьетнама, и может получить обвинения в гегемонизме и т.п.

Для реализации предложенных масштабных проектов Китай будет остро нуждаться в союзниках, и здесь важно учитывать ситуацию его стратегического сближения с РФ. Наши страны занимают схожие позиции и поддерживают друг друга в международных организациях всех уровней (от ООН до субрегиональных форумов СВА). Укрепление российско-китайского сотрудничества в энергетической и других сферах является императивом обеспечения бескризисного развития Китая и региона в целом. В этой связи важно то, что Москва безоговорочно поддержала выдвинутые Пекином региональные инициативы по созданию новой архитектуры безопасности АТР и по формированию Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (на саммитах СВМДА и АТЭС в 2014 г. соответственно), что отвечает государственным интересам РФ.

Особого внимания заслуживает противостояние США и Китая в АТР в сфере ценностных установок, которое не так давно было трудно себе представить. Президент Си для обоснования стратегического видения Азии, в центре которой разместится Пекин, в выступлениях обращался как к философским концепциям древнего Китая, так и к более поздним концепциям китайских руководителей. В качестве стратегии для АТР в 2013 г. Си Цзиньпин выдвинул концепцию «Азиатско-тихоокеанской мечты», в основу которой положены следующие принципы: мирное соразвитие, международное сотрудничество, взаимопомощь, невмешательство во внутренние дела других стран и др. Реализация этих целей предусмотрена в формате «Инициативы поясов и дорог» и должна базироваться на формировании региональных ЗСТ и многомиллиардных китайских инвестициях в региональную инфраструктуру, что позволит экономически связать три континента (Азию, Европу и Африку).

В 2014–2015 гг. Пекин сыграл главную роль в формировании двух новых крупных финансовых институтов – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Нового банка развития БРИКС (со штаб-квартирами в Пекине и Шанхае соответственно). Предполагалось, что объем капитала в них составит по 50 млрд. долларов, однако за короткое время они выросли до 100 млрд. долл. в каждом банке. При этом США и Япония воздержалась от вступления в АБИИ в качестве учредителей **[2]**.

Для раскрытия тематики статьи важно понимание того, что, несмотря на возросшие амбиции, Пекин не бросал прямой вызов функционирующей в Азии проамериканской модели межправительственных соглашений и институтов. Вместо этого он сформировал альтернативную прокитайскую модель интеграции (без участия США или при их второстепенной роли), и, в случае ожидавшегося прихода к власти в США Х. Клинтон, готовился, опираясь на новые прокитайские институты, продолжить борьбу с американцами за лидерство в АТР.

Изменения моделей регионализма США и Китая в АТР в условиях изоляционистского курса Дональда Трампа

Победа на выборах в США Д. Трампа осенью 2016 г. стала неожиданностью для Пекина, как и для большинства других участников мировых политических процессов. В случае победы Х. Клинтон у руководства КНР были веские основания полагать, что, являясь Госсекретарём в период первого президентского срока Обамы, она продолжит в АТР курс на неолиберальную глобализацию, укрепление многосторонних соглашений сотрудничества в экономике и др. Характерные черты этого возможного курса охарактеризованы в начале статьи.

Однако к власти в США пришёл Д. Трамп, определивший в качестве главной цели не удержание глобального мирового лидерства США на основе неолиберальной глобализации и рыночной демократии, а на-

звавший главным приоритетом своего политического и экономического курса «главенство американских интересов (“America first” policy). Это привело к кардинальным изменениям во внутриамериканских политических процессах, и внесло большую непредсказуемость в политические и экономические процессы как во всем мире, так и в АТР.

В попытках улучшить отношения с Россией и Китаем Трамп проявил готовность предлагать рискованные варианты сотрудничества, но в случае возникновения проблем с их реализацией он легко менял свои позиции. Так, во время президентской кампании он резко критиковал Китай за так называемое «нечестное экономическое поведение», но с приходом к власти установил хорошие личные контакты с Си Цзиньпином и дал обещание учитывать китайские интересы при формировании и реализации американской стратегии в экономике и безопасности. Однако очень скоро, не добившись от Китая согласия следовать американскому курсу на силовое разрешение ситуации с безопасностью на Корейском полуострове, он объявил о необходимости введения против Китая экономических санкций.

По мнению Трампа, глобализация работает против американских интересов, и с приходом к власти в январе 2017 г. он немедленно объявил о выходе США из ТТП. В свою очередь, выступая на экономическом форуме в Давосе в феврале 2017 г., Си Цзиньпин призвал все страны продолжить поддержку экономической глобализации, но при этом отказаться от продвижения по миру её политического и военного компонентов (в формах либеральной демократии и американского силового доминирования). Взятые в совокупности эти позиции Трампа и Си чётко отражают произошедшие в мире кардинальные геополитические и геоэкономические изменения.

Как рассмотрено выше, в течение длительного периода Пекин системно формировал альтернативные структуры многосторонней экономической интеграции в АТР, готовя их для будущего соперничества (при одновременном сотрудничестве) с проамериканскими институтами. Выход США из ТТП поставил перед руководством Китая новые политические и экономические вызовы. Если воспользоваться примером из области спорта, то Трамп неожиданно уступил Си Цзиньпину «лыжню» и предложил в одиночку прокладывать путь, взяв на себя основные тяготы лидерства в формировании институтов и выработке правил многостороннего экономической интеграции в АТР, к чему Китай, будучи развивающейся экономикой, ещё не вполне готов.

В свою очередь, Вашингтон приступил к пересмотру ранее заключённых многосторонних (например, НАФТА) и ряда двусторонних соглашений (с Республикой Корея), а основные усилия решил сфокусировать на разработке новых двусторонних экономических соглашений, которые будут заключаться на максимально выгодных для США условиях.

Односторонний и протекционистский характер торгово-экономической политики Трампа ещё раз наглядно проявился в середине августа 2017 г., когда США применили против Китая Секцию 301 Торгового Акта США от 1974 г., предусматривающую расследование американскими органами осуществляемых китайскими компаниями передач технологий, а также их политики и практики в сфере интеллектуальной собственности. В случае обнаружения нарушений предусмотрены экономические санкции. По мнению китайских экспертов, подобные односторонние действия США свидетельствуют о том, что они хотят одновременно быть и «участником, и судьёй в этих торговых спорах» **[4]**. Дело в том, что, применяя Секцию 301, США отказываются от всеми принятого в 1995 г. механизма разрешения споров ВТО и, открыто нарушая правила этой всемирной организации, подают плохой пример всем её

государствам-членам. Хотя проведение расследования, которое может занять около года, не является объявлением торговой войны с Китаем, но оно может стать шагом в этом направлении.

Лакмусовой бумажкой для проявления изменений моделей азиатско-тихоокеанского регионализма США и, хотя и в меньшей степени, Китая стали состоявшиеся в ноябре 2017 г. визиты президента США Д. Трампа в Японию, Республику Корея и Китай, а также ежегодные саммиты АТЭС и ВАС во Вьетнаме и на Филиппинах соответственно.

Первые два визита президента США прошли, в целом, ожидаемо. В Токио и Сеуле он, действуя с позиции силы, стремился, с одной стороны, к сколачиванию коалиции государств для противодействия угрозы безопасности со стороны КНДР и, спекулируя на ней, настоятельно призывал партнёров к новым масштабным закупкам американских вооружений. С другой стороны, он озвучивал собственное видение торгово-экономических отношений, которые США будут осуществлять на основе не многосторонних региональных соглашений и общепринятых правил, включая ВТО, а на базе двусторонних соглашений, которые Вашингтон планирует пересмотреть и сделать их «свободными и справедливыми» с точки зрения интересов США.

Совсем другим Трамп предстал в Пекине. В надежде добиться важных для США уступок в разрешении проблем безопасности Корейского полуострова и снижения достигшего огромных размеров торгового дефицита с Китаем президент Трамп всячески льстил президенту Си, называя его «особенным», «могущественным» и т.п., и настаивал на наличии между ними тёплых личных отношений. Более того, стремясь получить поддержку Китая по проблеме КНДР, он, в отличии от прежних заявлений, обвинил в росте двустороннего торгового дефицита с США не Китай, а предыдущие американские администрации.

В свою очередь, президент Си Цзиньпин, который на прошедшем в октябре 2017 г. очередном съезде КПК ещё больше консолидировал в своих руках власть (его имя, наравне с Мао Цзедуном и Дэн Сяопином, было внесено в текст Конституции Китая) и обеспечил своё политическое лидерство в стране на последующие пять лет, а, возможно, и на более долгий срок, не нашёл ничего личного в своих отношения с Трампом. Он лишь озвучил ему давно известный китайский тезис о том, что «Тихоокеанский регион достаточно большой, чтобы здесь могли мирно сосуществовать и Китай, и США», при условии, что они будут уважать различия политических систем своих государств **[8]**.

По форме пребывание американского президента в Китае было организовано в формате «государственный визит плюс», что включало пышные церемонии и специальные мероприятия в его честь, и в ходе визита Си Цзиньпин констатировал достижение двумя лидерами «нового консенсуса», а двусторонними отношениями – «нового исторического старта». Однако, по сути, Си Цзиньпин в ходе визита ни в чём не уступил Д. Трампу и настоял на продолжении совместного поиска выхода из кризиса на Корейском полуострове путём переговоров. Что же касается дисбаланса двусторонней торговли, то Трамп даже заявил, что США надо самим менять свою слабую и устаревшую торговую политику, и во время пребывания в Пекине воздержался от публичной критики Китая по этой проблематике **[7]**. Таким образом, этот визит можно считать переломным моментом в истории «подъёма» Китая и реакции на него США. Они поменялись ролями, когда Вашингтону помощь Пекина оказалась нужна больше, чем наоборот. По мнению представителя Фуданьского университета профессора У Синьбо (Wu Xinbo), Трамп приехал в Пекин в качестве просителя, ищущего помощи по критически важным

проблемам, и «теперь американский президент не может приехать в Китай, и требовать от китайцев сделать то или это» **[8]**.

Что касается саммита АТЭС, прошедшего 10 и 11 ноября во вьетнамском Дананге, то здесь президент Трамп выглядел единственным «идущим не в ногу» и просто лишним. В то время как 20 из 21 участника АТЭС поддержали идею свободной торговли, осуществляемой по правилам ВТО, и осудили возведение новых торговых барьеров, Трамп выступил против ВТО и заявил, что никогда не подпишет региональное торговое соглашение наподобие ТТП. При этом оставшиеся 11 стран-участников на специальной встрече в Дананге согласовали свои действия по дальнейшему продвижению к формированию ТТП под эгидой Японии **[9]**.

В целом, выступления Трампа по торгово-экономической проблематике в Японии, РК и Вьетнаме продемонстрировали, что он не собирается проявлять в этой сфере характерную для предшествующих американских администраций щедрость глобального лидера, а будет действовать в соответствии с принципами экономического национализма. Очевидно, что подобная отстранённость США от нужд региона объективно выводит страны Восточной Азии на экономическую орбиту Китая.

Чтобы как-то смикшировать в восприятии стран региона негативный эффект от подобной политики, в речь президента Трампа на форуме АТЭС был включён тезис о начале продвижения США новой стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которую новая администрации предложила на замену известной стратегии «поворота в Азию» президента Обамы. В характеристике новой стратегии прозвучало мало конкретики, тем не менее, уже на саммите ВАС на Филиппинах эти планы получили дальнейшее развитие. 12 ноября в Маниле была организована встреча в четырёхстороннем формате лидеров США, Японии, Индии и Австралии. Участники договорились о сотрудничестве в «свободном, открытом, процветающем и инклюзивном Индо-Тихоокеанском регионе», о чем заявил по её итогам представитель правительства Индии. Заслуживает внимания тот факт, что на данной встрече лидеры всех четырёх стран использовали термин «Индо-Тихоокеанский регион» в отличие от традиционного «Азиатско-Тихоокеанского».

Что касается президента Си Цзиньпина, то он, безусловно, стал главным действующим лицом на форуме АТЭС в Дананге, и его выступление составило основную содержательную часть мероприятия. Как известно, Китай является лидером двух одновременно ведущихся переговорных форматов по созданию зон свободной торговли в масштабе всего АТР и Восточной Азии (АТЗСТ и ВРЭП соответственно). В этой связи в выступлении Си Цзиньпин назвал экономическую глобализацию необратимой исторической тенденцией и призвал членов АТЭС объединить усилия для построения АТЗСТ на благо всех стран региона. Одновременно он подчеркнул важную роль китайской «Инициативы поясов и дорог», по его мнению, открытой для всех партнёров и способной создать более широкую и динамичную платформу для сотрудничества в АТР.

Президент напомнил участникам форума о том, что, достигнув за последние пять лет ежегодного роста ВВП китайской экономики на уровне 7,2 %, КНР стала главным двигателем мировой экономики, обеспечивая более 30% её глобального роста. Согласно прогнозам, за последующие 15 лет Китай импортирует товаров на сумму более 24 триллионов долларов, привлечёт в китайскую экономику не менее 2 триллионов долларов, и примерно такую же сумму составят внешние инвестиции Пекина **[11]**.

Ещё одним важным событием форума стало публичное заявление Си Цзиньпина о том, что Китай твёрдо поддерживает главную роль стран

АСЕАН в переговорах по ВРЭП и намерен тесно сотрудничать с ними в интересах их скорейшего завершения. Оно прозвучало во время впервые созванной в рамках форума АТЭС специальной встречи экономических лидеров АТЭС и стран-членов АСЕАН, посвящённой проблематике укрепления и расширения сотрудничества между двумя региональными форумами. По оценке Си Цзиньпина, существует огромный потенциал для получения синергетического эффекта от этого сотрудничества, так как оба форума связаны между собой, как составом участников, так и разделяемыми целями и принципами деятельности. Одновременно Китай заявил о важности достижения синергетического эффекта от реализации «Инициативы поясов и дорог» совместно со стратегией развития АСЕАН и построения более тесного Сообщества Общей Судьбы Китая и АСЕАН **[11]**.

* * *

Опора торгово-экономической политики президента Трампа на принципы односторонних подходов и двусторонних соглашений «с позиции силы» и стремление получить существенные преимущества над партнёрами будут сдерживать развитие международных экономических отношений по всему миру. Действия США, направленные на снижение ключевой роли ВТО, в свою очередь, приведут к снижению управляемости и эффективности международной торговли. Последствия новой американской политики торгового изоляционизма для экономики самих США пока трудно оценить, и для этого потребуется некоторое время.

Что касается АТР, то выход США из многосторонних экономических соглашений и игнорирование норм ВТО приведут к снижению экономического и политического влияния США в этом важнейшем регионе, а также способны вызвать серьёзные кризисы в их отношениях с ключевыми государствами и привести к пагубным последствиям как для этих государств, так и для мировой экономики в целом, так как для её развития производственные мощности и торговые взаимодействия стран АТР играют ключевую роль.

Теоретически изоляционистский курс США способен проложить дорогу для китайского лидерства в экономическом регионализме АТР. В то же время на начальном этапе оно будет во многом номинальным. С одной стороны, являясь страной с развивающейся экономикой, Китай ещё не полностью готов взять на себя такую роль в масштабе всего АТР. С другой – сдерживающее воздействие будет оказывать конкуренция со стороны Японии, которая в отсутствие США готовится взять на себя лидерство в продвижении ТТП. Серьёзными препятствиями в будущем могут стать торгово-экономические санкции США, а также геополитическое сдерживание Китая, которое Вашингтон планирует осуществлять в рамках широкой коалиции государств с активным участием Индии в рамках Индо-Тихоокеанского региона.

Ключевым, с точки зрения интеграционных проектов, для Пекина был и остаётся регион Восточной Азии. За счёт активного продвижения проектов в формате АПТ, формирования переговорной повестки ВРЭП, создания двух международных банков, Китай стал лидером восточноазиатского регионализма в торгово-экономической и финансовой сферах. При этом результаты саммита АТЭС во Вьетнаме свидетельствуют о том, что Пекин сделал правильные выводы из неудач инициативы премьер-министра Австралии Кевина Радда о строительстве Азиатско-Тихоокеанского Сообщества и первой, более агрессивной версии, американской стратегии «поворота в Азию» президента США Обамы, которые оставляли на обочине страны АСЕАН. Вместо этого Си Цзиньпин публично предложил странам АСЕАН главную роль в переговорах по ВРЭП и со-

трудничестве в Восточной Азии в целом **[11]**. В то же время на практике их лидерство будет скорее номинальным, так как прозвучавший на саммите во Вьетнаме призыв Си Цзиньпина ускорить одновременные переговоры по продвижению АТЗСТ и ВРЭП свидетельствует о возрастающей роли Пекина, как главного проводника идей свободной торговли и сотрудничества в регионе.

Что же касается проектов, объединённых в рамках «Инициативы поясов и дорог», то даже их частичная реализация повысит влияние Китая на континентальных пространствах Евразии и в АТР. В сфере регионального управления оно может быть усилено за счёт скоординированной политики Москвы и Пекина по включению соответствующей проблематики в повестку дня незападных институтов, таких как: БРИКС, ШОС, ЕАЭС.

◆

Литература

1. Российско-китайский диалог: модель 2015, доклад № 18/2015 / [Лузянин С.Г. (рук.) и др.; Чжао Х. (рук.) и др.]; [гл. ред. Иванов И.С.]. РСМД М.: Спецкнига, 2015. 32 с.

2. Севастьянов С.В. В заключение: конкуренция китайских и американских проектов регионализма и принципов их реализации в АТР // Конкурирующие модели и современные тенденции восточноазиатского и азиатско-тихоокеанского регионализма. Науч. ред. С.В. Севастьянов; под общ. ред. А.Б. Волынчука. Владивосток: ДВФУ: Дальнаука, 2014. С. 296–318.

3. Севастьянов С. Об институтах интеграции АТР // Международная жизнь. 2012. № 16. С. 63–76.

4. Chen Weihua US' trade policy shows it seeks to be both player and referee. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-08/25/content_31083933.htm (дата обращения: 28.08.2017 г.).

5. China will not change determination to deepen relations with Russia. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-10/27/content_33768146.htm (дата обращения: 01.11.2017 г.).

6. Clinton H. Remarks on Regional Architecture in Asia^ Principles and Priorities. http://state.gov/secretary/rm/2010/01/135090htm (дата обращения: 02.02.2010 г.).

7. Sino-US ties at “new historic starting point”. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/10/content_34342896.htm (дата обращения 11.11.2017 г.).

8. Trump, Aiming to Coax Xi Jinping, Bets on Flattery. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/09/world/asia/trump-xi-jinping-north-korea.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news (дата обращения 12.11.2017 г.).

9. Trump to Asia: Unite on North Korea, but Go It Alone on Trade. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/11/world/asia/trump-asia-danang-vietnam.html?hpw&rref=world&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region&region=bottom-well&WT.nav=bottom-well (дата обращения 12.11.2017 г.).

10. Xi Jinping Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. [Электронный ресурс]. URL: http://

www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml (дата обращения 04.06.2014 г.).

11. Xi urges cooperation for free trade in region. [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/11/content_34388160.htm (дата обращения 12.11.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Rossijsko-kitajskij dialog: model' 2015, doklad № 18/2015 / [Luzyanin S.G. (ruk.) i dr.; CHzhao KH. (ruk.) i dr.]; [gl. red. Ivanov I.S.]. RSMD M.: Spetskniga, 2015. 32 s.

2. Sevast'yanov S.V. V zaklyuchenie: konkurentsiya kitajskikh i amerikanskikh proektov regionalizma i printsipov ikh realizatsii v ATR // Konkuriruyushhie modeli i sovremennye tendentsii vostochnoaziatskogo i aziatsko-tikhookeanskogo regionalizma. Nauch. red. S.V. Sevast'yanov; pod obshh. red. A.B. Volynchuka. – Vladivostok: DVFU: Dal'nauka, 2014. S. 296–318.

3. Sevast'yanov S. Ob institutakh integratsii ATR // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2012. № 16. S. 63–76.

4. Chen Weihua US' trade policy shows it seeks to be both player and referee. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/opinion/2017-08/25/content_31083933.htm (data obrashheniya: 28.08.2017 g.).

5. China will not change determination to deepen relations with Russia. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-10/27/content_33768146.htm (data obrashheniya: 01.11.2017 g.).

6. Clinton H. Remarks on Regional Architecture in Asia^ Principles and Priorities. http://state.gov/secretary/rm/2010/01/135090htm (data obrashheniya: 02.02.2010 g.).

7. Sino-US ties at “new historic starting point”. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/10/content_34342896.htm (data obrashheniya 11.11.2017 g.).

8. Trump, Aiming to Coax Xi Jinping, Bets on Flattery. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/09/world/asia/trump-xi-jinping-north-korea.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=first-column-region&region=top-news&WT.nav=top-news (data obrashheniya 12.11.2017 g.).

9. Trump to Asia: Unite on North Korea, but Go It Alone on Trade. [Ehlektronnyj resurs]. URL: https://www.nytimes.com/2017/11/11/world/asia/trump-asia-danang-vietnam.html?hpw&rref=world&action=click&pgtype=Homepage&module=well-region&region=bottom-well&WT.nav=bottom-well (data obrashheniya 12.11.2017 g.).

10. Xi Jinping Remarks at the Fourth Summit of the Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1159951.shtml (data obrashheniya 04.06.2014 g.).

11. Xi urges cooperation for free trade in region. [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/world/2017-11/11/content_34388160.htm (data obrashheniya 12.11.2017 g.).

УДК 303.8
DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/178-189

Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.

Аналитические центры и внешнеполитический процесс Таиланда: современное состояние и перспективы

«Think tanks» and the foreign policy process in Thailand: current status and prospects

Статья посвящена специфике внешнеполитического процесса Таиланда и роли в нем аналитических центров. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике аналитических центров Таиланда и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую тайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *аналитические центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия, внешнеполитический процесс, армия, военный переворот, экспертное сообщество*

◆

The article is devoted to the history of the Institute «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary of Thailand. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of Thailand and their foreign counterparts. The article discussed in detail the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Thai leadership's foreign policy.

Key words: *think tanks, research institutions, foreign policy, public diplomacy, foreign policy process, army, military coup, expert community*

8 февраля 2017 г. в Бангкоке при поддержке посольства США состоялась международная конференция, собравшая представителей девятнадцати стран по вопросу роли аналитических центров в политической и социально-экономической жизни современного государства. В качестве приглашённого гостя на конференции выступил Апхисит Ветчачива, возглавлявший с 2008 по 2011 гг. правительство Таиланда. Ветчачива заявил, что в условиях глобальных изменений и проблем аналитические центры должны играть более активную роль в обществе и быть смелее в представлении своих идей **[8]**. Проблемы неравенства и социальных конфликтов, насилия и угрозы военных столкновений, все чаще заставляют политиков прибегать к популистским решениям, вместо взвешенных и продуманных стратегий долгосрочного развития, которые могут быть предложены экспертным сообществом аналитических центров **[8]**. Политическая история Таиланда – это история периодически повторяющихся военных переворотов, посредством которых тайские военные поддерживают политическую стабильность. Стабильность имеет и обратную сторо-

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ *(г. Владивосток)*. **E-mail:** Zhurbey.ev@dvfu.ru

ну, а именно подавляются независимые гражданские институты. Лишь с конца 70-х гг. XX в. в Таиланде началась политическая либерализации, которая характеризовалась ограниченным политическим участием, слабыми институтами парламентской демократии и сильным военно-бюрократическим контролем над институтами гражданского общества. Уже в это время в Таиланде функционировал ряд аналитических центров, связанных с ведущими университетами страны, но государственный статус университетов позволял отнести данные аналитические центры к «квазигосударственным», «правительственным» фабрикам мысли. Тем не менее, к 1990-м гг. неправительственный сектор вырос до определённого размера, что способствовало укреплению гражданского общества Таиланда, в то время как появление нового среднего класса и повышение политической осведомлённости побудили к более активному подходу к выработке внутренней и внешней политики и общественным дебатам по принимаемым тайским руководством решениям. Гражданское и военное руководство Таиланда испытывало потребность в информации о политических, социальных и экономических процессах, протекающих в тайском обществе, а также потребность в знании альтернатив и возможных издержках, рисках, последствиях принимаемых решений. Данные обстоятельства способствовали институционализации в Таиланде экспертного сообщества. Политическая система Таиланда, вбирая в себя экспертные институты, формирует свою уникальную специфику тайских аналитических центров, функционирующих в условиях авторитаризма или «нелиберальной демократии», что отличает тайские центры от подобных центров демократических стран.

Объектом исследования являются аналитические центры Таиланда, а предметом исследования является вовлеченность аналитических центров во внешнеполитический процесс и механизмы инфильтрации идей во властные институты тайского государства. Цель исследования заключается в том, чтобы оценить состояние экспертного сообщества Таиланда и его влияние на внешнеполитический процесс, а также сформулировать проблемы на пути эволюции данных центров.

Тайские аналитические центры исследовались с позиций неоинституционального, структурно-функционального и системного подходов. Первый подход позволяет рассматривать «аналитические центры» в качестве устойчивых политических институтов, которые выполняют важные для общества и власти функции (например, легитимации властных решений, интеллектуальной поддержки принимаемых и реализуемых решений, лоббирования интересов и т.д.). Данный подход позволяет объяснить характер деятельности экспертных организаций Таиланда. В рамках функционального подхода стало возможным определить не только место аналитических центров в политической системе Таиланда, но и максимально полно описать набор выполняемых ими функций. Системный подход позволяет изучить аналитический инструментарий аналитических центров как совокупности методов и приёмов исследования внешнеполитического процесса Таиланда. Также автором применялся многофакторный анализ, который был направлен на комплексное изучение внутренних и внешнеполитических факторов, характерных для изучения проблематики взаимодействия аналитических центров и государственных институтов власти.

Проблематика вовлеченности аналитических центров в политический (в т. ч. внешнеполитический процесс) является объектом изучения зарубежных и отечественных политологов.

Среди западных политологов значительный вклад в изучение вопроса истории возникновения и развития аналитических центров внесли следующие авторы: Д. Эйбелсон, У. Геллнер, Ф. Каплан, Дж. Макганн, Э. Рич и Р. Уивер, Дж. Смит, Д. Стоун, а также их российские коллеги:

Н. Беляева, Т. Виноградова, И. Кобринская, Н. Нарочницкая, А. Сунгуров и др.

Представления об аналитических центрах как субъектах политического процесса, их типологии и функциональном предназначении сформировали работы следующих зарубежных учёных: У. Данн, Э. Джонсона, П. Диксона, Дж. Смита, Дж. Макганна, К. Уивера, Э. Рич. Эту же проблематику исследователи их российские коллеги: С. Дацюк, Т. Виноградова, Е. Клицунова, В. Филиппова, Ф. Войтоловский и др. Оценке влияния аналитических центров на внутриполитический и внешнеполитический процесс посвящены работы таких исследователей, как Д. Эйбелсона, Э. Рича и К. Уивера, Х. Уоллэка, Д. Харта, С. Тримбэта, П. Хайэса и др. Сравнительному анализу аналитических центров нескольких стран посвящены работы Д. Эйбелсона, Р. Страйка, Р. Ранквита, Д. Стоуна, Дж. Макганна и др.

Таким образом, зарубежных и отечественных исследований, посвящённых роли аналитических центров в политическом процессе государства, достаточно много, а вот исследований, посвящённых роли аналитических центров в политическом процессе Таиланда, практически нет, что дополнительно актуализирует выбранную проблематику.

Композиционно исследование состоит из нескольких разделов. Первый раздел посвящён операционализации терминов, таких как аналитический («мозговой») центр и внешнеполитический процесс. Второй раздел посвящён специфике внешнеполитического процесса Таиланда. Мы попытаемся определить ключевых участников данного процесса и роль аналитических центров в процессе выработки Таиландом внешней политики. В третьем разделе мы остановимся на ключевых (институциональных, экономических, культурных) факторах, которые способствуют или мешают целям и задачам тайских фабрик мысли. Критическое изучение практики функционирования аналитических центров в сравнительном контексте (в более ранних исследованиях изучен опыт функционирования подобных центров в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Сингапуре, КНР, Тайване) поможет лучше объяснить, почему аналитические центры в Таиланде имеют, за редким исключением, несравнимо меньшее влияние на внешнеполитический процесс, чем в тех же США или КНР. В четвёртом и заключительном разделе рассматриваются перспективные меры, действия и изменения, которые, в случае их осуществления, могут привести к росту значимости тайского экспертного сообщества в политическом процессе.

В своём исследовании мы будем исходить из ключевого тезиса-утверждения, что аналитические центры занимают важное место в политическом процессе. Аналитические центры получают значительное внимание и инвестиции, поскольку страны-доноры или негосударственные организации справедливо полагают, что государственная политика может повысить свою эффективность и усилиться, если она будет поддержана научно-обоснованными фактами, доказательствами. Сегодня мы наблюдаем распространение аналитических центров по всему миру – от Латинской Америки, Африки до Ближнего Востока и Восточной Азии. Они уже не являются исключительно англо-американским явлением. Фактически, можно выделить различные модели развития аналитических центров. Однако имеющиеся исследования, которые могут адекватно описывать историческое развитие аналитических центров в развивающихся регионах, явно недостаточно информативны. Следовательно, западные концептуализации аналитических центров, которые в настоящее время доминируют во всей специализированной литературе по фабрикам мысли, не всегда способны адекватно описать специфику развития аналитических центров в других частях земного шара.

Некоторые западные учёные произвели попытки операционализации и классификации аналитических центров, начиная от их политико-институционального местоположения (например, независимо от того, кто из них является независимыми, аффилированными с партией или встроенными в государство), с упором на исследования, рекомендации по вопросам участия в политическом процессе государства. Например, Кент Уивер называет их «университетами без студентов», «контрактными исследовательскими организациями» и «адвокатскими центрами» **[14, p. 565]**. Эндрю Рич определяет их как «независимые некоммерческие организации, которые производят интеллектуальный продукт и в основном полагаются на опыт и идеи для получения поддержки и влияния на политический процесс» **[12, p. 11]**. Диана Стоун идентифицирует их как «некоммерческие организации, занимающиеся анализом вопросов государственной политики независимо от правительства, политических партий и групп интересов» **[13, p. 16]**. Джеймс Макганн под мозговым центром понимает «независимую организацию, занимающуюся исследованием и анализом государственной политики, восполняющую потребность политиков в информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой» **[11]**. Многочисленные попытки операционализации термина аналитический (мозговой) центр позволяют сделать вывод о том, что исследователи сознательно избегают жёсткой операционализации понятия.

Исследователи аналитических центров сходятся во мнении, что данные центры это некоммерческие, внепартийные организации, занимающиеся изучением публичной (внешней и внутренней) политики, деятельность которых отвечает некоему набору критерий. Эти критерии в итоге отличают аналитические центры от иных неправительственных организаций (групп интересов, профсоюзов, религиозных объединения и др.), которые не менее активны в своих контактах (предоставление консультаций, оказание влияния и др.) с государством. Наблюдая за практикой взаимоотношений групп интересов (лоббистов) и правительства, аналитические центры вбирали в себя наиболее эффективные инструменты воздействия и каналы коммуникации групп интересов, что в итоге размывает институциональные границы, различия между аналитическими центрами и группами интересов.

В своём исследовании мы будем руководствоваться определением аналитического (мозгового) центра, предложенным Стивеном Буше, который сформулировал девять критериев, характеризующих исследовательскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация, действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политики; в-третьих, благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственности за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдачи дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур **[10, p. 2–3]**.

Аналитические центры отличаются друг от друга набором привлекаемых инструментов в реализации ключевых целей и задач. Если, например, аналитический центр стремится иметь долгосрочное влияние на

формирование целей внешней политики Таиланда, он может пригласить членов правительства или партийных лидеров принять участие в регулярных политических семинарах, а не пытаться достичь этой цели посредством публикаций в СМИ и привлечения иных медийных ресурсов, рассчитанных на массовую аудиторию. И наоборот, если основная цель аналитического центра в том, чтобы помочь сформировать актуальную повестку и провести широкое обсуждение проводимого внешнеполитического курса страны, то центр может придать более высокий приоритет в получении доступа к средствам массовой информации, чем написанию аналитических материалов для членов правительства. Иными словами, каждый аналитический центр должен уметь правильно позиционироваться в условиях усиления конкуренции на рынке идей, должен найти свою определённую нишу. Аналитический центр должен определить свои стратегические цели, которые подходят выбранной целевой аудитории, и определить временные рамки, в рамках которых центр посредством влияния способен достичь поставленных целей. Понимание обозначенных нюансов позволит исследователю объяснить, как и почему аналитические центры осуществляют прямое и косвенное влияние на политический процесс.

Несмотря на то обстоятельство, что аналитические центры Таиланда и центры Канады, Австралии, Новой Зеландии, Китая и других стран функционируют в разных организационно-правовых условиях, но вместе с этим они полагаются на схожие стратегии для повышения своего присутствия в политическом поле и принятия политических решений. Они проводят форумы и конференции для обсуждения ключевых вопросов внутренней и внешней политики, поощряют своих учёных проводить лекций в университетах, политических клубах и других общественных организациях, издают широкий спектр изданий, включая книги, журналы, бюллетени и доклады на конференциях. Большинство аналитических центров имеют собственные домашние страницы в Интернете и аккаунты в социальных медиа (Facebook, Twitter), чтобы иметь возможность эффективного самопродвижения и коммуникации с целевыми аудиториями.

В то же время усилия аналитических центров по укреплению связей с политиками зачастую скрыты от широкой общественности и потенциальных исследователей по причине своей кулуарности, закрытости. В рамках этого направления аналитические центры используют разные каналы коммуникации. Эти каналы могут варьироваться от приглашения политиков посетить семинары о том, как должным образом сформировать необходимую политическую повестку дня, до участия учёных из аналитических центров в работе разного рода правительственных консультативных советов. В дальнейшем мы остановимся на ряде факторов, которые могут способствовать и ограничивать усилия аналитических центров Таиланда в воплощении этих стратегий в жизнь.

Одним из важнейших признаков суверенного государства является наличие у него определённого, достаточно стабильного и закономерного (то есть отвечающего его природе, характеру, особенностям) процесса формирования и осуществления поведения данного государства в сфере международной жизни, что принято называть внешнеполитическим процессом. Единой точки зрения по поводу того, что есть внешнеполитический процесс, как и в случае с операционализацией термина «аналитический», нет. А.И. Кондратов под внешнеполитическим процессом государства понимает «взаимодействие между элементами-субъектами системы внешнеполитических отношений государства либо внешнеполитическое воздействие государства на объекты его внешнеполитических интересов, осуществляемое во времени и пространстве и приводящее к изменениям в данном государстве и/или в объектах его интересов» **[4,**

с. 154]. Т.А. Алексеева под внешнеполитическим процессом понимает процесс «принятия внешнеполитических решений в условиях определённых ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения» **[1, с. 4]**. Н.А. Косолапов под внешнеполитическим процессом подразумевает «исторически сложившиеся в стране фактические обычаи и порядок формирования и осуществления её внешней политики со всеми их структурами, процедурами, участниками, особенностями» **[5, с. 70**]. В более узком смысле под внешнеполитическим процессом следует понимать «технологическую сторону работы органов власти, высшего руководства и обеспечения международного курса государства: прохождение информации и документов; порядок подготовки, обсуждения и принятия решений, внесения изменений в ранее принятые; организацию исполнения и контроля за ними» **[5, с. 70**].

Исходя из приведённых определений внешнеполитического процесса, мы можем сделать вывод, что чаще всего именно государство отождествляют с формальными аспектами системы принятия внешнеполитических решений (например, с тем, что прописано в конституции страны или иных законах). Не отвергая тезиса о том, что важнейшую роль в структуре акторов внешнеполитического процесса играют формальные государственные институты (президенты, правительства, парламенты, министерства и др.), в тоже время отметим все возрастающую роль в принятии таких решений негосударственных (неформальных) участников (например, НКО, СМИ или аналитические центры).

Соотношение формальных и неформальных институтов принятия решений и определяет специфику внешнеполитического процесса в той или иной стране. Т.А. Алексеева утверждает, что данная специфика обусловлена двумя группами факторов. К первой группе относятся особенности социально-политических режимов (формальные институты), а ко второй группе – культурно-цивилизационные особенности (неформальные институты). «Формальные и неформальные институты тесно взаимодействуют между собой. Люди в своём поведении интерпретируют формальные системы ограничений в соответствии с неформальными правилами. Например, законы понимаются в соответствии со сложившейся неформальной традицией их толкования и применения. Поэтому можно утверждать, что системно-режимные и культурно-цивилизационные характеристики разных государств, т.е. их формальные и неформальные институты, на самом деле тесно между собой переплетены и непрерывно взаимодействуют» **[1, с. 7]**.

Две группы факторов являются основой для классификации внешнеполитического процесса по типам государственных институтов: авторитарные – демократические; тоталитарные – посттоталитарные; либеральные – «нелиберальные демократии». Вопрос, к какому из названных типов относится внешнеполитический процесс Таиланда, остаётся дискуссионным, но с учётом последнего военного переворота в Таиланде в 2014 г. можно сказать, что данный процесс эволюционирует от модели «нелиберальной демократии» к авторитарному.

Термин «нелиберальная демократия» был введён американским политологом Ф. Закария. Он описывал страны, занимающие промежуточное положение между демократиями и авторитаризмом, где «формально демократические институты радикальным образом переинтепретируются на основе специфических социокультурных особенностей **[3, с. 89]**. Таиланд в отличие от ранее исследованного Сингапура относится к группе стран, в которых происходит постоянное привнесение демократических форм правления, а в период социально-экономической нестабильности в результате военных переворотов происходит отказ от демократических нововведений. Таиланд формально принимает демократические инсти-

туты, но кардинально адаптирует эти институты к национальным историческим и культурным особенностям.

Политическая система Таиланда отличается достаточно высокой степенью нестабильности, носящей циклический характер. Она характеризуется периодическими военными переворотами и иными формами вмешательства армии в политический процесс. Как правило, перевороты случаются в результате роста политической борьбы, угрожающей распадом государственности, выходом из-под контроля коррупции. Система государственного управления в периоды возврата к демократии отличалась крайней коррумпированностью и неэффективностью, что и вызывало периодическое вмешательство тайской армии. Армия проводила «коррекцию» политического процесса, а затем вновь восстанавливала демократию с национальной спецификой.

В Таиланде с установлением в 1932 г. конституционной монархии произошло 19 государственных переворотов. Периодические перевороты приводили к отмене старой конституции и введению новой, так были приняты 19 конституций, включая временные. Последний военный переворот произошёл 22 мая 2014 г., как следствие затяжного политического кризиса в стране, и завершился свержением законно избранного премьер-министра Йинглак Чиннават и её правительства **[9]**. Тайское общество на протяжении года разделял острый политический конфликт между сторонниками Таксина Чиннавата и Йинглак Чинаават, представляющих правящую партию «Пхыа Тхай» и противниками в лице сторонников Демократической партии Таиланда. Военные, долго наблюдавшие за нарастающим кризисом, под лозунгами борьбы с коррупцией фактически покончили с тайской «нелиберальной демократией». «С выборной демократией было покончено с первого же дня переворота. Был установлен авторитарный режим, обновлённая форма военной диктатуры образца XXI в., исключающей представительство населения в политической системе страны» **[6, с. 94]**.

События мая 2014 г. и последовавшие за ними действия военной хунты по сворачиванию демократии внесли свои коррективы в видение особенностей внешнеполитического процесса Таиланда. Можно выделить следующие особенности внешнеполитического процесса Таиланда на современном этапе.

Во-первых, низкая степень дифференциации и высокая степень интеграции внешнеполитического процесса в рамках бюрократической модели. Концентрация власти в руках военных упрощает процедуры выработки внешнеполитических решений и завязывает процесс принятия таких решения на бюрократические структуры. Принимаемые решения являются результатом торга между различными ведомствами, имеющими внешнеполитические интересы (армия, МИД, финансы), иерархически расположенными в рамках государственной структуры. Аналитические центры при такой модели практически не вовлекаются во внешнеполитический процесс.

Во-вторых, партийная политика в условиях установленного военного режима неконкурентна. Общепринятые «правила игры» не позволяют решать возникающие конфликты в рамках демократических процедур, а значит, внешнеполитические интересы политических сил, противостоящих правящему военному режиму, не будут приниматься в расчёт. Режим вывел за границы политического участия все политические партии, что должно подорвать политические перспективы Таксина Чиннавата и его социальную базу поддержки.

В-третьих, гражданское общество чрезвычайно слабо развито и не оказывает существенного влияния на внешнеполитический процесс. В стране отсутствует диалог между государством и гражданским обществом. Военные воспринимают себя в качестве единственной силы, спо-

собной принести порядок Таиланду, а гражданскому обществу в этой конструкции нет места. Аналитические центры на практике не являются посредниками между государством и гражданским обществом.

В-четвёртых, низкая степень гласности и транспарентности внешнеполитического процесса. Роль СМИ в обсуждении ключевых внешнеполитических проблем весьма низка. Ключевые решения принимаются кулуарно посредством бюрократической процедуры, что минимизирует перспективность участия аналитических центров, сам процесс носит закрытый характер.

В-пятых, внешнеполитические проблемы могут обсуждаться в обществе, но поиска консенсуса и выработки общенациональных, а не узкогосударственных интересов не наблюдается. Ротации власти ожидать не приходится, так как новая конституция свидетельствует, что «таиландские политики из числа гражданских чиновников и военного руководства будут стараться внести такие изменения в политическую систему (прежде всего в избирательную), которые гарантировали бы им прочные позиции в руководстве страны в отсутствии конкурентной борьбы за власть» **[6, с. 95]**.

В-шестых, низкая роль экспертов и специалистов-учёных на этапах разработки внешнеполитических решений. Аналитические центры не оказывают значительного влияния на тайских политиков. Данное обстоятельство объясняется низким статусом социальных наук как дающих «позитивное», «неангажированное» политической позицией знание.

Схема внешнеполитического процесса, в общем её виде, повторяет организационно-политическую структуру тайского государства, но выделяет из его устройстве только те элементы, которые связаны с формированием и осуществлением внешней политики. Главную часть процесса образует сектор высшей власти, в котором непосредственно принимаются внешнеполитические решения.

Таиланд – это парламентская конституционная монархия, где главой государства является король. После смерти 13 октября 2016 г. короля Пхупипона Адульядета, новым королём был провозглашён Маха Вачиралонгкорн. В отличие от Короля Пхумипона Адульядета, которого многие подданные называли «Отцом» и едва ли не обожествляли, его сын не пользуется среди тайцев безоговорочной поддержкой. Главной причиной является его скандальная медийная известность, а также неудачный брак с последней женой Срирасми, который закончился разводом и лишением принцессы всех привилегий, а также возбуждением уголовных дел против её родственников, но при этом никто не ставит под сомнение священный институт тайской монархии. Новая конституция оставляет за монархом прежние функции в сфере внешней политики: право объявлять войну с согласия парламента, право заключать международные соглашения с другими государствами или международными организациями. Специалист по внутренней политике Таиланда Дункан Мак-Карго охарактеризовал тайскую монархию в качестве «сетевой монархии», где монарх рассматривался «одновременно и как верховный арбитр в разрешении возникающих политических противоречий, и как основной источник национальной легитимности. При этом именно король формулировал повестку для национального развития» **[2, с. 190]**. Вероятно, что данное утверждение было связано непосредственно с личностью самого короля Таиланда, Пхупипона Адульядета, который обладал непререкаемым авторитетом в обществе. Нынешний король такого авторитета не имеет. Армейская хунта с подозрительностью относится к фигуре ныне правящего короля. Эксперты отмечают, что время военного переворота было выбрано не случайно. Маха Вачиралонгкорн отсутствовал в стране в момент переворота, чем воспользовались тайские военные, подозревавшие кронпринца в симпатии к опальному Таксину Чиннавату.

Однако, как и во всех парламентских монархиях, власть монарха ограничена и скорее носит церемониальные функции.

Центр реальной власти сосредоточен в Кабинете министров Таиланда, который является высшим органом исполнительной власти страны. Главой кабинета министров является премьер-министр. Прерогатива формирования внешней политики государства лежит на Кабинете министров и его главе. С 24 августа 2014 г. эту должность занимает глава военной хунты, генерал Прают Чан-Оча. До переворота победившая на выборах политическая партия формировала кабинет министров во главе с лидером партии и главой фракции в Национальной Ассамблее (парламенте) Таиланда. Военные после переворота коренным образом изменили ситуацию. Новая конституция содержит положение, которое даёт возможность выбора на пост премьер-министра лица, не являющегося избранным депутатом парламента и не принадлежащего ни к одной из политических партий **[7, с. 120]**. Такая процедура будет действовать предстоящие пять лет. Военная хунта распустила действующий парламент и сформировала новый состав Национальной Ассамблеи. В новый состав парламента были назначены (не выбраны) 200 человек, приближенных к хунте: 100 военных, 9 полицейских, 43 чиновника, 22 бывших сенатора, 12 ректоров университетов, 12 бизнесменов и ещё 14 лиц без определённого рода деятельности **[6, с. 95]**. В 2016 г. состав ассамблеи был увеличен до 250 человек за счёт действующих военных. Этот состав парламента практически единогласно утвердил Прают Чан-Оча 29-м премьер-министром Таиланда. В состав кабинета министров вошли 33 человека, и из них 13 военных. Военные полностью узурпировали все рычаги по принятию всех политических решений в стране, в том числе и внешнеполитических.

К Кабинету министров примыкает костяк ведомств, постоянно участвующих в определении внешней политики государства: министерства иностранных дел, обороны и иные заинтересованные ведомства. Органы исполнительной власти Таиланда в вопросах внешней политики действуют в рамках своих конституционных полномочий и сегодня без оглядки на подконтрольный парламент страны. Закрытый характер принятия решений не позволяет вовлекаться в данный процесс политическим партиям, аналитическим центрам, иным институтам гражданского общества. Ужимаются и возможности групп интересов.

Ключевым государственным органом, занимающимся разработкой и реализацией внешнеполитических решений, является Министерство иностранных дел Таиланда. МИД «занимается текущими вопросами, связанными с осуществлением внешнеполитических задач, посредством деятельности посольств и консульств обеспечивает представительство интересов Таиланда за рубежом, разрабатывает предложения по проведению внешнеполитического курса, которые затем передаются на рассмотрение в правительство. В рамках еженедельных встреч представителей МИДа и правительства осуществляется процесс обсуждения министерских инициатив и таким образом поддерживается обратная связь между кабинетом министров и министерство» **[2, с. 186]**. В период пребывания военных у власти, разработка внешнеполитических решений строится преимущественно не на процессе внутриминистерских консультаций, а на основе единоличных решений министра иностранных дел.

В условиях «военного правления» особую значимость в процессе принятия внешнеполитических решений играет министерство обороны Таиланда, руководящее королевскими сухопутными силами, королевским военно-морском флотом, королевскими военно-воздушными силами. Внешнеполитический процесс в значительной мере сегодня обусловлен логикой действия находящейся у власти военно-бюрократической

группировки, которая реагирует на внутренние и внешние угрозы национальной безопасности.

К сектору высшей власти относится Совет национальной безопасности Таиланда. Совет является консультативным органом при премьер-министре и консультирует последнего по вопросам национальной безопасности, внешней политики страны. Членами Совета являются премьер-министр, генеральный секретарь Совета, министр обороны, главнокомандующий вооружёнными силами, министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр финансов, министр связи. В настоящее время должность генерального секретаря занимает генерал Ванлоп Рангсанаох.

Роль парламента Таиланда в принятии внешнеполитических решений весьма ограничена, а в условиях военного режима существенно девальвировалась. Конституция предписывает выносить на одобрение парламента только те международные договоры и соглашения, которые касаются изменения границ или принятия решений, существенно влияющих на социально-экономическую стабильность в стране, т.е. преимущественно одобрения требовали вопросы экономического развития (бюджет, инвестиционная политика, финансовая политика и др.). Конституция предписывает правительству только разъяснять парламенту содержание большей части международных договоров и соглашений, но не требует их ратификации со стороны парламента.

Разгон законно избранного парламента в 2014 г. и формирование хунтой «ручного» парламента, представляющего интересы не народа, а военно-бюрократической элиты, свело на нет роль представительных органов власти в разработке и принятии решений в сфере национальной безопасности и внешней политики страны. Военный режим откладывает выборы в новый парламент на неопределённый срок, а саму процедуру выборов определяют новые институциональные ограничения, которые усложняют для оппозиции перспективы попасть в новый состав парламента. Новая конституция наделяет судебные органы правом импичмента депутатов парламента, если поведение последних не соответствует установленным этическим нормам. Вероятно, что данные этические нормы будут сформулированы военными и практика их применения будет весьма субъективной.

Внешняя политика Таиланда разрабатывается и формулируется ограниченным числом специалистов-профессионалов. Численность этих специалистов явно больше узкого круга принимающих решения. Эти специалисты в области внешней политики ассоциированы каждый со своим министерством или ведомством, что уже вносит в их среду некое разнообразие интересов, взглядов, подходов. Прают Чан-Оча декларирует построение «демократии тайского стиля» в противовес западной демократии, которая, по его мнению, не всегда отвечает ценностям тайского общества. В реальности же военный режим в настоящее время выстраивает модель «управляемой демократии» сродни авторитаризму. Режим постарается и впредь сохранить власть за тайским истеблишментом в лице военных и связанной с ними бюрократией. Отметим тот факт, что Таиланд не является исключением из правил. Общим для всех стран Юго-Восточной Азии является наличие в странах региона сильных бюрократических систем. Именно бюрократии стран ЮВА сыграли важную роль в руководстве трансформационным процессом и в осуществлении политики модернизации, столь необходимой для экономического роста государств.

Бюрократическая модель в сфере государственного управления диктует разработчикам внешнеполитического курса Таиланда требования максимально высокого профессионализма в сфере разработки и принятии внешнеполитических решений, что минимизирует потреб-

ность укрепления в этой сфере демократических начал в форме вовлечения во внешнеполитический процесс многочисленных заинтересантов (групп интересов, общественных организаций, аналитических центров и др.). Тайская «управляемая демократия» подавляет дискуссии и борьбу по вопросам внешней политики в парламенте, партиях, среди специалистов науки и практики, в общественных движениях и иных социальных структурах. Например, «разработки научно-академического сообщества, в силу отмеченных особенностей роли МИДа во внешней политике Таиланда в послевоенные десятилетия, также не находили масштабного применения в информационно-аналитическом обеспечении процесса принятия внешнеполитического решения» **[2, с. 187]**.

Это не означает, что потенциальные заинтересанты в тех или иных внешнеполитических решениях, например, группы интересов не пытались влиять на власть, но они предпочитали продвигать своих интересы путём установления личных контактов с армейской и бюрократической верхушкой. Исключением стал так как называемый период «нелиберальной демократии» конца XX – начала XXI в., когда тайский бизнес стал проявлять большую активность в артикуляции своих экономических и политических решений. В 2001 г. именно бизнес поддержал Таксина Чиннавата в борьбе за премьерское кресло.

Продолжение следует

Литература

1. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.

2. Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.

3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.

4. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 151–156.

5. Косолапов Н.А. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 64–73.

6. Рогожина Н.Г. Военные укрепляют власть в Таиланде // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 24. С. 93–104.

7. Фомичева Е.А. Референдум по новой конституции и перспективы политического развития Таиланда // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 118–124.

8. Abhisit calls for bigger role for Thai think tanks // [Электронный ресурс]. URL https://www.pressreader.com/thailand/bangkok-post/20170209/281595240274262 (дата обращения 02.09.2017 г.).

9. Campbell C. Thai Army Declares Military Coup // [Электронный ресурс]. URL http://time.com/108719/thai-army-declares-military-coup/ (дата обращения 02.09.2017 г.).

10. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004

11. Mc Gann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm (дата обращения 1.08.2017 г.).
12. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
13. Stone D. Capturing the Political Imagination, Think Tanks and the Political Process, London: Frank Cass, 1996. 344 p.
14. Weaver K. The Changing World of Think Tanks // PS: Political Science and Politics. 1989. № 22(3). P. 563–578.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva T.A., Kazantsev A.A. Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / T.A. Alekseeva, A.A. Kazantsev. M.: Aspekt Press, 2012. 223 s.
2. Vneshnepoliticheskij protsess na Vostoke: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Pod red. D.V. Strel'tsova. M.: Aspekt Press, 2017. 352 s.
3. Zakariya F. Budushhee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ikh predelami. M.: Ladomir, 2004. 383 s.
4. Kondratov A.I. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' gosudarstva v mezhdunarodno-politicheskom protsesse // Vestnik MGIMO Universiteta. 2011. № 2. S. 151–156.
5. Kosolapov N.A. Vneshnyaya politika i vneshnepoliticheskij protsess sub"ektov mezhdunarodnykh otnoshenij // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1999. № 3. S. 64–73.
6. Rogozhina N.G. Voennye ukreplyayut vlast' v Tailande // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2014. № 24. S. 93–104.
7. Fomicheva E.A. Referendum po novoj konstitutsii i perspektivy politicheskogo razvitiya Tailanda // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2016. № 30. S. 118–124.
8. Abhisit calls for bigger role for Thai think tanks // [Ehlektronnyj resurs]. URL https://www.pressreader.com/thailand/bangkok-post/20170209/281595240274262 (data obrashheniya 02.09.2017 g.).
9. Campbell C. Thai Army Declares Military Coup // [Ehlektronnyj resurs]. URL http://time.com/108719/thai-army-declares-military-coup/ (data obrashheniya 02.09.2017 g.).
10. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
11. Mc Gann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Ehlektronnyj resurs]. URL: http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm (data obrashheniya 1.08.2017 g.).
12. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
13. Stone D. Capturing the Political Imagination, Think Tanks and the Political Process, London: Frank Cass, 1996. 344 p.
14. Weaver K. The Changing World of Think Tanks // PS: Political Science and Politics. 1989. № 22(3). P. 563–578.

Сокращения

РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	Российский государственный исторический архив
РГИА ДВ	Российский государственный исторический архив Дальнего Востока
РНБ ПВВ	Российская национальная библиотека. Приказы по военному ведомству

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Барбенко Ярослав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент департамента коммуникации и медиа Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН *(г. Тюмень)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Калугина Марина Альбертовна – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Лебедева Марина Михайловна – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России *(г. Москва)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Рыжова Наталья Петровна – доктор экономических наук, заведующий Приморской лабораторией экономического развития и сотрудничества Института экономических исследований ДВО РАН, профессор Академического департамента Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Шин Беом-Шик – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Широ Сасаки – Ph.D., профессор кафедры передовых исследований в антропологии Национального музея этнологии, директор Национального музея культуры айнов *(г. Сираой, Япония)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор департамента философии и религиоведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Научные сообщения
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10), текст статьи, список литературы. Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Совокупный объем иллюстративного материала (таблиц, графиков, рисунков, карт и др.), прилагаемого к тексту статьи, не должен превышать 3 страниц формата А4.
7. Число фотографий и иллюстраций (сканы книг, газет и пр.) не должно превышать 8 единиц или 3 для панорамных фотографий.
8. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5)**.
9. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся сноской при первом упоминании). Например: **ГАПК**[1]

   [1] **Государственный архив Приморского края**.
10. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма.
11. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012).**
12. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,5 п.л.
13. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами.
14. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Указание источника иллюстраций – обязательно.
15. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
16. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **ojkum@rambler.ru**) или через форму подачи статей (**ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования
научно-теоретический журнал

2017 № 4 (43)

Подписано к печати 04. 12. 2017 г. Вышло в свет 28. 12. 2017 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 11,5. Уч. -изд. л. 13,6. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354